

Из коллекций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

«НАДЛЕЖИТ СОЛДАТУ... ТОГО СМОТРЕТЬ, ЧТОБ ЕГО МУНДИР В ЦЕЛОСТИ БЫЛ И РУЖЬЕ ЕГО ВСЕГДА ВЫЧИЩЕНО И ЧИСТО БЫЛО»

Обмундирование, снаряжение и вооружение русской армии в 1742—1762 гг.

▲ **Офицер и гренадер Новомиргородского гарнизона с 1760 по 1762 год**

▲ **Гренадер лейб-кампании с 1742 по 1762 год**

▲ **Мушкетеры гвардейских полков. 1762 год**

Публикация полковника запаса **В.М. КРЫЛОВА;**
С.В. УСПЕНСКОЙ

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для подписчиков Российской Федерации — 70137, для зарубежных подписчиков — 79726. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2005 г. 25 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала».

Адрес электронной почты: E-mail: vizh@vipmail.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут оформить подписку на журнал с личным получением по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ, тел.: (095) 157-80-47, внутренний телефон 1-76.

Ежемесячное издание Министерства обороны Российской Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ФЕВРАЛЬ
№ 2
2005 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К 60-летию Победы

Крылатый джигит генерал-майор авиации И.М. Дзусов

Особенности противовоздушной обороны европейских столиц в годы Второй мировой войны

Кавалеры ордена Александра Невского

Развертывание военно-морских баз и береговой обороны в Прибалтике в феврале 1940 — июне 1941 года

Локальные войны и вооруженные конфликты XX века: стратегическая авиация США в операции «Лайнбэкер-2»

ISSN-0321-0626

Фрагмент плаката
Художник М. МАЛЬЦЕВ. 1943 г.

Из коллекций Центрального музея Вооруженных сил (Москва)

23 февраля — День защитника Отечества. В 1922—1993 гг. отмечался как День Советской армии и Военно-морского флота. День воинской славы России

ВОЕННО-КОСМИЧЕСКАЯ НОСИТ ИМЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Президент России
В.В. Путин
во время посещения
академии

Бюст
А.Ф. Можайского
на территории
академии

Парадный фасад
академии

Командующему Космическими войсками генерал-лейтенанту В.А. Поповкину представляют работы участники 2-й военно-научной конференции Космических войск, которая проходила в академии в апреле 2004 года

Практические занятия будущих космонавтов

21 МАРТА 2005 года исполняется 180 лет со дня рождения известного русского исследователя и изобретателя в области создания летательных аппаратов контр-адмирала А.Ф. Можайского. Он первым отошел от идеи создания машин с машущими крыльями и сконструировал самолет с неподвижным относительно корпуса крылом.

50 лет назад, 19 марта 1955 года, еще одним признанием заслуг Александра Федоровича Можайского как первооткрывателя в области авиации стало присвоение его имени ленинградской Военно-воздушной, а ныне Военно-космической академии. Это учебное заведение имеет богатую историю, которая берет свое начало с создания в январе 1712 года по указу императора Петра I инженерной школы в Москве — одного из первых центров инженерных знаний в России.

К настоящему времени в академии сложились 32 научные школы, занимающиеся широким спектром проблем ракетно-космической техники. Ученые академии подготовили и осуществили эксперимент «Софор» на космической станции «Мир» (руководитель группы полковник Н.С. Самойлов). Конструкторская группа под руководством генерал-майора В.Ф. Фатеева сконструировала малый космический аппарат «Можаяец» и наземный комплекс управления, который функционирует по реальным объектам «Ромб», «Вектор», «Ресурс» и др.

Разработаны и внедрены ресурсосберегающие технологии поддержания и восстановления работоспособности стартового комплекса ракет-носителей. Пять сотрудников академии за эту работу в 2000 году удостоены звания лауреатов премии Правительства РФ (полковники В.Л. Гузенко, В.И. Гарюнов, В.Е. Прохорович, А.Н. Миронов, М.М. Пеньков). Комплекс названных технологий дал возможность не выводить из эксплуатации единственный в России стартовый комплекс ракет-носителей тяжелого класса на длительный и ресурсоемкий капитальный ремонт.

В академии ежегодно защищается более 10 докторских и около 60 кандидатских диссертаций. В 2004 году состоялся очередной выпуск офицеров на 6 факультетах (конструкции ракет-носителей и космических аппаратов, систем управления и вычислительной техники, радиоэлектроники, инженерно-техническом, сбора и обработки информации, автоматизированных систем управления и связи) по 29 специальностям.

Выпускник академии полковник Юрий Шаргин в октябре 2004 года первым из представителей Космических войск совершил полет на Международную космическую станцию.

ПОДВИГ ГВАРДЕЙЦЕВ

К 60-летию Победы

Из коллекций
Центрального музея
Вооруженных сил
(Москва)

ВЕЛИКАЯ Отечественная война 1941—1945 гг. вошла в историю как самая драматическая и жестокая из войн, как трагедия, унесшая и искалечившая десятки миллионов человеческих жизней и судеб. При этом она дала бесчисленные примеры величия человеческого духа, стойкости и героизма защитников нашей Родины. Память о них нетленна. Наполнить реальным содержанием лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто!» помогают исторические памятники из коллекций Центрального музея Вооруженных сил, такие, как этот плакат военной поры, рассказывающий о подвиге 25 гвардейцев под командованием гвардии лейтенанта П.Н. Широнова в схватке с значительно превосходящими силами противника. Натиску 20 танков, 15 бронемашин и свыше батальона гитлеровцев они противопоставили только винтовки, гранаты и одну противотанковую пушку. До последнего дыхания сражались гвардейцы. На поле боя осталось 10 сожженных танков и около сотни вражеских трупов. 24 гвардейца погибли, но вышли победителями в неравном бою. Родина никогда не забудет имен 25 гвардейцев-широнинцев: гвардии лейтенанта П.Н. Широнова, гвардии старшего сержанта А.П.

Плакат. 1943 г.
Художник Л. ГОЛОЗАНОВ

Болтушкина, гвардии красноармейца И.П. Бунаева, гвардии старшего сержанта И.Г. Вернигоренко, гвардии красноармейца И.П. Визгалина, гвардии красноармейца П.А. Гертмана, гвардии сержанта В.С. Грудина, гвардии старшины С.Г. Зимина, гвардии красноармейца Я.Д. Злобина, гвардии красноармейца В.Л. Исакова, гвардии сержанта Н.И. Кирьянова, гвардии красноармейца С.В. Нечипуренко, гвар-

дии красноармейца В.М. Павлова, гвардии сержанта И.В. Седых, гвардии красноармейца И.Н. Силаева, гвардии красноармейца А.А. Скворцова, гвардии младшего сержанта Н.И. Субботина, гвардии сержанта А.И. Сухина, гвардии красноармейца В.Д. Танцуренко, гвардии красноармейца А.Ф. Торопова, гвардии красноармейца А.Н. Тюрина, гвардии красноармейца С.П. Фашдеева, гвардии красноармейца И.М. Чертенкова, гвардии красноармейца П.Т. Шкодина.

Публикацию подготовила
Л.Н. БАЛАШОВА

• К читателям «Молодежного военно-исторического журнала»

РЕДКАЯ КНИГА — ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

В НАСТОЯЩЕЕ издание из двух книг — первой (22 июня — 31 августа 1941 г.) и второй (1 сентября — 31 декабря 1941 г.) — вошли документы, характеризующие напряженную и героическую борьбу советских разведчиков, контрразведчиков, воинов пограничных и внутренних войск НКВД с противником и его спецслужбами в первое полугодие Великой Отечественной войны.

В том вошло 487 документов Центральных архивов Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной пограничной службы РФ, Министерства обороны РФ, Российского государственного военного архива, других ведомствен-

ных архивов нашей страны, более 90 проц. из которых до настоящего времени имели гриф «секретно» и «сов. секретно». В сборнике помещено 62 документа противника.

За труд «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» коллективу авторов-составителей во главе с кандидатом юридических наук, профессором полковником В.П. Ямпольским Академией военных наук в апреле 2004 года была присуждена премия имени А.В. Суворова 1-й степени.

Издание представляет интерес как для историков, исследователей, так и для широкого круга читателей.

Эти книги получит в подарок победитель конкурса (условия см. на стр. 76)

Основан
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Февраль
№2 (538)
2005 год

- ВТОРАЯ МИРОВАЯ: ВОЕННОЕ ИСКУССТВО** 3 **WORLD WAR II: ART OF WAR**
В.М.КАНАЕВ — Особенности противовоздушной обороны европейских столиц
во Второй мировой войне
V.M. KANAEV – Features of air defense of the European capitals
in the World War II
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ** 9 **THE GREAT PATRIOTIC WAR: COMMANDERS AND CHIEFS**
Е.И. МАЛАШЕНКО — Командармы Великой Отечественной войны
E.I. MALASHENKO – The Great Patriotic War Army Commanders
- ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО** 17 **THE MILITARY CONSTRUCTION**
В.М. КУРМЫШОВ — Развертывание военно-морских баз и береговой обороны в
Прибалтике в феврале 1940 — июне 1941 года
V.M. KURMYSHOV – Deployment of naval bases and coast defense
in the Baltic region during February of 1940 – June of 1941
- 22** **V.V. ILYUSHIN, Yu.D. BEREZIN, A.Yu. BEREZIN** — «Решительным образом
пресекать недооценку химической опасности»
of the chemical threat should be suppressed resolutely
- ФРОНТОВОЙ АЛЬБОМ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 28 **THE BATTLE ALBUM OF "VOENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL"**
Кавалеры ордена Александра Невского
(Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО)
Holders of the Order of Alexander Nevsky
(Publication of A.V. OSTROVSKOY)
- ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА** 30 **LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS OF XX CENTURY**
Стратегическая авиация США в операции «Лайнбекер-2»
(Публикация А.И. ХЮПЕНЕНА)
The USA strategic aviation in the operation of Linebacker-2
(Publication of A.I. KHYUPENENA)
- 35** **A.P. PAVLOV** — Афганский дневник
A.P. PAVLOV – The Afghan diary
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ** 37 **THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE EPOCH, REFLECTED
IN BIOGRAPHIES**
В.И. ГАССИЕВ — Крылатый джигит
V.I. GASSIEV – The winged Dzhigit
- БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ** 42 **THE SECURITY OF RUSSIA: YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW**
Ю.Г. РОМАНЧЕНКО — «Придет время, когда поймут, что мы там
воевали за свое Отечество»
Yu.G. ROMANCHENKO – "The time will come when one will understand
that we had been fighting there for our Fatherland"
- ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ** 48 **THE MILITARY PATRIOTIC EDUCATION**
В.А. АРТАМОНОВ — «Чувство, лежащее в глубине души каждого, —
любовь к Родине»
V.A. ARTAMONOV – "Feelings that are in the bottom of each hearts –
love to our Motherland"
- МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ** 53 **BEETWEN THE WORLD WARS**
П.В. ПЕТРОВ — Балтийский флот накануне Советско-финляндской войны
P.V. PETROV – The Baltic Fleet on the eve of the Soviet-Finland War
- РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904—1905 гг.** 60 **RUSSIA-JAPAN WAR OF 1904-1905**
М.И. ФРОЛОВ, В.Д. МЕЛЕНТЬЕВ — Транспортное обеспечение Маньчжурских
армий во время Русско-японской войны 1904—1905 гг.
M.I. FROLOV, V.D. MELENTJEV – Transport support of the Manchurian
armies during Russia-Japan War of 1904-1905
- ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА** 63 **WORLD WAR I**
В.В. МАЙОРОВ — Последняя медаль Российской Империи
V.V. MAJOROV – The last medal of the Russian Empire
- МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** ★ ★ **THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE**
- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО** 65 **THE GREAT PATRIOTIC WAR: MILITARY CONSTRUCTION**
В.М. КОВШОВА — Народное ополчение Мордовии
V.M. KOVSHOVA – The Mordovia people's volunteer corps
- ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ЛИЦАХ** 68 **THE MILITARY HISTORICAL SCIENCE REFLECTED IN PERSONS**
В.И. КОРЯВКО — Вклад Н.Л. Кладо в военную науку еще предстоит оценить
V.I. KORYAVKO – The contribution of N.L. Klado to the military science
still have to be appreciated
- ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ** 71 **THE MILITARY HISTORICAL HERITAGE**
В.С. КОРОЛЕВ — «Долг чести, благородство, храбрость и неустранимость
должны быть святы и нерушимы»
V.S. KOROLEV – "Debt of honour, generosity, bravery, and fearlessness
have to be sacred and inviolable"
- ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ** 74 **THE HISTORY OF MILITARY MEDICINE**
В.В. СОСИН — «Сколь можно чаще осматривать... госпитали, лазареты
и жилища нижних чинов»
V.V. SOSIN – "As often as possible it is necessary to inspect ... hospitals,
infirmaries, and living quarters of the lower ranks"
- К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 76 **TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL
MAGAZINE"**
А.С. ЖДАНОВСКИЙ — Криптограмма «Маршал Советского Союза
Б.М. Шапошников»
A.S. ZHDANOVSKY – The cryptogram "Marshal of the Soviet Union
B.M. Shaposhnikov"
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** 77 **CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY**
Б.П. НЕЧИТАЙЛО — Новая книга о военно-профессиональной подготовке
офицерского корпуса
B.P. NECHITAJLO – A new book about military professional training of
the officers
- 78** **S.V. FEDORIN** — О цене победы в Курской битве
B.A. ISAEV — Германский вклад в финляндскую независимость
S.V. FEDORIN – About the price of the Kursk battle victory
B.A. ISAEV – German contribution to the Finland independence
- 79** **N.M. GRUZDEV** — Неизвестный флот
N.M. GRUZDEV – The unknown navy
- НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 29, 34, 52, 64;**
КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА — 27, 41;
НАШИ ЛАУРЕАТЫ — 47; ХРОНОГРАФ — 54;
ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 67, 77;
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ НОМЕРА — 80
- SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 29, 34, 52, 64;**
THE BOOKSHELF OF MILITARY HISTORIAN — 27, 41;
OUR LAUREATES — 47; THE CHRONOGRAPH — 54;
THE EDITORIAL MAIL OF "VOENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL" — 67, 77;
INFORMATION ABOUT AUTHORS AND REVIEWERS OF THE ISSUE — 80

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

2 (538)

2005 February

The Journal of Military History

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation Armed Forces
Founded in August, 1939

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

●
**Великая
Отечественная:
военное искусство**
От Вислы до Одера

ПВО фронтов
в Сталинградской
контрнаступательной
операции

●
**Великая
Отечественная
война 1941—1945 гг.**
О потерях
советских генералов
и адмиралов
в годы Великой
Отечественной
войны

●
**Военная
реформа: точки
зрения, суждения,
версии**
Первая военная
реформа в России

●
**Военное
строительство**
От красногвардей-
ских отрядов
до регулярных частей
Красной армии

●
**Воинское обучение
и воспитание**
«Муштруйте
и воспитывайте...
сначала себя,
потом солдата»

●
**Военная летопись
Отечества**
От минерной роты
к инженерным
полкам

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих научных изданий Российской Федерации, в которых рекомендовано публиковать результаты научных исследований на соискание ученой степени доктора наук

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», майор (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба — помощник начальника Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЬЦУКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

В.А. КРАВЧЕНКО — начальник Главного штаба Военно-морского флота — первый заместитель главнокомандующего Военно-морским флотом, адмирал (Москва)

И.В. КУЗИНА — ответственный секретарь редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

В.И. ОСТАНКОВ — начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор военных наук, профессор (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
О.В. КАРПОВА, полковник;
Ю.Н. ЛЕЩЕНКО, подполковник;
В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке

секретариат:

Ю.В. СНЕГОВА (заместитель ответственного секретаря);
К.Н. АГАФОНОВА;
М.В. ЗАБРОДИНА;
Е.В. КРИГЕР

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
А.М. ПЕТРОВ, полковник в отставке;
Г.В. САТИК
художественные редакторы:
Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА
заведующая редакцией:
М.П. МОИСЕЕВА

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красногорск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Е.Н. КОРЧАГИН — заместитель директора музея «Исаакиевский собор», капитан 1 ранга в отставке, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Е.И. МАЛАШЕНКО — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — начальник Центрального музея Вооруженных сил, полковник (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — директор историко-документального департамента МИД РФ (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ ЕВРОПЕЙСКИХ СТОЛИЦ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье на опыте организации противовоздушной обороны Лондона, Берлина и Москвы в годы Второй мировой войны показаны основные тенденции и направления в развитии ПВО, методы использования авиации и зенитной артиллерии для защиты от воздушного нападения, недостатки в организации противовоздушной обороны Лондона и Берлина в начале войны, учтенные советским командованием при создании ПВО Москвы.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ и совершенствование противовоздушной обороны связано с развитием военной авиации и постоянным повышением ее роли в достижении целей военных действий. Уже за время ведения Первой мировой войны основные ее участники — Германия, Франция, Англия и Россия увеличили количество военных самолетов в 5—9 раз. В межвоенный период произошли коренные изменения во взглядах на роль и задачи авиации в вооруженной борьбе. Во Второй мировой войне авиация решала уже не только тактические и оперативные, но и стратегические задачи.

Стратегическое значение, в частности, приобрели борьба за господство в воздухе, а также бомбардировки с целью подрыва военно-экономического потенциала и подавления морального духа населения противостоящей стороны.

В Германии военная авиация наряду с сухопутными войсками и военно-морским флотом стала самостоятельным видом вооруженных сил с марта 1935 года. Создание мощных люфтваффе, превосходящих по численности и боевым качествам воздушный флот вероятного противника, военно-политическое руководство Германии считало одним из основных условий ведения войны. Поскольку ВВС в первые же дни войны должны были сосредоточить основные усилия на завоевании господства в воздухе, а с развитием наземных операций всемерно поддерживать сухопутные войска, в структуре люфтваффе предусматривалось преобладание бомбардировочной авиации¹. Концепция ведущей роли авиации в «молниеносной войне», принятая нацистской верхушкой Германии, нашла свое отражение не только в количественном соотношении родов авиации, но и в конструировании самих самолетов. Упор был сделан на выпуск средних бомбардировщиков, которые, по мнению военно-политического руководства, могли использоваться как для поддержки войск на поле боя, так и для нанесения ударов по тыловым объектам противника на дальности 800—1000 км. Эта концепция, вполне оправдавшая себя в операциях против Польши, Бельгии, Франции и Норвегии, дала осечку в противоборстве с Великобританией. В ходе воздушных налетов на объекты Англии выявились крупные недостатки в ВВС Германии, в том числе и такие: бомбардировщики обладали малой бомбовой нагрузкой, не имели броневой защиты, их стрелковое

вооружение оказалось малоэффективным, а истребители как по своим характеристикам, так и из-за малой численности не смогли обеспечить прикрытие ударной авиации. Германское командование приняло срочные меры, и уже осенью 1940 года появляются бомбардировщики с броневой защитой, увеличивается количество истребителей. К началу войны против СССР удельный вес истребителей вырос с 22 до 31 проц.²

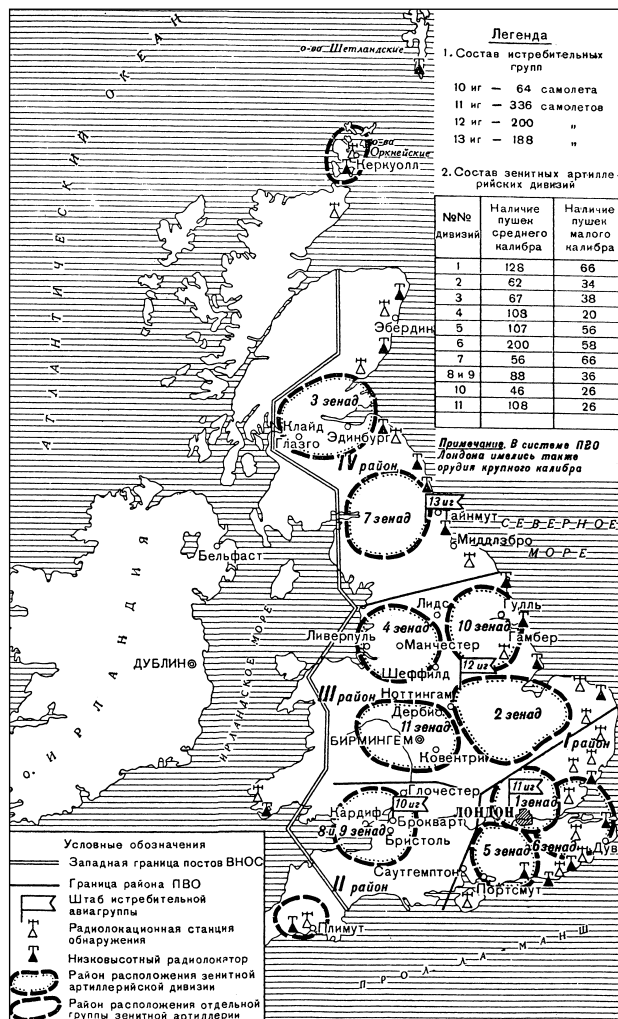
Согласно английской военной доктрине предвоенного времени назначение военно-воздушных сил заключалось в оказании экономического и морального воздействия на противника путем бомбардировок его тыловых объектов и прикрытии своей страны от ударов с воздуха. Первые удары по объектам Германии англичане предприняли в 1940 году, но в небольших масштабах и только днем. Надо учесть, что англичане тоже не имели истребителей с большим радиусом действия для сопровождения ударной авиации, а расчеты, что тяжелые бомбардировщики, вооруженные 6—8 пулеметами и идущие в строю, смогут сами защитить себя от истребителей, оказались бесосновательными. Большие потери вынудили руководство ВВС Великобритании перейти к проведению налетов только в темное время суток. Однако ночные действия для английской авиации стали совершенно новым делом, точность бомбометания оказалась низкой, и с 1941 года английские ВВС перешли к бомбардировке крупных городов, т.е. по большим площадям. Таким образом, практический ход военных действий к моменту нападения Германии на Советский Союз показал необходимость укрепления противовоздушной обороны крупных городов. Между тем анализ состояния противовоздушной обороны войск и объектов основных воюющих государств говорит о серьезных просчетах в организации ПВО обеих сторон.

Вся территория Великобритании была разделена на четыре района противовоздушной обороны, каждый из которых прикрывали авиационная группа (от 4 до 22 эскадрилий по 18 самолетов) и 2—4 зенитные артиллерийские дивизии (3—5 артиллерийских бригад с 2—3 прожекторными бригадами). К концу 1940 года формируются еще две авиационные группы и одна зенитная артиллерийская дивизия. На вооружении зенитных артиллерийских дивизий ПВО Англии в июле 1940 года находилось всего около 1200 орудий среднего и крупного калибров, до 550 орудий малого калибра и 3932 зенитных прожектора³. Зенитная артиллерия среднего и крупного калибров прикрывала в основном наиболее важные центры страны, а малокалиберная осуществляла противовоздушную оборону отдельных объектов.

В системе ПВО Лондона имелось 328 орудий среднего и крупного калибров и 124 — малого калибра. Зенитное прикрытие других крупных центров было значительно слабее. Так, на защите Ливерпуля от воздушного противника стояли 52 орудия среднего калибра и 12 малого, а важнейший порт Плимут при-

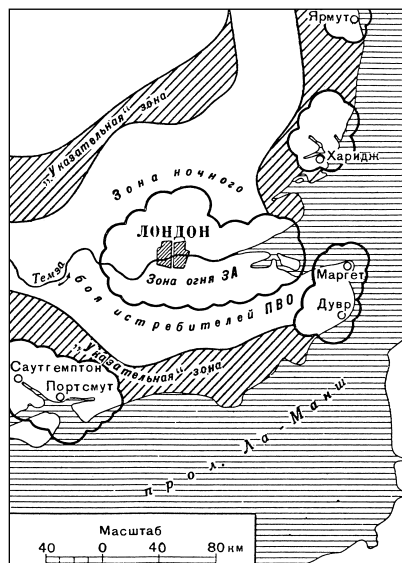
К 60-летию Победы

Схема противоздушной обороны Англии к лету 1940 года

Схема противоздушной обороны Лондона в 1940 году

мая зона истребления. Здесь зенитные прожекторы стояли на удалении друг от друга до 5 км.

Истребительная авиация патрулировала вдоль внешней границы своей зоны с задачей перехвата освещенных самолетов противника и уничтожения их, до того как они войдут в зону огня зенитной артиллерии. Днем на перехват воздушного противника, как правило, вылетали истребители «Спитфайр», которые должны были связать воздушными боями немецкие истребители. Далее водились в бой истребители «Харрикейн» с задачей атаковать бомбардировщики, идущие в сторону Лондона. Эскадрильи истребителей с аэродромов к северу и югу от Лондона перехватывали бомбардировщики на их флангах и при возвращении на свои аэродромы. Атаковали мелкими группами по 2—3 самолета. Считалось, что, действуя рассредоточенно, можно повысить вероятность встречи с большим числом немецких бомбардировщиков, хотя подобная тактика приводила к ослаблению ударов и значительным потерям. По английским данным, в период с июля по октябрь 1940 года истребительная авиация потеряла 1200 самолетов. Ночью эффективность истребителей была низкой. Зенитные прожекторы освещали цели сравнительно редко и не обеспечивали достаточной устойчивости освещения. Попытки вести бои более крупными группами (до 20 перехватчиков) по ряду причин, в том числе и из-за неподготовленности к такому виду деятельности командного и летного состава, успеха не имели.

За зоной ночного боя истребительной авиации располагалась указательная зона, где на расстоянии 9—10 км друг от друга стояли прожекторы, с помощью которых следовало обнаруживать, освещать и «передать» прожекторам, стоящим в зоне истребления, летящие немецкие самолеты. Что касается применявшихся в годы Второй мировой войны аэростатов заграждения, то в обороне Лондона они использовались лишь на наиболее важном, восточном, направлении, вне зоны огня зенитной артиллерии, на высоте не более 2000 м и существенного вклада в противоздушную оборону города не внесли.

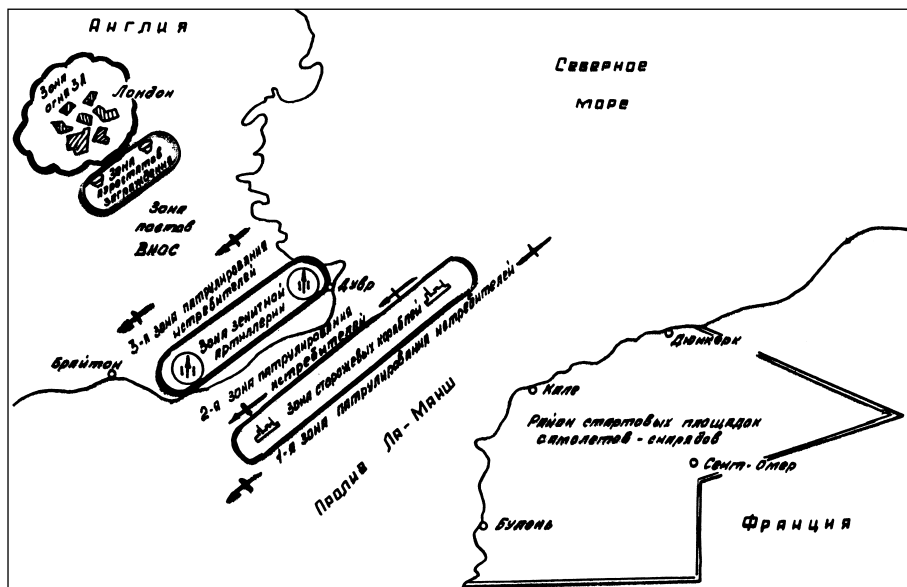
В ходе войны, с ростом интенсивности налетов немецкой авиации, английская сторона постоянно совершенствовала противоздушную оборону Лондона, однако принципиальных изменений она не претерпела. Лишь в связи с применением Германией ракет Фау-1 и Фау-2 английское руководство было вынуждено срочно перестроить систему ПВО Лондона. При этом были значительно усилены группировки истребительной авиации и зенитной артиллерии. Так, к концу войны численность орудий разных кали-

крывался всего 18 орудиями зенитной артиллерии среднего калибра и 4 — малого.

Налеты немецкой авиации в 1940 году вынудили английское командование усилить противоздушную оборону Лондона. Сюда за счет ослабления ПВО других объектов перебросили 150 орудий среднего калибра. Однако в связи с общей нехваткой сил и средств ПВО пришлось увеличить выпуск зенитных орудий и сформировать новые зенитные подразделения. К концу 1941 года в ПВО Англии уже имелось более 1900 орудий среднего и крупного калибров, до 200 орудий малого калибра и около 6600 зенитных прожекторов. Около трети этого вооружения применялось в системе ПВО Лондона.

Зона огня зенитной артиллерии была организована непосредственно вокруг Лондона и вдоль устья Темзы. В направлении на восток она достигала глубины до 85 км от центра города, а на остальных направлениях — 35—40 км. На побережье в районе Дувр-Маргет была создана передовая зона зенитного огня. На дальних подступах к Лондону — вне зоны действия зенитной артиллерии — применялась истребительная авиация.

Прожекторные части размещались так, чтобы они могли оказывать помощь и зенитной артиллерии, и истребительной авиации. В зоне огня зенитной артиллерии прожекторы образовывали несколько линий. На дальних подступах к городу интервалы между прожекторами составляли 5,5—6 км, а во внутренних линиях — 3—3,5 км. За зоной огня зенитной артиллерии располагалась на глубину 35—40 км зона ночного боя истребительной авиации, так называемая

Система ПВО Лондона летом 1944 года

малой степени способствовало хвастливое заверение Г. Геринга, что ни один самолет противника не долетит до границ рейха. Удивительно, но факт, германское командование, прекрасно понимая значение авиации в достижении целей войны, недооценило аналогичных возможностей вероятных противников. Пренебрежение к вопросам противовоздушной обороны привело к тому, что в течение всей войны по крупнейшим городам Германии постоянно наносились мощные авиационные удары союзников.

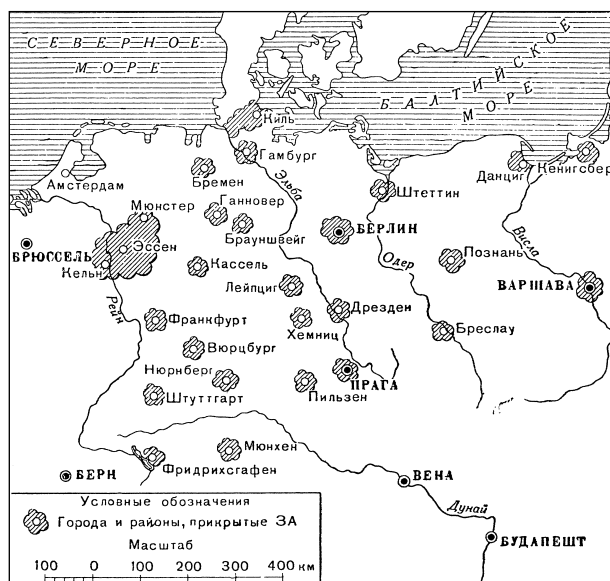
бров довели до 2000, увеличилось и количество истребителей. На вооружение поступили радиолокационные станции, войска получили боевой опыт, возросло мастерство командного состава. Силы и средства ПВО построили в несколько эшелонов. Две зоны патрулирования истребителей были вынесены вперед, над проливом Ла-Манш, для ведения боевых действий на дальних подступах к городу. Истребители, действовавшие там, имели задачу сковывать в воздушных боях истребители сопровождения противника или уничтожать (в случае их применения) крылатые ракеты. Над Ла-Маншем в каждой из зон патрулировало по 4—8 самолетов днем и по 3—4 ночью. На побережье, на рубеже Дувр—Брайтон, была создана передовая зона зенитной артиллерии с 800—850 орудиями различного калибра, которые могли «достать» противника над проливом в 10—15 км от берега. Далее была спланирована третья зона действия истребительной авиации, где должны были вступать в сражение ее основные силы. В ней патрулировало по 8—10 самолетов типа «Темпест» и «Спитфайр», а также вводились в бой дневные и ночные истребители «Москито». В августе 1944 года были впервые применены реактивные самолеты типа «Метеор»⁴. На ближних подступах к городу, на расстоянии 20—25 км, находились аэростаты заграждения и позиции зенитной артиллерии непосредственной защиты столицы страны от ударов воздушного противника. До 2000 аэростатов располагались друг от друга с интервалами в 1 км. Чтобы обезопасить в темное время суток собственные истребители, они указывали свое местонахождение вертикальным лучом света. Пятнадцать сторожевых кораблей с РЛС на борту несли круглосуточное боевое дежурство. К началу 1945 года благодаря этой системе удавалось уничтожать до 75 проц. самолетов-снарядов.

Таким образом, созданная система ПВО Лондона отвечала принципу круговой обороны с сосредоточением основных сил на направлении вероятного главного удара. Противовоздушную оборону столицы Англии последнего периода Второй мировой войны можно считать прототипом противоракетной обороны крупного объекта, а некоторые принципы ее организации использовать при разработке теории современной противоракетной обороны на ТВД.

ЕЩЕ больше просчетов при организации противовоздушной обороны крупных городов допустило военное руководство Германии, чему в не-

ответственность за противовоздушную оборону была возложена на главное командование ВВС, т.е. в конечном итоге на Г. Геринга. Приоритет при этом отдавался истребительной авиации, сведенной в 1939 году в воздушный флот «Митте». Зенитная артиллерия, прожекторы, войска воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) и другие наземные силы и средства ПВО входили в состав воздушных округов и в оперативном отношении подчинялись командованию «Митте». Истребительную авиационную дивизию составляли 3—5 истребительных эскадр из 3—4 авиационных групп по 36 самолетов каждая.

До 1941 года в Германии не уделялось внимания совершенствованию структуры и вооружения зенитной артиллерии. Отдельные полки и дивизионы зенитной артиллерии, зенитных прожекторов и батальоны аэростатов заграждения, оборонявшие крупные города, объединялись в особые командования ПВО. Даже для защиты важных административных и эко-

Схема прикрытия зенитной артиллерией важнейших городов и промышленных районов Германии и оккупированных ею областей к лету 1941 года

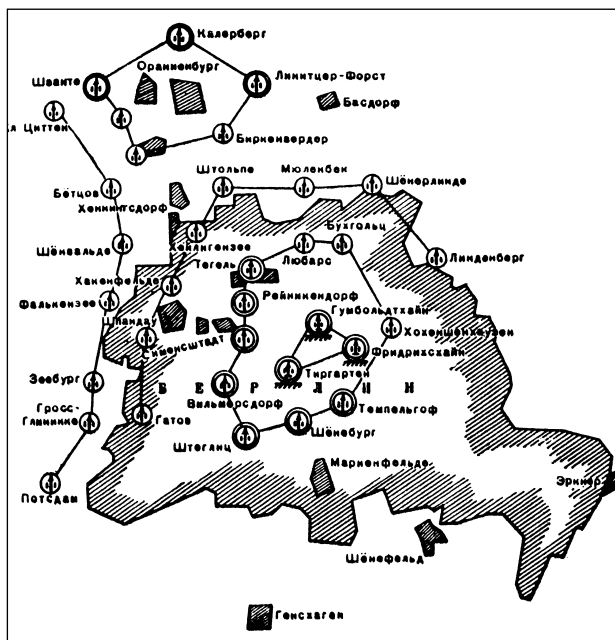
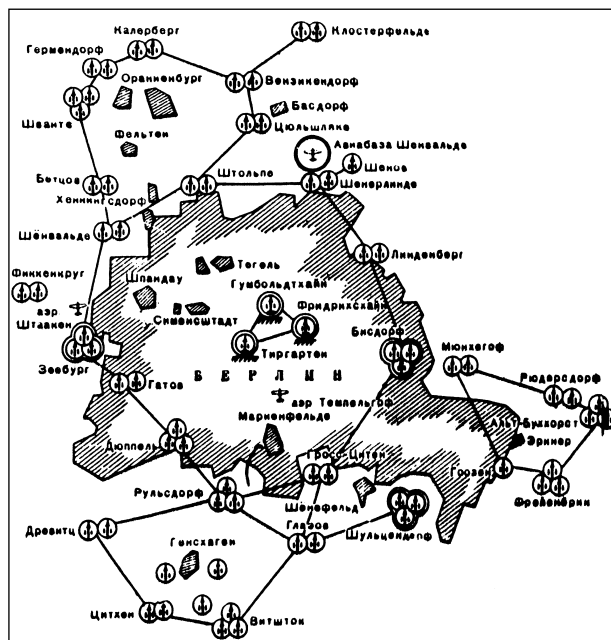

Схема зенитного прикрытия Берлина в октябре 1942 года

Изменения в зенитном прикрытии Берлина к апрелю 1944 года

номических центров выделялось довольно ограниченное количество зенитной артиллерии.

Только с 1941 года стали создаваться зенитные артиллерийские дивизии, каждой из которых определялся свой район обороны. Состав дивизий был непостоянен и зависел от характера и важности обороняемого объекта. Дивизия, прикрывающая Берлин, имела в своем составе в различное время от 2 до 4 полков, полк — от 1 до 3 дивизионов, дивизион — от 4 до 10 батарей. К началу Второй мировой войны в системе ПВО Берлина насчитывалось всего около 160 орудий среднего и крупного калибров, и лишь к маю 1941 года это количество было увеличено до 260. В состав зенитных артиллерийских дивизий входили также части зенитных прожекторов и аэростатов заграждения. В начале войны группировка командования ПВО Берлина сосредоточивала основное внимание на западном направлении, хотя плотность огня была недостаточна для эффективного противодействия ударам английской авиации.

Основным средством защиты от воздушного нападения считалась истребительная авиация, возможности которой значительно переоценивались: предполагалось, что одной истребительной авиационной дивизии хватит для прикрытия нескольких городов. Например, истребительная авиационная дивизия, оборонявшая Берлин, должна была защищать также Штеттин, Лейпциг и Дрезден.

Зона действий истребительной авиации, прикрывавшей Берлин, называлась главной зоной сопротивления. Воздушные бои немецкие истребители завязывали на дальних подступах, вне зоны огня своей зенитной артиллерии. Если налет совершался одиночными самолетами противника, на перехват поднималась пара истребителей, если большими группами, то уже необходимое количество отрядов истребителей с задачей перехвата вражеских самолетов на дальних подступах. В дневное время истребительная авиация люфтваффе действовала достаточно эффективно, но когда англичане перешли к нанесению ударов в ночное время, ее результативность значительно снизилась, и задача отражения ночных

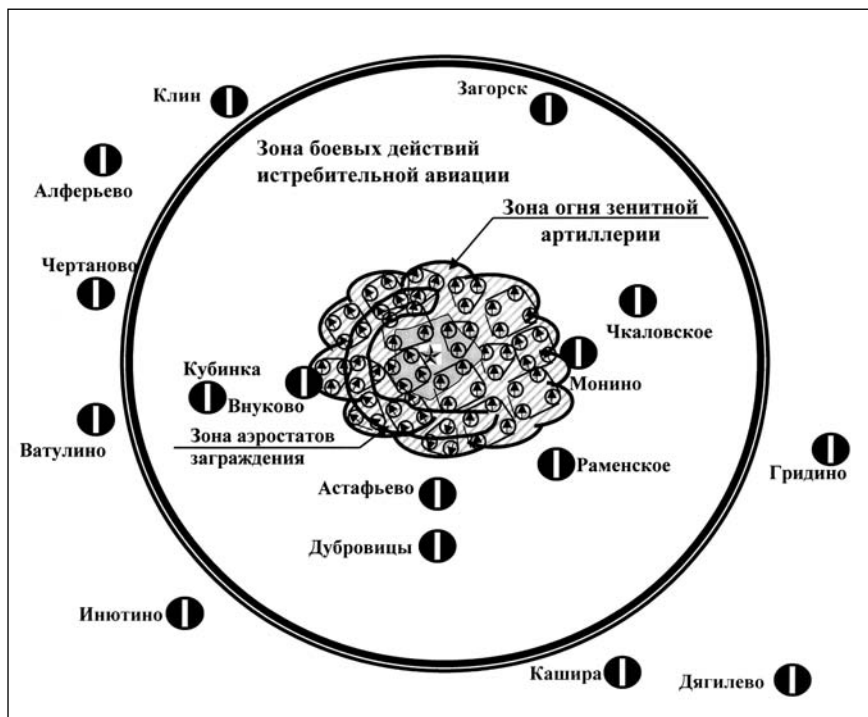
налетов легла в основном на зенитную артиллерию. Но даже зенитная артиллерия прикрывала только центральную часть немецкой столицы и подступы с западного направления. Что касалось восточных и южных районов города, где находились основные предприятия военной промышленности, то они оставались в ночное время вообще без прикрытия. Орудия зенитной артиллерии малого калибра устанавливались, как правило, на территории прикрываемого объекта повзводно, чаще всего на крышах зданий.

В системе ПВО Берлина в этот период имелось 224 зенитных прожектора, объединенных в семь прожекторных дивизионов. Прожекторные станции со звукоуловителями занимали позиции на внешнем крае световой зоны. В сфере огня зенитной артиллерии прожекторы располагались на расстоянии 3—4 км друг от друга по фронту и в глубину. Сопровождение целей осуществлялось в зависимости от высоты полета и метеословий различным количеством лучей (от шести и более). Ночью, при сравнительно небольшой толщине облаков, прожекторы, подсвечивая облака снизу, помогали истребителям обнаруживать самолеты противника, летевшие над ними. В этом случае огонь зенитной артиллерии выше облаков был запрещен. Аэростаты воздушного заграждения применялись для обороны наиболее важных портов Германии и некоторых крупных военных заводов.

Чем более затягивалась война, тем чаще стал подвергаться Берлин воздушным налетам. Стало ясно, что надо укреплять зенитную оборону, однако этого не позволяла сделать ограниченная производственная мощность орудийных заводов. Мало того, успешное наступление Красной армии и завоевание советской авиацией господства в воздухе вынуждало германское командование снимать орудия с обороны столицы для усиления зенитной артиллерии на восточном фронте.

Впоследствии, с приближением линии фронта на востоке к границам рейха и усилением бомбардировок немецких городов американской авиацией, германское командование предприняло коренную ре-

Схема ПВО Москвы в начале Великой Отечественной войны. Кружками указаны аэродромы истребительной авиации

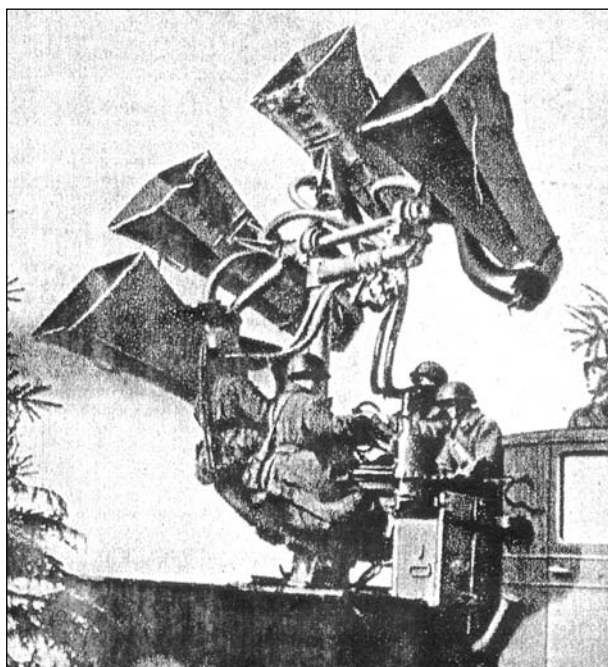
крупного центра страны. Они состояли в следующем: применение всех сил ПВО (истребительной авиации, зенитной артиллерии, зенитных прожекторов и аэростатов заграждения) должно быть массированным при полном взаимодействии между ними; создание противовоздушной обороны по принципу круговой обороны, так как авиация противника может появляться с любого направления, даже с нескольких (однако это не значит, что силы и средства ПВО должны распределяться равномерно: предусматривалось усиление обороны как наиболее опасных направлений, так и важнейших объектов внутри крупного центра); эшелонирование сил и средств противовоздушной обороны в глубину с целью непрерывного воздействия по воздушному противнику. Основным родам войск ПВО — истребительной авиации и зенитной артиллерии — планировалась своя зона ответственности с учетом их возможностей. Такое построение обороны обеспечивало достаточно глу-

бокую полосу непрерывного воздействия по противнику еще на дальних подступах к объекту. организацию противовоздушной обороны, прежде всего на подступах к Берлину. Здесь была значительно усилена система ПВО, увеличена плотность огня зенитной артиллерии, в том числе и за счет орудий малого калибра непосредственного прикрытия. Принятие на вооружение радиолокационных станций обнаружения воздушного противника и новых систем управления огнем зенитной артиллерии сыграло серьезную роль в повышении надежности ПВО Берлина. Однако допущенные ранее просчеты в организации противовоздушной обороны города, в том числе отсутствие единого управления всеми силами и средствами ПВО, а также недостаточное количество зенитной артиллерии сказывались до конца войны, так и не позволив немецкому командованию создать эффективную систему противовоздушной обороны Берлина.

Такое построение обороны обеспечивало достаточно глу-

бокую полосу непрерывного воздействия по противнику еще на дальних подступах к объекту. Классическим примером применения этих принципов на деле была организация противовоздушной обороны Москвы. Еще в 1938 году был сформирован 1-й корпус ПВО (всего к началу войны было создано три корпуса ПВО, к концу — 15), в состав которого входили: зенитная артиллерия и пулеметы, прожекторы, отряды аэростатов заграждения и подразделения ВНОС. При этом трехдивизионные артиллерийские полки довели до пятидивизионных, прожекторный батальон был переформирован в прожекторный полк с

В СОВЕТСКОМ Союзе при создании системы противовоздушной обороны в предвоенные годы учитывалось то, что объектами воздушных ударов станут не только войска и коммуникации, но и административно-политические и промышленно-экономические центры страны. По возможности принимались в расчет недостатки в организации ПВО на Западе. Система ПВО в СССР строилась с учетом того, что воздействие по воздушному противнику должно быть непрерывным — путем последовательных ударов истребительной авиации и зенитной артиллерии. Опыт боевых действий на Западе показал, что авиация, как правило, наносит массированные удары по крупным городам, поэтому ей надо противопоставить столь же массированные средства ПВО. Таким образом, к началу Великой Отечественной войны уже были сформулированы основные принципы противовоздушной обороны

Расчет звукоуловителя на боевой вышке

72 прожекторами-сопроводителями и таким же количеством станций «Прожзвук», а батальоны ВНОС переросли в полки четырехбатальонного состава.

В начале 1940 года была создана 24-я истребительная авиационная дивизия (иад) в составе пяти истребительных авиационных полков, а осенью проведено их совместное учение с 1-м корпусом ПВО. Позднее на базе двух дивизий образован 6-й истребительный авиационный корпус (командир — полковник И.Д. Климов, с ноября 1941 г. — полковник А.И. Митенков) в составе одиннадцати истребительных авиационных полков (в сентябре 1941 года их количество было увеличено до 20⁵, а в октябре — до 43⁶).

Государственный комитет обороны (ГКО) в течение войны постоянно рассматривал вопросы совершенствования обороны столицы. Особое значение имело решение ГКО от 9 июля 1941 года «О противовоздушной обороне Москвы»⁷, которым предусматривалось усиление зенитного артиллерийского и истребительного авиационного прикрытия столицы, увеличение числа прожекторных станций и аэростатов заграждения.

Согласно разработанным планам в функции противовоздушной обороны Москвы входило: силами истребительной авиации уничтожать воздушного противника на подступах к городу в полосе 80—100 км; иметь подготовленные аэродромы в радиусе 150—200 км от Москвы; силами зенитной артиллерии среднего калибра создать вокруг города и над ним зону огня, обеспечив его наибольшую глубину и плотность на западном и южном рубежах как наиболее вероятных направлениях налетов немецкой авиации; для обеспечения действий истребительной авиации в ночных условиях создать силами зенитных прожекторных полков световые поля, сосредоточив основные усилия на западном направлении; части аэростатов заграждения применять для усиления обороны западных и южных окраин и центра города; разведку воздушного противника вести силами ВНОС, обеспечив обнаружение воздушных целей на дальности 200—250 км от Москвы.

Первый массированный налет на Москву немецкая авиация предприняла в ночь на 22 июля 1941 года (с 22 ч 25 мин до 3 ч 25 мин). С западного направления шли 220⁸ бомбардировщиков четырьмя эшелонами с интервалом 30—40 мин. На подступах к городу отдельные группы самолетов меняли курс полета и пытались пробиться к объектам ударов с различных направлений.

Непосредственное управление всеми действиями по отражению массированного удара противника осуществлял командир 1-го корпуса ПВО генерал-майор артиллерии Д.А. Журавлев. С получением данных о появлении немецких самолетов была поставлена задача по отражению удара истребительной авиации, зенитно-прожекторным частям и частям зенитной артиллерии. Несмотря на некоторые недостатки, вполне объяснимые отсутствием опыта, противовоздушная оборона столицы натиск противника выдержала. Встреченные достаточно большого количеством истребителей и огнем зенитной артиллерии, большинство вражеских бомбардировщиков сбросили бомбы, не дойдя до города. Фугасные и зажигательные бомбы нескольких прорвавшихся одиночных самолетов не принесли ощутимого ущерба. Было уничтожено 22 самолета противника: 10 — зенитной артиллерией и 12 — истребительной авиацией. За успешное отражение первого массированного налета приказом народного комиссара обороны № 241 от 22 июля 1941 года лично составу 1-го корпуса ПВО и 6-го истребительного авиационного корпуса была объявлена благодарность⁹.

Последующий ход боевых действий показал, что такие результаты были не случайными. Например, с 21 июля по 15 августа на Москву было совершено 18 ночных налетов. Из 1700 бомбардировщиков, участвовавших в них, к городу прорвалось только 70, т.е. около 4 проц. Всего же с июля по декабрь 1941 года войска ПВО Москвы отразили 122 массированных налета, в которых участвовало около 8000 самолетов. К городу же прорвалось лишь 229 вражеских машин, около 2,8 проц. За этот период силами и средствами ПВО Москвы было уничтожено более 950 и подбито свыше 130 самолетов противника.

Кроме задач непосредственной защиты объектов от ударов с воздуха силы и средства ПВО участвовали в решении и других задач. Истребительная авиация привлекалась для нанесения ударов по прорвавшимся группировкам войск противника, а зенитная артиллерия — для обороны городов, в частности для защиты Ленинграда. На переднем крае обороны Москвы по указанию Ставки ВГК в октябре 1941 года для борьбы не только с авиацией, но и с танками противника из состава 1 корпуса ПВО были созданы зенитно-артиллерийские и пулеметные группы. Так, в районе Подольска и Наро-Фоминска успешно сражались зенитно-артиллерийские и пулеметные группы 176-го зенитного артиллерийского и 20-го зенитно-пулеметного полков¹⁰. 12 октября 1941 года народный комиссар обороны издал приказ, в котором указывалось: «Всем зенитным батареям корпуса Московской зоны ПВО, расположенным к западу, юго-западу и югу от Москвы, кроме основной задачи отражения воздушного противника быть готовым к отражению и истреблению прорвавшихся танковых частей и живой силы противника; частям ВНОС корпуса и зенитной артиллерии усилить наблюдение за наземным противником и усилить непосредственное охранение»¹¹.

Войсками 1-го корпуса ПВО и 6-го истребительного авиационного корпуса только за период с октября по декабрь 1941 года было уничтожено и подбито: танков — 343, автомобилей — более 3000, артиллерийских батарей — 49, рассеяно и уничтожено свыше 40 000 вражеских солдат и офицеров.

В заключение отметим, что опыт организации противовоздушной обороны и результаты ее боевых действий в годы Второй мировой войны свидетельствуют о необходимости заблаговременных мер по противовоздушной обороне наиболее важных объектов страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из общего числа боевых самолетов бомбардировщики составляли 75 проц., а истребители — 22 проц. См.: Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1954. Т. 1. С. 29.

² Войска противовоздушной обороны страны в Великой Отечественной войне. Т. 1. С. 31.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 244.

⁵ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 30802. Д. 67. Л. 3.

⁶ Вестник ПВО. 1965. № 5. С. 21.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 72. Оп. 56103. Д. 3. Л. 23, 24.

⁸ По другим данным — 250.

⁹ Правда. 1941. 23 июня.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 741. Оп. 798648. Д. 1. Л. 183.

¹¹ На страже неба столицы. М.: Воениздат, 1968. С. 145.

Генерал-майор запаса В.М. КАНАЕВ

КОМАНДАРМЫ Великой Отечественной войны

Иван Васильевич Болдин в начале войны, командуя оперативной группой, вывел из окружения ряд частей. С октября 1941 года возглавил 19-ю армию, затем — 50-ю, которая под Тулой сдержала натиск танковых частей Гудериана. Участвовал в контрнаступлении под Москвой, Курской битве, Белорусской и Восточно-Прусской операциях. Войну закончил заместителем командующего фронтом, генерал-полковником.

Иван Васильевич Галанин в 1940 году в звании генерал-майора командовал стрелковым корпусом. С августа 1941 до ноября 1944 года стоял последовательно во главе семи армий; отстранялся от должности командарма, но через некоторое время снова восстанавливался в этой должности. В сложной обстановке работал спокойно, обеспечивая непрерывное управление соединениями и частями.

Кузьма Никитович Галицкий войну начал командиром дивизии, командовал стрелковым корпусом, с сентября 1942 года — 3-й ударной, с ноября 1943-го и до конца войны — 11-й гвардейской армиями. Волевой, решительный командир. Отличался большой настойчивостью в выполнении поставленных задач. В 1945 году генерал-полковник Галицкий был удостоен звания Героя Советского Союза. После войны командовал войсками ряда округов.

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2005. № 1.

Василий Васильевич Глаголев с февраля 1943 года командовал 9-й, затем 46, 31-й, а с января 1945-го — 9-й гвардейской армиями. Отличился в боях за Кавказ, в Курской битве, при форсировании Днепра, в Белорусской операции и освобождении ряда стран Восточной Европы. Генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1943). С 1946 года командовал Воздушно-десантными войсками.

К 60-летию Победы

Владимир Алексеевич Глуздовский служил в погранвойсках, войну начал заместителем командира дивизии. Осенью 1941 года был назначен начальником штаба 31-й армии, с февраля 1943-го стал ее командующим. В последующем командовал 6-й и 7-й армиями, участвовавшими в Висло-Одерской и Берлинской операциях. С 1943 года — генерал-лейтенант.

Леонид Александрович Говоров с должности начальника артиллерии фронта был назначен командующим 5-й армией, сражавшейся на подступах к Москве. Им была создана сильная противотанковая оборона. Армия стойко оборонялась на Можайском направлении, а затем перешла в наступление. Хорошее знание артиллерии, вероятно, имело значение при назначении Л.А. Говорова командующим войсками Ленинградского фрон-

та, которым он успешно командовал до конца войны. В 1944 году ему присвоено звание Маршала Советского Союза. В 1945-м он стал Героем Советского Союза.

Филипп Иванович Голиков в Битве под Москвой с октября 1941 года командовал 10-й, затем 4-й ударной и кратковременно 1-й гвардейской армиями. С апреля 1942 года руководил действиями войск фронта, получил звание генерал-полковника. В апреле 1943-го назначен начальником Главного управления кадров НКО.

Александр Васильевич Горбатов подвергся репрессии. В июне 1941 года — комбриг, в военную пору командовал дивизией, корпусом, с июня 1943-го и до конца войны — 3-й армией. Зарекомендовал себя умелым командармом, твердым, принципиальным, тактичным военачальником. Достижение успеха обеспечивал эффективным применением артиллерии, танков и авиации. Стал Героем Советского Союза и получил звание генерал-полковника. После войны командовал войсками округа. Звание генерал-полковника ему присвоено в 1955 году.

Василий Николаевич Гордов в предвоенные годы был генерал-лейтенантом, начальником штаба округа. Войну начал в должности начальника штаба 21-й армии, став в ноябре 1941 года ее командующим. Затем командовал Сталинградским фронтом (20 дней), 33-й и 3-й гвардейской армиями. Обладал организаторскими спо-

И.А. Богданов

И.В. Болдин

А.Л. Бондарев

Я.И. Брод

В.П. Васильев

С.В. Вишневский

А.А. Власов

В.И. Вострухов

Н.А. Гаген

И.В. Галанин

К.Н. Галицкий

А.И. Гаспилович

В.Ф. Герасименко

М.Н. Герасимов

В.В. Глаголев

В.Н. Гордов

Ф.Д. Гореленко

А.М. Городнянский

А.А. Гречкин

А.А. Гречко

М.Г. Дубков

М.П. Духанов

А.И. Еременко

А.Н. Ермаков

Ф.А. Ершаков

И.Г. Захаркин

Г.Ф. Захаров

Н.Д. Захватаев

А.И. Зыгин

М.М. Иванов

собностями и сильной волей, но бывал чрезмерно грубым. Удостоен звания Героя Советского Союза. После войны командовал войсками округа. По сфабрикованному обвинению был осужден и расстрелян в 1951 году, в 1956-м реабилитирован.

Андрей Антонович Гречко в 1941 году был полковником. После окончания Военной академии Генерального штаба командовал кавалерийской дивизией и корпусом, с апреля 1942 года — армиями. Был заместителем командующего войсками 1-го Украинского фронта.

С декабря 1943-го и до конца войны успешно командовал 1-й гвардейской армией, с боями преодолевшей

Карпаты. В ходе боевых операций умело маневрировал силами и средствами. Считался одним из опытных командармов.

После войны А.А. Гречко командовал округом, являлся главнокомандующим Группы советских войск в Германии, Сухопутных войск, Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора, министром обороны СССР, Маршалом Советского Союза (1955). Дважды Герой Советского Союза (1958, 1973).

Иван Тихонович Гришин командовал дивизией, был начальником штаба армии, с июня 1943 по май 1945 года — командующий 49-й армией, отличив-

шейся в наступательных операциях завершающего периода войны. Получил звание генерал-полковник, стал Героем Советского Союза (1945). После войны был начальником Управления боевой подготовки Сухопутных войск.

Андрей Иванович Еременко был командармом кратковременно: в июне 1941-го, с декабря 1941 по февраль 1942 года, с февраля по апрель 1944-го. Более длительный период командовал войсками фронтов.

Вступая в должность командующего Брянским фронтом в августе 1941 года, А.И. Еременко пообещал, что «разобьет этого подлеца Гудериана», но сделать этого не смог. В конце войны А.И. Еременко был командующим вой-

В.А. Глуздовский

Л.А. Говоров

Ф.И. Голиков

К.Д. Голубев

А.В. Горбатов

И.Т. Гришин

Д.Н. Гусев

Н.И. Гусев

А.И. Данилов

В.Н. Долматов

М.Г. Ефремов

А.С. Жадов

Ф.Ф. Жмаченко

Е.П. Журавлев

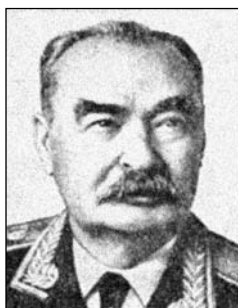
В.А. Зайцев

П.А. Иванов

Ф.С. Иванов

М.И. Казаков

С.А. Калинин

Ф.В. Камков

сками 4-го Украинского фронта. Герой Советского Союза (1944). Маршал Советского Союза (1955).

Михаил Григорьевич Ефремов до войны командовал войсками округа, непродолжительное время — Центральным фронтом, затем возглавлял армию, в том числе 33-ю, героически сражавшуюся полгода в тылу врага. Погиб в апреле 1942 года. Ему присвоено звание Герой России (посмертно) в 1996 году.

Алексей Семенович Жадов в начале войны командовал воздушно-десантным корпусом, который успешно вел боевые действия на реке Березине. В должности начальника штаба армии принимал участие в Битве под

Москвой, был командиром кавалерийского корпуса на Брянском фронте.

С октября 1942 года командовал 66-й армией, действовавшей севернее Сталинграда и ставшей в апреле 1943-го 5-й гвардейской. Под его руководством армия в Курской битве отражала удар немецких танковых частей под Прохоровкой, участвовала в Белгородско-Харьковской, Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской и Пражской операциях. Среди командармов отличался умением вести высокоманевренные боевые действия. Генерал-полковник, удостоен звания Героя Советского Союза (1945).

Георгий Федотович Захаров в годы войны был начальником штаба и командующим войсками фронта, возглав-

лял 51-ю, а также 2-ю и 4-ю гвардейские армии. В послевоенные годы командовал войсками округа, руководил курсами «Выстрел». С сентября 1954 года — начальник Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск.

Михаил Ильич Казаков в войну вступил генерал-майором, начальником штаба округа, затем — штаба армии. В феврале—марте 1943 года командовал 69-й армией, затем был начальником штаба и заместителем командующего фронтом. В январе 1944-го вступил в командование 10 гв. А, действиями которой руководил по май 1945-го. В том же году получил звание генерал-полковник, а после войны — генерал армии (1955). Герой Советского Союза (1978).

Биографические данные командующих армиями в годы Великой Отечественной войны

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Воинское звание (в конце службы)	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Год вступления в РККА	Участие в предыдущих боевых действиях	Военное образование	Должность и звание в начале войны (на 22 июня 1941г.)	Какой армией и когда командовал	Присвоение званий	С какой должности и когда уволен из Вооруженных сил
Генерал-лейтенант	Богданов Иван Александрович	1897—1942	1918	Первая мировая. Гражданская		Начальник войск пограничного округа. Генерал-лейтенант	39 А (ноябрь—декабрь 1941г.)	Генерал-лейтенант	Умер от ран в 1942 г.
Генерал-полковник	Болдин Иван Васильевич	1892—1965	1919	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1938)	Заместитель командующего войсками округа. Генерал-лейтенант	19 А (октябрь—ноябрь 1941г.), 50 А (ноябрь 1941 — февраль 1945г.)	Генерал-лейтенант (1940). Генерал-полковник (1944).	Первый заместитель командующего войсками Киевского военного округа; 1958 г.
Генерал-лейтенант	Бондарев Андрей Леонтьевич	1901—1961	1921		Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава	Командир дивизии. Полковник	8 А (ноябрь 1941 — январь 1942г.)	Генерал-лейтенант (1943). Герой Советского Союза (1943)	
Генерал-майор артиллерии	Бруд Яков Исакович	1900—1942	1919	Гражданская		Начальник артиллерии армии. Генерал-майор артиллерии	24 А (март—май 1942г.)	Генерал-майор артиллерии (1940)	Погиб в бою в июле 1942 г.
Генерал-лейтенант	Васильев Василий Петрович	1896—1942	1918	Первая мировая. Гражданская		Командующий армией. Генерал-лейтенант	1-я Краснознаменная армия (май 1941 — октябрь 1942г.)	Генерал-лейтенант (1940)	Умер от болезни в 1942 г.
Генерал-майор	Вишневский Сергей Владимирович	1893—1967	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1933)	Начальник штаба кавалерийского корпуса. Генерал-майор	32 А (сентябрь—октябрь 1941г.). Попал в плен в 1941 г.	Генерал-майор (1940)	Преподаватель Военной академии имени М.В. Фрунзе; 1949 г.
Генерал-лейтенант	Власов Андрей Андреевич	1901—1946	1920	Гражданская	Курсы «Выстрел»	Командир механизированного корпуса. Генерал-майор	37 А (сентябрь—декабрь 1940г.), 20 А (декабрь 1941 — март 1942г.), 2 УА (апрель 1942 — июль 1942г.)	Генерал-майор (1940). Генерал-лейтенант (1942)	Сдался в плен. По приговору советского военного суда повешен (1946)
Генерал-полковник	Вострухов Владимир Иванович	1895—1971	1919	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1933)	Инспектор пехоты. Генерал-майор	22 А (октябрь 1941 — март 1942г.), 31 А (март—апрель 1942г.)	Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1945)	Начальник тыла ВВС; 1953 г.
Генерал-лейтенант	Гаген Николай Александрович	1895—1969	1919	Первая мировая. Гражданская	Высшая партийная школа (1929)	Командир дивизии. Полковник	57 А (май—октябрь 1943г.), 26 А (январь—май 1945г.)	Генерал-лейтенант (1943)	Помощник командующего войсками округ; 1959 г.
Генерал-лейтенант	Галанин Иван Васильевич	1899—1958	1919	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936)	Командир стрелкового корпуса. Генерал-майор	12 А (август—октябрь 1941г.), 59 А (ноябрь—апрель 1942г.), 24 А (октябрь 1942 — апрель 1943г.), 70 А (апрель 1943г.), 4 гв. А (сентябрь 1943 — январь 1944г.)	Генерал-лейтенант (1943)	Командующий армией; 1946 г.

Генерал армии	Галицкий Кузьма Никитович	1897—1973	1918	Первая мировая. Гражданская. Советско-финляндская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1927)	Командир стрелковой дивизии. Генерал-майор	53 А (январь-февраль 1944г.), 4 гв. А (март-ноябрь 1944г.) 3 УА (сентябрь 1942 – ноябрь 1943г.), 11 гв. А (ноябрь 1943 – май 1945г.)	Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1944). Герой Советского Союза (1945)	Командующий войсками округа; 1962 г.
Генерал-полковник	Гасилов Антон Иосифович	1902—1975	1919	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1931). Академия Генерального штаба РККА (1938)	Начальник штаба армии. Генерал-майор	17 А (май 1942 – декабрь 1943г.), 18 А (ноябрь 1944 – май 1945г.)	Генерал-лейтенант (1945). Генерал-полковник (1952)	Заместитель начальника Военной академии Генерального штаба; 1965 г.
Генерал-лейтенант	Герасименко Василий Филиппович	1900—1961	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1931)	Командующий войсками округа. Генерал-лейтенант	21, 13 А (июнь-июль 1941г.), 28 А (сентябрь 1942 – ноябрь 1943г.)		Помощник командующего войсками округа; 1953 г.
Генерал-лейтенант	Герасимов Михаил Никифорович	1894—1962	1918	Первая мировая. Гражданская	Курсы усовершенствования высшего командного состава. Военная академия имени М.В. Фрунзе	Командир стрелкового корпуса. Генерал-лейтенант	23 А (август-сентябрь 1941г.), 3 УА (август-октябрь 1944г.)		Помощник командующего войсками округа; 1953 г.
Генерал-полковник	Лаголев Василий Васильевич	1896—1947	1918	Первая мировая. Гражданская	Курсы усовершенствования высшего командного состава. Военная академия имени М.В. Фрунзе (1941)	Командир кавалерийской дивизии. Полковник	9 А (февраль-март 1943г.), 46 А (март 1943 – апрель 1944г.), 31 А (май-декабрь 1944г.), 9 гв. А (январь-май 1945г.)	Генерал-полковник (1944). Герой Советского Союза (1943)	Командующий Воздушно-десантными войсками. Умер в 1947 г.
Генерал-лейтенант	Глуздовский Владимир Алексеевич	1903—1967	1919	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936)	Заместитель командира дивизии. Полковник	31 А (февраль 1943 – май 1944г.), 7А (август-ноябрь 1944г.), 6 А (декабрь 1944 – май 1945г.)	Генерал-майор (1942). Генерал-лейтенант (1943)	Начальник штаба военного округа; 1960г.
Маршал Советского Союза	Горов Леонид Александрович	1897—1955	1920	Первая мировая. Гражданская. Советско-финляндская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1933). Академия Генерального штаба РККА (1938)	Начальник Военной артиллерийской академии. Генерал-майор артиллерии (1940)	5 А (октябрь 1941 – апрель 1942г.)	Генерал-майор артиллерии (1940). Генерал-лейтенант артиллерии (1941). Генерал-полковник (1943). Генерал армии (1943). Маршал Советского Союза (1945). Герой Советского Союза (1945)	Главнокомандующий войсками ПВО страны – заместитель министра обороны
Маршал Советского Союза	Голиков Филипп Иванович	1900—1980	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1933)	Начальник Главного разведуправления. Генерал-лейтенант	10 А (ноябрь 1941 – февраль 1942г.), 4 УА (февраль-апрель 1942г.), 1гв. А (август-сентябрь 1942г.)	Генерал-полковник (1943). Генерал армии (1959). Маршал Советского Союза (1961).	Начальник Главного политического управления СА и ВМФ.
Генерал-лейтенант	Голубев Константин Дмитриевич	1896—1956	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1926). Академия Генерального штаба РККА (1938)	Командующий армией. Генерал-майор	10 А (июнь-июль 1941г.), 13 А (июль-август 1941г.), 43 А (октябрь 1941 – май 1944г.)	Генерал-лейтенант (1942)	Преподаватель Военной академии Генерального штаба; 1952 г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Генерал армии	Горбатов Александр Васильевич	1891—1973	1919	Первая мировая. Гражданская	Курсы усовершенствования высшего командного состава (1930)	Заместитель командира стрелкового корпуса. Комбриг	3 А (июнь 1943 – май 1945г.)	Генерал-майор (1942). Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1944). Герой Советского Союза (1945)	Командующий войсками округа; 1958 г.
Генерал-полковник	Гордов Василий Николаевич	1896—1951	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1932)	Начальник штаба армии. Генерал-майор	21 А (август 1941 – июнь 1942г.), 33 А (октябрь 1942 – март 1944г.), 3 гв. А (апрель 1944 – май 1945г.)	Генерал-майор (1940). Генерал-лейтенант (1942). Генерал-полковник (1943). Герой Советского Союза (1945).	Командующий войсками Приволжского военного округа. Судим и расстрелян в 1951 г., в 1956 г. реабилитирован.
Генерал-лейтенант	Гореленко Филипп Данилович	1888—1956	1918	Первая мировая. Гражданская. Советско-финляндская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1934)	Командующий армией. Генерал-лейтенант	7 отд. А (январь 1941 – июнь 1942г.), 32 А (июнь 1942 – май 1945г.)	Герой Советского Союза (1940)	Председатель республиканского ДЮССАФ; 1951 г.
Генерал-лейтенант	Городнянский Авксентий Михайлович	1879—1942	1918	Первая мировая. Гражданская	Курсы «Выстрел» (1924)	Командир стрелковой дивизии. Генерал-майор	13 А (август 1941 – январь 1942 г.), 6 А (январь – июнь 1942г.)	Генерал-лейтенант (1942)	Погиб в бою под Харьковом 27 мая 1942 г.
Генерал-лейтенант	Гречкин Алексей Александрович	1893—1964	1918	Первая мировая. Гражданская. Советско-финляндская	Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (1939)	Помощник командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. Генерал-майор	9 А (июнь – октябрь 1943г.), 70 А (октябрь – ноябрь 1943г.), 28 А (ноябрь 1943 – май 1944г.)	Генерал-лейтенант (1943)	Начальник факультета Военного института иностранных языков; 1954 г.
Маршал Советского Союза	Гречко Андрей Антонович	1903—1976	1919	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936); Академия Генерального штаба РККА (1941)	Командир кавалерийской дивизии. Полковник	12 А (апрель – август 1942г.), 47 А (сентябрь 1942г.), 18 А (октябрь – декабрь 1942г.), 56 А (январь – октябрь 1943г.), 1 гв. А (декабрь 1943 – май 1945г.)	Генерал-майор (1941). Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1943). Маршал Советского Союза (1955). Герой Советского Союза (1958, 1973)	Министр обороны СССР. Умер в 1976г.
Генерал-полковник	Гришин Иван Тихонович	1901—1951	1920	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936)	Командир дивизии. Полковник	49 А (июнь 1943 – май 1945г.)	Генерал-майор (1942). Генерал-лейтенант (1943). Герой Советского Союза (1945)	Начальник Управления боевой подготовки Сухопутных войск. Умер в 1951 г.
Генерал-полковник	Гусев Дмитрий Николаевич	1894—1957	1919	Первая мировая. Гражданская	Курсы «Выстрел» (1926)	Заместитель начальника штаба округа. Генерал-майор	21 А (апрель 1944 – май 1945г.)	Герой Советского Союза (1945)	Командующий войсками округа
Генерал-лейтенант	Гусев Николай Иванович	1897—1962	1918	Первая мировая. Гражданская	Академия Генерального штаба РККА (1941)	Командир кавалерийской дивизии. Комбриг	4 А (июнь 1942 – октябрь 1943г.), 20 А (ноябрь 1943 – апрель 1944г.), 47 А (май 1944 – декабрь 1944г.), 48 А (декабрь 1944 – май 1945г.)	Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1945)	Заместитель начальника штаба Объединенных вооруженных сил государств-участников Варшавского договора; 1962 г.
Генерал-майор	Данилов Алексей Ильич	1897—1981	1919	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1931)	Начальник управления ПВО округа. Генерал-майор	21 А (июнь – октябрь 1942г.), 12 А (май – ноябрь 1943г.)		Начальник Высших академических курсов при Военной академии Генерального штаба; 1968 г.
Генерал-майор	Долматов Василий Никитич	1889—1977	1919	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1937)	Начальник пограничного округа. Генерал-майор	31 А (июль – октябрь 1941г.)		

Генерал-майор	Дубков Михаил Георгиевич	1893—?	1918	1918	Первая мировая. Гражданская. Советско-финляндская	Курсы «Выстрел»	Инспектор пехоты округа. Генерал-майор	16 А (июль–сентябрь 1943г.), 17 А (ноябрь 1943 – сентябрь 1945г.)	Заместитель командующего войсками округа; 1946 г.
Генерал-лейтенант	Духанов Михаил Павлович	1896—1969	1918	1918	Первая мировая. Гражданская. Советско-финляндская	Военная академия РККА (1921)	Помощник командующего войсками округа. Генерал-майор	67 А (октябрь 1942 – декабрь 1943г.)	Заместитель командующего войсками округа; 1953 г.
Маршал Советского Союза	Еременко Андрей Иванович	1892—1970	1918	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М. В. Фрунзе (1935)	Командующий армией. Генерал-лейтенант	1 ОКА (январь–июнь 1941г.), 4 УА (ноябрь–февраль 1942г.), Отдельная приморская армия (февраль–апрель 1944г.)	Командующий войсками округа.
Генерал-лейтенант	Ермаков Аркадий Николаевич	1899—1957	1918	1918	Советско-финляндская	Курсы «Выстрел» (1931)	Командир стрелкового корпуса. Генерал-майор	50 А (октябрь–ноябрь 1941г.), 20 А (март–сентябрь 1943г.)	Военный советник Народно-освободительной армии Китая; 1957 г.
Генерал-лейтенант	Ершаков Филипп Афанасьевич	1893—1942	1918	1918	Гражданская	Военная академия имени М. В. Фрунзе (1933)	Командующий войсками округа. Генерал-лейтенант	22 А (22 июня – 28 августа 1941г.)	Умер в плену в 1942 г.
Генерал-лейтенант	Ефремов Михаил Григорьевич	1897—1942	1918	1918	Первая мировая. Гражданская	Военно-политическая академия (1930). Военная академия имени М. В. Фрунзе (1933)	Заместитель главного инспектора пехоты РККА. Генерал-лейтенант	21 А (июль–август 1941г.), 10 А (сентябрь–октябрь 1941г.), 33 А (октябрь 1941 – апрель 1942г.)	Погиб 19 апреля 1942 г. под Вязьмой
Генерал армии	Жадов Алексей Семенович	1901—1977	1919	1919	Гражданская	Военная академия имени М. В. Фрунзе (1934)	Командир воздушно-десантного корпуса. Генерал-майор	66 А (октябрь 1942 – май 1945; с апреля 1943 – 5 гв. А)	Первый заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками; 1969 г.
Генерал-полковник	Жмаченко Филипп Феодосьевич	1895—1966	1918	1918	Первая мировая. Гражданская	Курсы «Выстрел» (1926)	Командир стрелкового корпуса. Комбриг	3 А (февраль–май 1942г.), 47 А (сентябрь–октябрь 1943г.), 40 А (октябрь 1943 – май 1945г.)	Председатель ДОСААФ Украины; 1960 г.
Генерал-лейтенант	Журавлев Евгений Петрович	1896—1983	1918	1918	Гражданская. Советско-финляндская	Военная академия имени М. В. Фрунзе (1935)	Начальник штаба механизированного корпуса. Генерал-майор	29 А (сентябрь 1942 – январь 1943г.), 53 А (январь–февраль 1943г.), 68 А (март–октябрь 1943г.), 21 А (октябрь 1943 – январь 1944г.), 18 А (февраль–ноябрь 1944г.)	Главный инспектор МО СССР; 1960 г.
Генерал-лейтенант	Зайцев Владимир Александрович	1899—1955	1919	1919	Гражданская	Курсы «Выстрел» (1924)	Командир стрелковой дивизии. Генерал-майор	35 А (июль 1941 – июнь 1945г.)	Помощник командующего войсками округа

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Генерал-полковник	Захаркин Иван Григорьевич	1889—1944	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия РККА (1921). Курсы при Военно-политической академии (1930)	Заместитель командующего войсками округа. Генерал-лейтенант	49 А (август 1941 – июнь 1943г.)	Генерал-полковник (1943)	Командующий войсками округа. Погиб в авиакатастрофе (1944)
Генерал армии	Захаров Георгий Федорович	1897—1957	1919	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1933), Академия Генерального штаба РККА (1939)	Начальник штаба округа. Генерал-майор	51 А (февраль–июль 1943г.), 2 гв. А (июль 1943 – июнь 1944г.), 4 гв. А (ноябрь 1944 – апрель 1945г.)	Генерал-лейтенант (1942). Генерал-полковник (1943). Генерал армии (1944)	Начальник Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск; 1957 г.
Генерал-полковник	Захватаев Никанор Дмитриевич	1898—1963	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1935), Академия Генерального штаба РККА (1939)	Старший преподаватель Академии Генерального штаба РККА. Полковник	1 УА (май 1944 – февраль 1945г.), 4 гв. А (март–май 1945г.), 35 А (июнь – сентябрь 1945г.)	Генерал-полковник (1945). Герой Советского Союза (1945)	Заместитель начальника Генерального штаба; 1957 г.
Генерал-лейтенант	Зыгин Алексей Иванович	1896—1943	1918	Первая мировая. Гражданская	Курсы «Выстрел» (1928)	Командир дивизии. Генерал-майор	58 А (июнь–август 1942г.), 39 А (август 1942 – сентябрь 1943г.), 4 гв. А (сентябрь 1943г.)	Генерал-лейтенант (1943)	Погиб в 1943 г.
Генерал-майор	Иванов Михаил Михайлович	1894—1942	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1932), Академия Генерального штаба РККА (1938)	Помощник командира корпуса. Генерал-майор	24 А (декабрь 1941 – март 1942г.)		Погиб в бою 15 мая 1942 г.
Генерал-лейтенант	Иванов Петр Алексеевич	1897—1970	1918	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1934)	Заместитель начальника штаба округа. Генерал-майор	4 А (декабрь 1941 – февраль 1942г.)	Генерал-лейтенант (1943)	Заместитель командующего войсками округа; 1960 г.
Генерал-лейтенант	Иванов Федор Сергеевич	1897—1973	1919	Гражданская	Курсы усовершенствования высшего командного состава (1941)	Заместитель командующего войсками округа. Генерал-лейтенант	8 А (30 июня – 24 июля 1941г.), 42 А (сентябрь 1941г.)		Арестован и находился в заключении (1942–1946 г.). Уволен в 1956 г. после реабилитации
Генерал армии	Казakov Михаил Ильич	1901—1979	1920	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1931), Академия Генерального штаба РККА (1937)	Начальник штаба округа. Генерал-майор	69 А (февраль–март 1942г.), 10 гв. А (январь 1944 – май 1945г.)	Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1945). Генерал армии (1955). Герой Советского Союза (1978)	Начальник штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора; 1968 г.
Генерал-лейтенант	Калинин Степан Андрианович	1890—1975	1918	Первая мировая. Гражданская	Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава	Командующий войсками округа. Генерал-лейтенант	24 А (28 июня – 15 июля 1941г.), 66 А (август 1942г.)		Арестован (1944) Уволен в 1954 г.
Генерал-лейтенант	Камков Федор Васильевич	1898—1951	1918	Гражданская	Ускоренный курс Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова (1944)	Командир кавалерийского корпуса. Генерал-майор	18 А (ноябрь 1941 – февраль 1942г.), 47 А (октябрь 1942 – ноябрь 1943г.)	Генерал-лейтенант (1942)	Помощник командующего войсками Северо-Кавказского военного округа; умер в 1951 г.

(Продолжение следует)

 Генерал-лейтенант в отставке **Е.И. МАЛАШЕНКО**

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ВОЕННО-МОРСКИХ БАЗ И БЕРЕГОВОЙ ОБОРОНЫ В ПРИБАЛТИКЕ В ФЕВРАЛЕ 1940 — ИЮНЕ 1941 года

КОНЦУ января 1940 года Краснознаменный Балтийский флот (КБФ), базирующийся в Прибалтике, вынужден был по причине ледостава прекратить свою деятельность¹. Должность заместителя командующего КБФ по прибалтийской части флота (В.А. Алафузов) вместе с походным штабом была ликвидирована приказом наркома ВМФ от 4 февраля 1940 года.² Несколько раньше вместо данной структуры приказом НК ВМФ от 31 января 1940 года были созданы Балтийская (Эстония — Палдиски и частично Таллин) и Либавская (Латвия) военно-морские базы³.

Созданная в Эстонии Балтийская военно-морская база (БВМБ, командир — капитан 1 ранга Р.А. Кучеров) включала в себя командование; 30-ю бригаду подводных лодок; 3-й дивизион эскадренных миноносцев; 3-й дивизион торпедных катеров; охрану Балтийского водного района; береговую оборону БВМБ; базы ПВО, а также другие части и подразделения⁴.

Однако БВМБ имела существенные недостатки. В первую очередь потому что Палдиски, несмотря на свое стратегическое положение, не был защищен с моря системой островных укреплений, имел всего один выход и малую гавань с глубинами 6,1—6,9 м, с незначительной длиной причальных линий, доступной лишь для тральщиков. К тому же в гавани отсутствовали оборудованные необходимыми техническими средствами места для стоянок кораблей, не хватало емкостей для топлива и зачастую не было электроэнергии, смазочного масла, котельной и питьевой воды, пара. Порт оставался без складских помещений, ощущалась острая нужда в строительных материалах, в дровах для отопления жилых домов. Крупным недостатком являлось полное отсутствие судоремонтных мастерских, доков и других промышленных предприятий, на которых можно было бы производить ре-

монт кораблей и орудий береговых частей, а также средств выгрузки и погрузки⁵.

Сам город состоял всего из девяти улиц — параллельных берегу и поперечных, где было только три каменных здания⁶. Данное обстоятельство стало причиной катастрофической нехватки жилья для личного состава, помещений для отделов и служб базы. Особенно тяжелым оказалось положение личного состава береговой обороны и строителей, живших в первую зиму в палатках⁷.

Существенно лучшим по сравнению с Палдиски было положение в Таллине. Он мог обеспечить корабли ремонтом, имел береговые мастерские, три плавучих дока (на 1300, 1450 и 4500 т) и один элинг на шесть судов по 1500 т. Кроме того, в Таллине имелось несколько гаваней, которые обеспечивали стоянку кораблей, в том числе и крупных. Однако в Таллине разрешалась только временная стоянка (в дальнейшем, весной 1940 г., из-за неготовности Палдиски он был превращен в постоянное место базирования кораблей КБФ)⁸.

В связи с необходимостью в этом районе значительных по объему строительных работ в НК ВМФ была введена должность заместителя начальника строительного управления (СУ) по вопросам базового и берегового строительства в Прибалтике, на которую был назначен Б.Л. Лившиц. Помимо этого на местах создавались особые строительные отделы: в Эстонии — 1-й (начальник А.И. Евстигнеев, главный инженер А.Н. Кузьмин); в Латвии и Литве — 2-й (начальник А.Ф. Лобайдин, главный инженер Я.З. Кронрод)⁹.

В составе особых строительных отделов были сформированы особые линейные строительства, каждое из которых выполняло работы на отдельном острове или определенном участке побережья. Для их снабжения в Ленинграде имелся транспортно-заготовительный отдел. На руководящие должности в особые строитель-

ва были подобраны и назначены военные инженеры, имевшие опыт строительства береговых укреплений на других флотах. Кроме того, из запаса было призвано 130 гражданских инженеров, ранее возводивших крупные промышленные объекты¹⁰. Основной рабочей силой на особые линейные строительства стали специально сформированные отдельные инженерные и строительные батальоны численностью 1100—1200 человек, при этом использовались по трудовым договорам и местные жители¹¹.

Для строительства в районе Палдиски было создано особое линейное строительство 01 (начальник Н.Н. Загвоздкин, главный инженер С.Е. Калашников), на которое было возложено выполнение работ¹². Однако, как свидетельствуют архивные документы, строительство шло медленно. На 3 мая 1940 года велись работы только по сооружению четырех казарм на 326 человек каждая, хлебозавода и бурению четырех артезианских скважин¹³. Причинами тому явились отсутствие проектов на большинство сооружений, складских помещений, нехватка материалов, денежных средств, строителей и инженеров; недостаток жилья для инженерного состава. Кроме того, база находилась на территории чужого государства, что во многом затрудняло ее строительство и оборудование из-за условий аренды¹⁴.

Особенно большой объем работ предстояло проделать по созданию береговой обороны. Если в районе Таллина имелся укрепленный район, куда входили три морские крепостные комендантуры — Сууропи, Найссаар и Аэгна с группами батарей, размещенные на островах (батареи старые, оставшиеся от императорского флота), и эстонское командование брало на себя обязательство по обороне базы, то в районе Палдиски береговую оборону надо было создавать заново¹⁵.

Поэтому приказом НК ВМФ от 4 ноября 1939 года была сформирована

рована береговая оборона Балтийского района (БОБР) КБФ с управлением в Палдиски во главе с комбригом С.И. Кабановым. В дальнейшем на основании приказа НК ВМФ от 31 января 1940 года управление командующего БОБР переформировали в управление коменданта БО БВМБ¹⁶. В состав береговой обороны были определены следующие части: 11, 12, 21, 22, 26 и 27-я артиллерийские береговые батареи (бывшие 12, 11, 23, 22, 21 и 24-я батареи КБФ), 12-я железнодорожная батарея, 83-й и 202-й отдельные зенитные артдивизионы. В дальнейшем состав береговой обороны постоянно увеличивался¹⁷.

ОСЕНЬЮ 1939 года группой офицеров Главного штаба ВМФ под руководством флагмана 1 ранга С.П. Савицкого был разработан предварительный план обороны КБФ в Прибалтике. Весной следующего года для выбора огневых позиций береговых батарей, а также разработки планов сухопутной, противодесантной и противовоздушной обороны в регионе народный комиссар ВМФ Н.Г. Кузнецов создал комиссию из специалистов по береговой артиллерии и строителей во главе с флотским артиллеристом флагманом 2 ранга И.И. Греном¹⁸. В результате тщательного исследования местности комиссией были найдены выгодные в тактическом отношении места для строительства батарей. В июле 1940 года Главный военный совет ВМФ рассмотрел и одобрил план обороны в Прибалтике и на Ханко, разработанный комиссией И.И. Грена¹⁹.

В соответствии с данными документами для строительства береговой обороны на эстонском побережье и на островах Большой Рооге (Сур-Пакри) и Малый Рооге (Вяике-Пакри) было создано особое линейное строительство 02 (начальник Н.И. Патрикеев, главный инженер Л.С. Гелин). Установка батарей и их оборудование на побережье и островах начались сразу по мере их прибытия²⁰. Кроме районов Палдиски и Таллина в БО БВМБ вошли также острова Осмуссаар, Даго (Хийумаа), Эзель (Сааремаа). Для строительства береговой обороны на о. Осмуссаар было создано особое линейное строительство 03 (П.И. Сошников). Береговую оборону на о. Даго создавало особое линейное строительство 04 (Е.С. Соколов), а работы по береговой обороне о. Эзель вы-

полняли особое линейное строительство 05 (Ф.Н. Усков)²¹.

Работы по совершенствованию базирования КБФ в Прибалтике осложнились обстановкой, складывавшейся с весны 1940 года после окончания Советско-финляндской войны. В советской печати публиковались статьи о неблагоприятной политической ситуации в Прибалтике. Внимание акцентировалось на том, что определенные круги всевозможными провокациями, в том числе и «похищениями» советских военнослужащих, якобы стремились ухудшить отношения с Советским Союзом²². В результате к лету 1940 года внутривластный кризис в Прибалтийском регионе резко обострился. Примером может служить телеграмма полпреда СССР в Эстонии К.Н. Никитина от 14 июня, направленная в НКВД. Он докладывал: «Эстонцы проводят усиленную военную подготовку. Проведена тайная мобилизация офицеров запаса и рядовых [...]. На вокзале по ночам жены и семьи призванных с плачем провожают отъезжающих. Мобилизовано большинство такси. Шоферы-мужчины на оставшихся автомашинах частично заменены женщинами»²³.

В отношении базирования кораблей КБФ отмечалось, что «эстонцы расположили две морские батареи, которые в случае надобности смогут расстреливать наш военно-морской флот. Кроме того, эстонцы в своем арсенале спрятали третью морскую батарею, которая в случае надобности может расстреливать наш военно-морской флот прямой наводкой». Аналогичные телеграммы ушли в Москву от полпредов в Латвии и Литве²⁴.

Летом 1940 года советское руководство приступило к решению прибалтийской проблемы. Утром 17 июня в Прибалтику вступили советские войска, в Таллин дополнительно прибыли боевые корабли Балтийского флота²⁵. Войска еще продолжали движение, а нарком обороны С.К. Тимошенко направил И.В. Сталину и В.М. Молотову докладную записку, в которой говорилось: «В целях обеспечения скорейшей подготовки Прибалтийского театра военных действий (ТВД) считаю необходимым немедленно на территории округа приступить к работам по подготовке ее как театра военных действий (строительство укреплений, перешивка железных дорог, дорожное и авто-

дорожное строительство, склады, создание запасов и пр.)»²⁶.

Вследствие этих событий значительно улучшилась стратегическая обстановка на Балтийском море и появилась реальная возможность коренным образом изменить условия базирования КБФ в Прибалтике. С этой целью 20 июня 1940 года было утверждено постановление Комитета Обороны при СНК СССР «Об утверждении организации КБФ и мероприятиях по усилению обороны западных районов Финского залива» и намечались меры «для создания организации ПВО на полуострове Ханко и обеспечения строительства береговой обороны на островах Эзель, Даго и южном побережье Ирбенского пролива»²⁷.

В соответствии с данным постановлением главная база (ГБ) КБФ из Кронштадта была переведена в Прибалтику (Таллин), а приказы НК ВМФ от 5 и 24 июля 1940 года дополнительно определили: «Базу Таллин из состава Балтийской ВМБ исключить и подчинить ее во всех отношениях военному совету КБФ и числить главной базой КБФ». Приказ командующего КБФ от 16 августа 1940 года уточнял ее состав и организацию. Командиром базы стал командующий КБФ вице-адмирал В.Ф. Трибуц. Располагавшаяся в Палдиски Балтийскую ВМБ приказом НК ВМФ от 6 сентября 1940 года расформировали, а на ее основе создали береговую оборону ГБ КБФ с дислокацией управления в Палдиски²⁸.

ССАМОГО начала нахождения флота в Прибалтике командование ВМФ и КБФ особое внимание уделяли Моонзундским островам исходя из их стратегического положения и значения в общей системе обороны Финского залива. Острова, занимая ключевую позицию по отношению к западному побережью Эстонии, Рижскому и Финскому заливам, служили серьезным препятствием для высадки десантов на их побережья. Только подавив береговую оборону и овладев Моонзундскими островами, противник мог через Пярну нанести удар на юг и восток — во фланг и тыл нашим армиям, дислоцированным в Прибалтике. Кроме того, захватив острова, противник отрезал бы Рижский залив от Балтийского моря, чем поставил бы под фланговый удар силы, выходящие в Балтийское море из Финского залива²⁹.

Кроме того, для минно-артиллерийских позиций, созданных в Ирбенском проливе и устье Финского залива, укрепленным районом являлись Моонзундские острова. Береговая оборона их и Рижского залива должна была взаимодействовать с береговой обороной военной-морских баз Ханко и Либавы, осуществлять прикрытие минных рубежей в устье Финского залива и в Ирбенском проливе³⁰.

Исходя из данного положения островов, а также учитывая изменение обстановки в Прибалтике, приказом НК ВМФ от 6 сентября 1940 года все артиллерийские и другие части КБФ, расположенные на островах Моонзундского архипелага (Даго, Эзель и др.) и о. Осмуссаар, объединили под общее командование (штаб Курессааре, комендант генерал-майор С.И. Кабанов) и назвали береговой обороной Балтийского района (БОБР) в составе двух секторов — северного и южного³¹.

В северный сектор включили батареи и части на островах Осмуссаар и Даго, в южный — батареи и части на о. Эзель. Для руководства сформировали управление северного сектора БО с дислокацией в Кярдла во главе с полковником А.С. Константиновым. Управление южного сектора БО не формировали, а обязанности по его руководству возложили на коменданта генерал-майора С.И. Кабанова и штаб БОБР. Коменданта БОБР подчинили военному совету КБФ³².

Однако если по береговой обороне района Палдиски и Таллина (БО ГБ КБФ) за семь месяцев был проделан значительный объем работ (завершен монтаж батарей, начато оборудование обеспечивающих систем и строительство казарменных городов), то по БОБР работы находились в начальной стадии. По утвержденному плану на строительство сооружений береговой обороны на островах Эзель, Даго, Осмуссаар и других отводился один год³³.

Как свидетельствуют архивные материалы, на Моонзундских островах в сентябре 1940 года на о. Эзель уже строились: три 130-мм (3-орудийные) батареи (24, 25, 43-я), 180-мм башенная (315-я), 180-мм открытая (317-я) и 152-мм батарея (без номера). Вторая очередь предполагала строительство трех открытых батарей: 305-мм (3-орудийную) на Сырве, 100-мм (4-орудийную) на побережье Паммана, 180-мм (4-орудийную) на полуострове Хундсорт³⁴.

На о. Даго осуществлялось дооборудование уже построенной 152-мм батареи (12-я) на мысе Серож, а также строительство еще шести батарей: 180-мм башенной (316-я), 130-мм (26-я) на мысе Тахкуна и четырех среднего калибра в разных местах острова. На о. Осмуссаар возводились две 180-мм башенные и две открытые 130-мм батареи. Строились батареи и на других островах³⁵.

Всего в районе Моонзундских островов предполагалось установить порядка 30 батарей (80 орудий). По оценке комиссии И.И. Грена, этого количества батарей было достаточно, чтобы противостоять прорыву противника. Строительство 17 батарей первой очереди должно было быть завершено к сентябрю 1941 года. В плане второй очереди (июль 1942 г.) предполагалось полностью закончить установку всех береговых батарей³⁶.

В общей сложности на строительстве трудились около 40 тыс. офицеров, солдат, инженеров, вольнонаемных из числа местных жителей и рабочих ленинградских заводов, а также матросы и офицеры боевых расчетов батарей. Работы велись в три смены, т.е. круглосуточно, несмотря на плохую погоду, а также отсутствие нормальных бытовых условий, недостаток техники, строительных материалов и др. Такое количество объектов за один год не строили еще ни на одном из флотов. Конечно, это требовало значительных денежных и материальных средств. Так, в 1940—1941 гг. из выделяемых ВМФ финансов свыше 90 проц. было вложено в освоение западных районов³⁷. Однако к началу войны строительство оборонительных сооружений на Моонзундских островах закончено не было³⁸.

Мало уделялось внимания сухопутной обороне Моонзундских островов. В сентябре 1940 года была назначена комиссия штаба КБФ во главе с полковником В.К. Зайончковским, которая должна была решить все вопросы сухопутной обороны, определить оперативную емкость (количество войск, необходимых для обороны островов, инженерная подготовка)³⁹.

Был составлен план обороны в расчете на стрелковую дивизию для о. Эзель и не менее стрелкового полка со средствами усиления для о. Даго. Острова Муху и Вормси по решению комиссии войсками не занимались. План су-

хопутной обороны Моонзунда, как и действия береговой артиллерии, строился в расчете на противника только с западного направления. Упорная оборона бухт Тагалахт, Мустельгама, Сырве и сильные резервы в центре западной части острова Эзель — вот идея предполагавшейся штабом ВМФ обороны⁴⁰.

МАТЕРИАЛЫ комиссии, утвержденные военным советом КБФ, были переданы в Главный морской штаб. Однако, несмотря на предварительный расчет сил и средств, на острова прибыла только 3-я отдельная стрелковая бригада (около 6500 человек, командир полковник П.М. Гаврилов) в составе двух стрелковых полков — 46-го, 79-го и одного артиллерийского. Бригаду разместили на о. Эзель, но только один стрелковый батальон и один артиллерийский дивизион из артполка бригады были направлены на о. Даго. Этим войскам, конечно, не хватало для обороны всего архипелага, к тому же бригада подчинялась Прибалтийскому округу (8-я армия), занимаясь боевой подготовкой, не обороняла своих районов и участков обороны. Штаб БОБР не вправе был обязать бригаду строить оборону. Осенью 1940 года бригаду подчинили флоту, но в декабре ее снова передали в Прибалтийский военный округ⁴¹.

Недостаточной, как свидетельствуют архивные документы, являлась и противовоздушная оборона Моонзундских островов, хотя в конце 1940 года на Сааремаа и был создан участок ПВО БОБР (командир капитан В.Н. Дроздов). Единственную батарею 76-мм зенитных пушек начали дополнять новыми батареями. Две из них установили на полуострове Сырве и в районе Карузе, а две — на о. Даго, что позволило прикрыть полуостров Тахкуна, будущие церельские батареи, аэродром в Кихельконна, батареи у Карузе, на полуострове Нинасте и на Ундва. В то же время коммуникации на островах, дамба, пристани, города Курессааре, Кярдла на Даго, склады оставались не прикрытыми⁴².

Перед войной на Моонзундских островах не удалось создать боезапас даже в половинном размере от необходимого количества снарядов. Например, 152-мм пушкам требовалось 1200 снарядов, а в наличии имелось только 346, 100-мм пушкам было необходимо 2133, а имелось 1100 снарядов. В ходе боев, когда бое-

припасы были израсходованы, пришлось стрелять учебными снарядами⁴³.

Значительным дополнением в укреплении базирования на территории Прибалтики явилось создание Либавской ВМБ в Латвии (командир капитан 1 ранга П.А. Трайнин, впоследствии — капитан 1 ранга М.С. Клевенский). В состав базы вошли отряд легких сил (ОЛС), 13, 16, 21-й дивизионы подводных лодок, подразделения береговой (противовоздушной) обороны, военные порты Либавы и Виндава⁴⁴.

Недостатки, характерные для базы императорского флота, были присущи и для вновь созданной. Так, на Либавской ВМБ, которая находилась рядом с немецкой границей, отсутствовало ее прикрытие со стороны моря системой островных укреплений и был всего один выход. Крайне опасным для базирования наших кораблей являлось и то обстоятельство, что рейд и внешняя гавань Либавы были практически открытыми для наблюдения с моря и воздуха. База не имела полноценной противолодочной обороны (ПЛО), отсутствовало даже боновое заграждение с противоторпедными сетями. Кроме того, в районе базы не было благоприятных условий для выноса как можно дальше в море постов воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), а также службы наблюдения и связи (СНиС), поэтому в случае внезапного налета авиации противника у экипажей почти не оставалось времени для подготовки к бою⁴⁵.

КАК и в Эстонии, в Латвии вернулись работы по созданию объектов базирования флота, в первую очередь береговой обороны. На ее территории был создан второй особый строительный отдел в составе особых линейных строителей № 011 и № 012. На особое линейное строительство № 011 (начальник Н.В. Кваша) было возложено возведение таких объектов, как 130-мм открытая батарея (Лужня), 130-мм открытая батарея (Виндава), 130- и 152-мм батареи (район Михайловское), железнодорожное строительство (Либавы—Виндава и другие районы), позиции зенитных батарей (Виндава), дорога Ринда—Лужня, базовое строительство (районы Либавы и Виндава) и аэродром на о. Киш (район Риги). Особое линейное строительство № 012 (начальник Н.Н. Загвоздкин) строило следующие объекты:

130-мм открытую батарею (Либавы—Южная), 130-мм открытую батарею (Либавы—Северная), позиции для 180-мм железнодорожной батареи, позиции для зенитных батарей (Либавы), склады жидкого топлива и причалы (Либавы), аэродром (Дурбе), радиоцентр ВМБ Либавы, жилой городок для состава (Либавы), склады и мастерские порта (Либавы). Более того, строящиеся артиллерийские и зенитные батареи помимо установки орудий включали целый комплекс объектов боевого, тылового и технического обеспечения⁴⁶.

Дополнительно на южном берегу Ирбенского пролива строились стационарные батареи (Виндавский сектор БО Либавской ВМБ) с целью прикрывать эту базу и порт Виндава с моря. Используя минные заграждения, эти береговые батареи во взаимодействии с батареями, расположенными на полуострове Сырве, не должны были допустить прорыва кораблей противника в Рижский залив. Береговая оборона Рижского залива также была укреплена. Она состояла из нескольких стационарных батарей, установленных в районе Риги и Даугавгривы. Под Ригой находилась железнодорожная батарея⁴⁷.

Если в отношении береговой обороны Либавская ВМБ была прикрыта надежно, то с сухопутного направления недостаточна. Командир ее не имел базы своих войск, а армейские части стояли далеко. Нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, командование КБФ прилагали немало усилий, чтобы прикрыть сухопутный сектор обороны базы. В результате в Либаву была направлена 67-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор Н.А. Дедаев). Части дивизии содержались по штатам мирного времени с некомплектом в 25 проц., к началу войны в них насчитывалось 5300 человек. Однако в районе Либавы располагались не все части дивизии (114-й полк — в Виндаве, 389-й зенитный дивизион — на полигоне под Ригой, 83-й саперный батальон — на строительстве в Паланге). Таким образом, к началу войны в районе Либавской ВМБ располагались лишь немногочисленные армейские части. К тому же вопрос о взаимодействии сухопутных частей с военно-морскими силами до конца так и не был решен. Наркомат ВМФ и Наркомат обороны на этот счет дали лишь общие указания⁴⁸.

ЛЕТОМ 1940 года вследствие изменения политической обстановки в Прибалтике

произведена и реорганизация Либавской ВМБ (приказ НК ВМФ от 5 июля 1940 г.). Здесь по-прежнему базировались отряд легких сил, бригада подводных лодок и ряд других кораблей, но для Либавской ВМБ, как свидетельствуют архивные документы, и этого было много, так как акватория порта была слишком мала: корабли стояли скученно, рассредоточить их не представлялось возможным⁴⁹.

Вследствие данных обстоятельств, а также стратегически невыгодного положения Либавской ВМБ начался поиск места для формирования новой базы. Наиболее удобными признали устье Даугавы — Рига и Усть-Двинск, старые крепостные сооружения которых позволяли разместить склады и мастерские довольно крупной базы, а река, широкая и разветвленная, удобна для рассредоточения кораблей. Благодаря выходам из Рижского залива (на север через Моонзунд и на запад через Ирбенский пролив) военно-морская база была выгодна и в оперативном отношении. Однако залив замерзал зимой, выход на север оказался мелководен. Но лучшего не было, и поэтому в устье Даугавы командование ВМФ решило создать новую базу с базированием в ней малых кораблей и даже крейсеров⁵⁰.

В конце декабря 1940 года начались подготовительные работы и мероприятия по созданию Рижской ВМБ (название новой базы), куда бы вошла и Либавы с ОВР, военным портом, участком СНиС и береговой артиллерией. Перевод предполагалось осуществить по готовности оборудования, главным образом связи. Однако к весне 1941 года возникла проблема не только перевода базы из Либавы в Ригу, но и полноценной обороны побережья с моря на участке Паланга — о. Даго, а также недопущения прорыва вражеского флота в Рижский залив через Ирбенский пролив. С учетом этого было решено провести реорганизацию сил флота на территории Латвии и Моонзундских островах⁵¹.

Береговая оборона Балтийского района подлежала расформированию, а Либавская ВМБ переводилась во второй разряд. Вместо этих объединений с 25 мая 1941 года началось формирование Прибалтийской военно-морской базы (взамен Рижской, так как зона ответственности новой базы сильно расширилась; командир контр-адмирал П.А. Трайвин). Ар-

тиллерийские батареи на острове Эзель и на южном мысу острова Даго (130-мм батарея, мыс Тоффи) были объединены в Эзельский сектор БО с задачей обороны островов и входа в пролив Созлозунд. Четырехорудийная 180-мм, строившаяся 305-мм башенная батарея (южная оконечность о. Эзель) и части БО, расположенные на южном побережье Ирбенского пролива (ранее входившие в Виндавский сектор БО Либавской ВМБ), были объединены в Ирбенский сектор БО с основной задачей обороны Ирбенского пролива. Оба сектора (Эзельский и Ирбенский) составляли береговую оборону Рижского залива, возглавляемую командантом БО, подчиненным командиру Прибалтийской ВМБ. Шесть артиллерийских батарей о. Даго (кроме батарей на м. Тоффи) и артиллерийский дивизион на о. Оденсхольм сводились в передовой сектор БО, подчиненный команданту БО главной базы⁵².

Оборону Ирбенского пролива и о. Эзель предполагалось осуществлять совместными действиями сухопутных войск, авиации, береговой артиллерии и надводных сил флота, опирающихся на минные заграждения, которые надлежало поставить в проливах и на подходах к ним. Ответственность за оборону побережья с моря на участке Паланга — о. Даго возлагалась непосредственно на командира Прибалтийской ВМБ. Либавская ВМБ должна была оборонять с моря побережье Балтийского моря на участке Паланга — Ирбенский пролив и использоваться как маневренная (временная) база флота с непосредственным подчинением командиру Прибалтийской ВМБ⁵³.

На Прибалтийскую базу должны были базироваться отряд легких сил, 1-я бригада подводных лодок, отряд торпедных катеров и отдельные части морской авиации. Для этого за несколько недель до войны перевели из Либавы под Ригу часть легких надводных сил и подводных лодок⁵⁴.

Таким образом, в результате создания военно-морских баз на территории Эстонии и Латвии исходные рубежи для стратегического развертывания КБФ выдвинулись на запад, а также расширились его оперативные возможности. В интересах укрепления базирования КБФ в Прибалтике были развернуты строительные работы, прежде всего по созданию береговой обороны. Однако

базирование КБФ в Прибалтике имело и недостатки: на военноморских базах не было сухопутной обороны, а противодесантная оборона ограничивалась только береговыми батареями; если главная база КБФ — Таллин — с воздуха была прикрыта удовлетворительно, то ПВО Либавской ВМБ и Моонзундских островов оказалась слабой. Все это привело к трагическим последствиям в начале Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р.-1887. Оп. 4. Д. 21. Л. 27.

² *Козлов И.А., Шломин В.С.* Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л.: Лениздат, 1976. С. 46.

³ Там же. С. 47.

⁴ РГА ВМФ. Ф. р.-1887. Оп. 4. Д. 21. Л. 27.

⁵ Там же. Ф. р.-1484. Оп. 4. Д. 2. Л. 38.

⁶ *Кабанов С.И.* На дальних подступах. М.: Воениздат, 1971. С. 41—42.

⁷ РГА ВМФ. Ф. р.-92. Оп. 7. Д. 374. Л. 21—23.

⁸ *Петров П.В.* Освоение Прибалтики // Тайфун 2000. №4. С. 8—9.

⁹ *Колесник А.И.* Советские военные строители. М.: Воениздат, 1982. С. 93—94.

¹⁰ Там же. С. 99.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. р.-92. Оп. 7. Д. 374. Л. 26.

¹² Там же. Л. 34.

¹³ *Колесник А.И.* Указ. соч. С. 102.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. р.-1887. Оп. 4. Д. 3. Л. 12—14.

¹⁵ Там же. Д. 3, 4.

¹⁶ *Кабанов С.И.* Указ. соч. С. 67.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. р.-1887. Оп. 4. Д. 21. Л. 31—33.

¹⁸ Там же. Д. 160. Л. 123—124.

¹⁹ Там же. Д. 176. Л. 156—158.

²⁰ *Кабанов С.И.* Указ. соч. С. 40—42.

²¹ РГА ВМФ. Ф. р.-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 131—136.

²² *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. М.: Высшая школа, 1992. С. 224.

²³ Полпреды сообщают... Сб. документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: август 1939 г. — август 1940 г. М.: Международные отношения, 1990. С. 376—378.

²⁴ Там же.

²⁵ *Семиряга М.И.* Указ. соч. С. 226—227.

²⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33992. Оп. 1. Д. 3. Л. 231—232; Ф. 33993. Оп. 1. Д. 45. Л. 98—99.

²⁷ Там же. Л. 521.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. р.-1877. Оп. 1. Д. 171. Л. 30—31.

²⁹ Там же. Л. 35—38.

³⁰ Там же. Д. 184. Л. 56—58.

³¹ Там же. Ф. р.-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 108.

³² Там же. Ф. р.-1887. Оп. 4. Д. 21. Л. 18.

³³ Там же. Ф. р.-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 110—112.

³⁴ Там же. Ф. р.-1887. Оп. 4. Д. 21. Л. 180.

³⁵ Там же. Ф. р.-1678. Оп. 1. Д. 166. Л. 36—92.

³⁶ Возведение батарей на о. Эзель Моонзундского архипелага можно рассмотреть на примере строительства башенной батареи № 315 (южная оконечность полуострова Сырве, мыс Церель), главной задачей которой являлась защита Ирбенского пролива. Батарея состояла из двух башенных установок (по два орудия каждая) МБ-2-180. Командиром батареи был капитан А.М. Стебель. Батарею № 315 строил 34-й отдельный инженерно-строительный батальон ВМФ в составе 1200 человек под командованием майора К.С. Воинова. На строительные работы также привлекались и местные жители в соответствии с договоренностью между правительствами (до вхождения в состав СССР). Заработную плату тогда им выплачивали золотыми червонцами, и те, кто работал на строительстве, смогли купить лошадей и обзавестись хозяйством. Однако район строительства объявлялся закрытой зоной, и более 300 семей с окружающих хуторов были переселены. Сметная стоимость работ по строительству 315-й батареи составляла 20 млн. рублей (без стоимости матчасти). В ценах 1937 года это огромная сумма. Следует заметить, что общие затраты на сооружение батарей на островах Эзель и Даго превышали стоимость строительства электростанции ДнепрогЭС (см.: *Мелконов Ю.Ю.* Батареи Моонзунда. Рига: SIA «RTC BASK», 2003. С. 48—51).

³⁷ РГА ВМФ. Ф. р.-1678. Оп. 1. Д. 136. Л. 272—273.

³⁸ Там же. Л. 278.

³⁹ Там же. Л. 143—144.

⁴⁰ Там же. Л. 131.

⁴¹ Там же. Л. 141—145.

⁴² Там же. Ф. р.-1678. Оп. 1. Д. 136. Л. 127—130.

⁴³ *Козлов И.А., Шломин В.С.* Указ. соч. С. 48.

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. р.-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 101—103.

⁴⁵ Там же. Л. 251.

⁴⁶ Там же. Ф. р.-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 268.

⁴⁷ Там же. Л. 368.

⁴⁸ Там же. Ф. р.-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 99.

⁴⁹ Там же. Л. 462.

⁵⁰ Там же. Ф. р.-1678. Оп. 1. Д. 135. Л. 101—103.

⁵¹ Там же. Ф. р.-92. Оп. 2. Д. 697. Л. 342—343.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Л. 251.

⁵⁴ Там же. Ф. р.-1877. Оп. 1. Д. 167. Л. 268.

Полковник В.М. КУРМЫШОВ

«РЕШИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ ПРЕСЕКАТЬ НЕДООЦЕНКУ ХИМИЧЕСКОЙ ОПАСНОСТИ»

Подготовка кадров военного управления по защите войск от радиационной, химической и биологической опасности в Военной академии Генерального штаба

СЧИТАЕТСЯ, что оружие массового поражения (ОМП) как средство вооруженной борьбы возникло во второй половине прошлого столетия, когда на вооружение армий США и СССР было принято ядерное оружие. С тех пор боевые средства стали подразделяться на обычное оружие и оружие массового поражения. Однако история человечества имеет немало свидетельств массового уничтожения людей в попытках одержать победу над противником. Одним из примеров является применение боевых химических веществ в Первой мировой войне (1914—1918 гг.). Таким образом, химическое оружие является наиболее старым видом ОМП. На международной Гаагской конференции 1899 года, в которой участвовали 27 стран, была принята декларация «О неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы». Данное запрещение соблюдалось до 1914 года. Применение отравляющих веществ на полях сражений в годы Первой мировой войны вызвало массовые поражения живой силы, и воюющие государства начали спешно производить химические боеприпасы, сначала в виде артиллерийских снарядов, а затем — авиационных бомб. Россия также стала производить авиационное химическое оружие, но оно не нашло широкого применения. Вместе с тем с лета 1916 года в русской армии появились военные химики: в дивизиях — нештатные заведующие противогазовой обороной, в полках — команды для химического и метеорологического наблюдения, оповещения о газовых атаках со стороны немецких

войск, а также для обучения личного состава пользованию простейшими средствами защиты — тканевой повязкой и угольным противогазом Н.Д. Зелинского.

Капитуляция Германии в 1918 году предотвратила расширение химической войны, однако интенсивная разработка и производство химического оружия, особенно в США и Германии, продолжались. Что касается России, то Красной армии химическое оружие досталось в качестве наследства, однако уже с начала 1920-х годов начался новый этап производства и накопления с одновременным использованием прежнего опыта организации защиты от него. Так возникли химическая служба и химические войска. В ноябре 1918 года приказом Реввоенсовета Республики № 220 была определена организация первых органов и подразделений противогазовой обороны (с 1941 г. — противохимической защиты).

К началу Великой Отечественной войны Советские Вооруженные Силы в достаточной мере были подготовлены к защите от химического оружия. Этому способствовало создание довольно стройной системы подготовки кадров военных химиков. 13 мая 1932 года в соответствии с постановлением Совета труда и обороны приказом Реввоенсовета Республики № 39 из химического факультета Военно-технической академии и 2-го филиала Московского высшего технического училища была создана Военно-химическая академия (в 1937 г. переименована в Военную академию химической защиты). Одновременно было создано Калининское военно-химическое училище. Академия готовила высококвалифицирован-

ные кадры для химических войск, химической службы и химической промышленности, а училище — средний командный и технический состав.

Подготовка кадров для противохимической защиты в других военно-учебных заведениях проводилась в рамках учебных программ по оперативно-тактическим дисциплинам на соответствующих кафедрах (циклах); офицеры высшего звена военного управления необходимые знания в области организации химической защиты в операциях получали в Академии Генерального штаба (АГШ) в рамках учебной программы по кафедре оперативного искусства (в 1942 г. АГШ переименована в Высшую военную академию — ВВА). Офицеры-химики впервые были приняты на обучение в академию в 1942 году.

События 1930-х годов показали, что вооруженные силы некоторых государств не только готовились к применению химического оружия, но и использовали его, например Италия против Абиссинии в 1936 году¹, Япония против Китая в 1937—1938 гг.²

В конце 1930-х годов международная обстановка стала усложняться, угроза нападения на Советский Союз возросла. Советское правительство усилило внимание к укреплению армии и флота, и, в частности, к противохимической защите войск и страны.

С началом Великой Отечественной войны не исключалась возможность применения гитлеровцами химического оружия. В одном из своих приказов в середине августа 1941 года нарком обороны СССР потребовал «сделать службу химической защиты неотъемлемой частью боевого использования войск и самым решительным образом пресекать недооценку химической опасности...»³.

Большое внимание уделялось подготовке командных кадров и специалистов для войск противохимической защиты. В Харькове на базе химических курсов усовершенствования командного состава РККА и в Вольске на базе 1-го Бердичевского пехотного училища в

мае 1941 года были созданы еще два училища химической защиты⁴.

Реальная опасность развязывания фашистской Германией химической войны возникла в начале летне-осенней кампании 1943 года. Разведкой всех видов были получены данные⁵, свидетельствующие об активизации деятельности немецкого командования по подготовке к применению отравляющих веществ как к реваншу за ряд серьезных поражений.

В соответствии со складывавшейся обстановкой Ставка ВГК предприняла меры по повышению степени готовности советских войск к химической защите. Так, летом 1943 года, перед началом Курской битвы в директиве, подписанной И.В. Сталиным и А.М. Василевским, войска предупреждались о реальной угрозе применения химического оружия⁶. В проект Полевого устава Красной армии (ПУ-43)⁷ были включены требования по противохимической защите войск в случае применения противником химического оружия.

Командный состав общевойсковых частей и соединений изучал немецкие средства химического нападения и обучался управлению войсками в условиях массированного применения противником химического оружия. Занятия проводились наиболее подготовленными специалистами химической службы. Также были приняты меры по совершенствованию обучения специалистов-химиков. Военная академия химической защиты осенью 1943 года перешла на нормальные (двоевальные) сроки обучения слушателей. Значительно были увеличены сроки подготовки курсантов в военных училищах химической защиты. Командный состав химической службы и частей химической защиты обучался по 200—300-часовой программе, утвержденной Главным военно-химическим управлением.

В связи с тем что в декабре 1942 года ВВА была поставлена задача — организовать переподготовку оперативных работников химических войск, а также подготовку общевойсковых командиров по вопросам применения химических войск в операциях⁸, в штат Высшей военной академии директивой Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (Главу-проформа) от 7 мая 1943 года⁹ была введена специальная кафедра¹⁰, на которой командные и штабные кадры оперативно-стратегического звена проходи-

ли подготовку по организации химической защиты войск.

С О ДНЯ своего рождения по настоящее время, то есть на протяжении 60 лет, кафедра является центром подготовки кадров высшего звена военного управления в области организации защиты от ОМП (с 1993 г. — радиационной, химической и биологической (РХБ) защиты). Она успешно выполняет поставленные задачи как по подготовке военных профессионалов высшей категории с учетом изменений в содержании военно-профессионального образования, так и по развитию военной науки, и в первую очередь в области теории и практики защиты войск от ОМП (РХБ защиты) в соответствии с основными концептуально-доктринальными установками по вопросам обороны страны и обеспечения ее национальной безопасности.

На первом этапе¹¹ своей деятельности (1943—1945 гг.) кафедра сосредоточила основные усилия на учебном процессе. При этом главное внимание в подготовке слушателей уделялось вопросам организации противохимической защиты, а также применения дымовых и огнеметно-зажигательных средств в операциях с учетом опыта Великой Отечественной войны. За два года была подготовлена целая плеяда выпускников — ведущих специалистов военно-химического дела, внесших большой вклад в строительство химических войск и повышение обороноспособности страны в целом¹².

У истоков создания, формирования и становления кафедры как одного из структурных подразделений ВВА стояли ее руководители — генерал-майоры А.С. Ботвинник, С.И. Азарьев и А.Н. Кислов.

В первые послевоенные годы (1946—1953 гг.) учебный процесс, в том числе и на кафедре противохимической защиты ВВА, строился на основе обобщения и исследования опыта Великой Отечественной войны. С учетом этого перерабатывались и уточнялись учебные программы, разрабатывались тематические планы и учебно-методические материалы. Их главным содержанием являлись теоретические и практические положения Полевого устава ВС СССР, введенного в действие приказом министра Вооруженных Сил 28 декабря 1948 года. В учебном процессе широко использовались материалы отчетов и научных конференций, проведенных в 1945—1946 гг. в химических управлениях (отделах) фронтов, а за-

тем в Военной академии химической защиты. Все это позволило выработать единство взглядов на организацию и осуществление мероприятий противохимической защиты, назначение и задачи химических войск в различных условиях боевой обстановки и внедрить их в учебную практику. Противохимическая защита рассматривалась как самостоятельный вид оперативного (боевого) обеспечения действий войск (сил) (далее — войск). В лекциях и оперативных задачах детально отрабатывались вопросы предупреждения войск о химической опасности, срыва или ослабления химического нападения и ликвидации его последствий, непосредственной защиты от отравляющих веществ. Задачи противохимической защиты и обеспечения войск необходимыми средствами решались с учетом возможного применения вероятным противником новых высокотоксичных отравляющих веществ (табун, зарин). Применение дымов отработывалось в целях оперативной маскировки. Тщательно рассматривалась организация взаимодействия с частями родов войск при применении огнеметных подразделений и дымовых средств. Профессорско-преподавательским составом на основе обобщения боевого опыта в области противохимической защиты были разработаны учебные пособия¹³ по вопросам противохимической защиты и применения химических войск в боях и операциях.

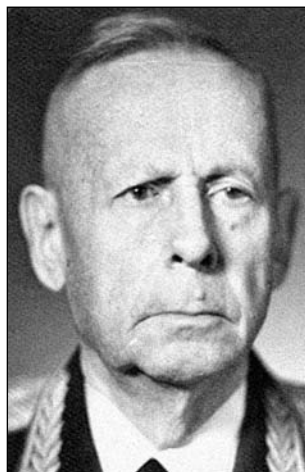
Качественно новый этап (1954—1964 гг.) в деятельности кафедры начался с появлением ракетно-ядерного оружия. Актуальной задачей являлось обеспечение защиты войск от ОМП. В ее решении активное участие принимала Высшая военная академия (в 1958 г. переименована в Военную академию Генерального штаба (ВАГШ) ВС СССР).

Под влиянием революции в военном деле изменились характер учебного процесса, организация научно-исследовательской работы и взаимодействие академии с войсками. По мере количественного увеличения и качественного совершенствования у возможного противника средств массового поражения возрастали и требования к уровню подготовки офицерских кадров высшего звена военного управления в области защиты от ОМП. Основные усилия в учебной и военно-научной работе были направлены на решение таких новых важных задач, как организация специальной обработки,

В.К. Пикалов

С.И. Азарьев

Н.Г. Сидоров

И.М. Афанасов

ведение дозиметрического и радиометрического контроля личного состава и различных объектов, а также химического и биологического контроля.

Для обеспечения учебного процесса в академии были разработаны и изданы учебники¹⁴ и пособия¹⁵ по курсу кафедры атомного оружия (специальной техники). Особое значение для подготовки слушателей имело периодическое издание сборников трудов¹⁶ академии. С их помощью до генералов и офицеров Вооруженных сил, в том числе и слушателей академии, доводились обобщения, выводы и уроки из опыта Второй мировой войны и результаты научных исследований. Так, в 1954 году был издан сборник трудов академии «Наступательная операция фронта в условиях применения атомного и химического оружия» (гриф секретности снят в 1989 г.).

Весомый вклад в разработку новых научных проблем, учебников и учебных пособий внес начальник кафедры генерал-майор С.И. Азарьев, а также генерал-майоры А.Н. Алексеев, А.Н. Кислов и Н.Ф. Успенский, полковники Н.П. Аланичев и А.А. Донской.

В 1965—1993 гг. в учебном процессе и научной работе ВАГШ значительное внимание уделялось вопросам двух видов оперативного обеспечения: защиты войск от ОМП в операциях (боевых действиях) и их химического обеспечения. За эти годы на кафедре были исследованы и внедрены в учебный процесс вопросы защиты войск от нейтронного оружия, в основном была решена одна из важных проблем защиты от ОМП, связанная с организацией системы выявления масштабов и последствий его применения и

разрушений РХБ опасных объектов¹⁷, определены подходы к решению задач защиты войск и других объектов от высокоточного оружия (ВТО) силами и средствами химической защиты. Во главе кафедры в этот период стояли генерал-майор Н.Г. Сидоров, генерал-лейтенанты И.М. Афанасов и А.И. Ткачев¹⁸.

С 1993 года по настоящее время деятельность кафедры РХБ защиты направлена главным образом на подготовку слушателей и проведение научных исследований по вопросам организации и выполнения задач РХБ защиты войск в операциях. При этом учитываются возникшие в процессе перестройки реалии и некоторые другие обстоятельства. К числу последних прежде всего относятся кардинальное изменение взглядов на защиту войск (сил) от ОМП, которая перестала рассматриваться как один из видов оперативного обеспечения и стала частью деятельности войск по защите от различных видов оружия противника (ОМП, ВТО, оружия на новых физических принципах¹⁹ и др.) и опасных факторов техногенного характера²⁰. Такого рода взгляды возникли в связи со значительным расширением перечня возможных видов оружия, способных вызвать массовые потери войск, существенно снизить их боевые возможности, и необходимостью применения новых, более эффективных форм обеспечения защиты войск (сил).

За 60 лет своего существования кафедра подготовила большой отряд военных специалистов высшей квалификации для замещения наиболее ответственных должностей в войсках, вузах РХБ защиты и других структурах МО РФ²¹, а также внесла и вносит дос-

тойный вклад в подготовку офицерских кадров высшего звена военного управления.

Объективная оценка современной военно-политической и экономической обстановки в мире дает основание предполагать, что в обозримой перспективе реального снижения военной опасности для России не произойдет²².

Нельзя сбрасывать со счетов и терроризм. Совсем недавно даже трудно было представить, что возможны террористические акты с применением радиоактивных, отравляющих веществ или биологических средств, сейчас же имеется уже немало примеров их использования.

Следует учесть и то, что международные соглашения и договоры²³, запрещающие или существенно ограничивающие применение отдельных видов ОМП, с началом военного конфликта могут быть нарушены. При этом побудительной причиной применения ОМП может стать исчерпание одной из противоборствующих сторон возможностей активного противодействия, когда использование обычного оружия не принесет желаемых результатов.

Наряду с вероятностью боевого применения ОМП не менее серьезную угрозу представляют аварии и катастрофы техногенного характера, в том числе разрушения предприятий ядерного топливно-энергетического цикла, химической, нефтехимической и микробиологической промышленности, значительно участвовавшие в последние десятилетия. Если раньше в мирное время аварии в этой сфере обуславливались лишь природными явлениями или ошибками в деятельности персонала, то сегодня велика угроза технологического терроризма, последствия которо-

го не менее опасны, чем разрушения объектов, вызванные применением боевого оружия.

Возможные последствия применения ОМП, появление оружия на новых физических принципах (гидросферное, биосферное и другое), опасные факторы техногенного и природного характера являются в свою очередь источниками экологической опасности²⁴. Они формируют новую экологическую обстановку, негативно изменяющую условия обитания и создающую угрозы населению и войскам.

НЕГАТИВНОЕ воздействие техногенных факторов на окружающую среду уже сегодня привело к глобальному экологическому кризису, то есть к устойчивым изменениям окружающей среды, которые могут стать необратимыми. Наиболее ощутимым проявлением глобального экологического кризиса является загрязнение окружающей среды. Особенно большую опасность представляют такие загрязнители, как соединения тяжелых металлов, высокотоксичные органические компоненты, радиоактивные и другие вредные вещества. В целом по России выбросы загрязняющих веществ в атмосферу предприятиями промышленности составляют в год около 25 млн. т²⁵.

Радиоактивное загрязнение окружающей среды на территории России возникло в результате проводившихся ранее ядерных испытаний и аварий, происшедших в 1957 году на производственном объединении «Маяк» (Челябинск-40) и в 1986 году на Чернобыльской АЭС. Кроме того, в России насчитывается около 1500 производств и объектов с ядерной и около 3500 с химической технологией²⁶. Все они обладают повышенной опасностью. При разрушении (случайно или преднамеренно) этих объектов ущерб, в том числе экологический, может быть настолько велик, что станет сравним с ущербом от применения противником ядерного оружия²⁷. Таким образом, РХБ защита населения, войск и в целом всей страны в условиях крупномасштабных разрушений РХБ опасных объектов, возможного применения ОМП и оружия на новых физических принципах не только не теряет своей актуальности, а, наоборот, становится все более необходимой. Она организуется и осуществляется как в мирное, так и в военное время: на первом эта-

пе выявляются и ликвидируются последствия воздействия поражающих факторов на войска и население, на втором проводятся долгосрочные мероприятия по нормализации экологической обстановки, восстановлению качества окружающей среды и обеспечению экологической безопасности.

Опыт работы в местах аварий и катастроф, в частности на Чернобыльской АЭС, показал, что последствия ни одной крупной техногенной аварии не могут быть ликвидированы только силами одного ведомства, без привлечения соединений и частей Вооруженных сил, в том числе войск РХБ защиты, которые имеют на вооружении специальную технику и укомплектованы личным составом, прошедшим особую подготовку и строгий профессиональный отбор по морально-психологическим, физическим и медицинским критериям. Действия войск РХБ защиты здесь следует рассматривать как реализацию принципа их двойного использования без снижения потенциальных возможностей по основным целевым функциям.

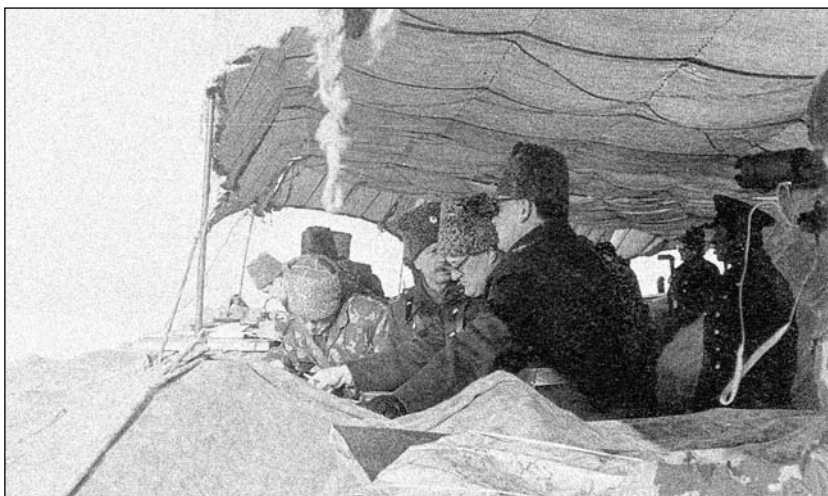
Радиационная, химическая и биологическая защита в районах аварий (разрушений) РХБ опасных объектов организуется и осуществляется с целью снизить потери войск. При этом ее основными задачами являются: определение и оценка масштабов и последствий аварий (разрушений) на РХБ опасных объектах; защита личного состава от радиоактивных, токсичных химических веществ и болезнетворных микробов; участие в организации системы экологического мониторинга и обеспечения экологической безопасности на объектах Вооруженных сил; обеспечение органов уп-

равления ВС РФ и взаимодействующих министерств и ведомств информацией о радиационной, химической и биологической обстановке при авариях (разрушениях) на РХБ опасных объектах.

Для выполнения этих задач, осуществляемых в тесном взаимодействии с силами МЧС, других министерств и ведомств, требуется дальнейшее совершенствование содержания, форм и методов подготовки офицеров органов управления различных рангов по вопросам РХБ защиты и экологической безопасности. На выпускников ВАГШ ложится обязанность по организации РХБ защиты войск, прогнозированию изменений экологического характера в окружающей среде, осуществлению мероприятий по ликвидации последствий чрезвычайной экологической ситуации в рамках обеспечения экологической безопасности и направленных на защиту жизни и здоровья людей, сохранение окружающей среды.

Вопросы РХБ защиты войск в операциях основательно разработаны и нашли свое место в образовательных программах и учебно-методических материалах, которые постоянно совершенствуются²⁸.

Вместе с тем проблемы обеспечения экологической безопасности еще не нашли должного отражения в программах подготовки слушателей ВАГШ. Это может привести к ситуации, когда выпускники ВАГШ, не получив достаточной суммы знаний в области экологии, окажутся неспособными грамотно оценивать экологическую обстановку и принимать нужные решения по обеспечению экологической безопасности войск, населения и защиты окружающей среды как в мирное, так и в военное время или в случае террористического акта. Поэто-

Во время учений в поле

**Встреча ветеранов и гостей
кафедры РХБ защиты ВАГШ в
честь ее 60-летия**
Май 2003 г.

му, на наш взгляд, в одну из учебных дисциплин следует включить раздел «Экологическая безопасность».

В свете реалий настоящего времени (терроризм с применением оружия массового поражения, техногенные катастрофы, экологический кризис), проблема защиты Вооруженных сил и населения от ОМП, техногенных и экологических факторов является крайне насущной. Ее недооценка может привести к недопустимому снижению национальной безопасности России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Корсун Н.Г. Итало-Абиссинская война 1935—1936 гг. М.: Воениздат, 1939. С. 82.

² Сапожников Б.Г. Китай в огне войны 1931—1950 гг. М.: Наука, 1977. С. 90.

³ Бабушкин А.В. Совершенствование химической службы в годы войны // Воен.-истор. журнал. 1978. № 7. С. 86.

⁴ Химические войска Советской Армии. М.: Воениздат, 1987. С. 24.

⁵ Там же. С. 28, 29.

⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 74. Оп. 12308. Д. 15. Л. 9—11.

⁷ В 1943 г. был разработан проект Полевого устава Красной армии (ПУ-43) вместо действовавшего Временного Полевого устава РККА 1936 г. Положения проекта легли в основу Полевого устава Вооруженных Сил 1948 г.

⁸ Академия Генерального штаба. История ВАГШ. М.: Воениздат, 1987. С. 70.

⁹ Исторический формуляр ВАГШ 1936—1966 гг. Рукопись. С. 7.

¹⁰ Сначала кафедра называлась кафедрой химической службы, затем — кафедрой химии (с 20 июня 1943 г.), кафедрой военной химии (3 февраля 1945 г.), кафедрой противохимической защиты войск (19 октября 1945 г.), кафедрой по атомному оружию (24 декабря 1953 г.), особой кафедрой специальной техники (1 марта 1958 г.), кафедрой оружия массового поражения и защиты войск (16 октября 1965 г.). В 1993 г. кафедра получила нынешнее наименование — кафедра радиационной, химической и биологической (РХБ) защиты. Эволюция терминологии в названии кафедры так же, как и в названии химических войск, была обусловлена изменениями взглядов на содержание и реализацию мероприятий защиты от ОМП.

¹¹ В истории кафедры можно выделить несколько этапов: первый — годы Великой Отечественной войны (1943—1945 г.); второй — послевоенные годы (1946—1953 г.); третий — период качественных изменений образовательного процесса, связанных с появлением ракетно-ядерного оружия (1954—1964); четвертый — период, когда в центре внимания кафедры находились вопросы двух видов оперативного обеспечения: защиты войск (сил) от ОМП в операциях и их химического обеспечения (1965—1993); пятый — современный период, характеризующийся изме-

нениями взглядов на защиту войск (сил) от оружия массового поражения (с 1993).

¹² В 1943 г. число слушателей академии не должно было превышать 170 человек, из них офицеров-химиков — 20, что вполне отвечало потребности ВС.

¹³ Азарев С.И. Противохимическая защита, дымовое и огнеметное обеспечение наступательного боя стрелковой дивизии и корпуса: Учебное пособие. М.: ВВА, 1946.

¹⁴ Оружие массового поражения. Организация химических войск и основы их применения: Учебник. М.: ВАГШ, 1966.

¹⁵ Кислов А.Н. Химическое обеспечение в бою стрелкового корпуса: Учебное пособие. М.: ВВА, 1956.

¹⁶ Был разработан ряд военно-теоретических трудов, в том числе по методике преподавания и изучения оперативного искусства, подготовке и ведению операций, управлению войсками, их оперативному и тыловому обеспечению. В разработке этих трудов участвовали все кафедры академии. Объем капитальных трудов, разработанных в 1954—1961 гг., составил около 180 печатных листов, а в 1962—1971 гг. было издано 35 научных сборников.

¹⁷ РХБ опасными объектами для краткости называют предприятия ядерного топливно-энергетического цикла, химической, нефтехими-

ческой и микробиологической промышленности, последствиями аварий (разрушений) которых являются радиоактивное, химическое и биологическое заражение окружающей среды.

¹⁸ Начальниками кафедры на современном этапе ее истории были генерал-лейтенанты Г.С. Юхновец и Ю.В. Тарасевич. С 2001 г. кафедру возглавляет генерал-майор В.А. Хороводов.

¹⁹ Оружие на новых физических принципах — нетрадиционное оружие, его новые возможные виды, поражающее действие которых основывается на ранее не использовавшихся в нем процессах и явлениях (геофизическое, инфразвуковое, климатическое, озонное, лазерное, сверхвысокочастотное и другое). Многие из этих видов оружия подпадают под конвенцию «О запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» 1977 г. и другие международные договоры.

²⁰ Опасные факторы техногенного характера — причины (деструктивные силы) каких-либо опасных для людей и окружающей среды процессов или явлений, связанные с авариями (разрушениями) в техносфере. К таким факторам относятся, например, выбросы вредных веществ в окружающую среду (вследствие нарушения технологических режимов функционирования объектов), приводящие к негативным изменениям условий жизнедеятельности людей.

²¹ В числе выпускников академии по профилю кафедры в первую очередь следует назвать: генерал-полковника В.К. Пикалова, Героя Советского Союза, доктора технических наук, академика Российской академии технологических наук, в 1968 г. окончившего ВАГШ с золотой медалью, в последующем в течение 20 лет (1969—1989) возглавлявшего химическое войска МО СССР; генерал-полковника В.В. Мясникова, Героя Советского Союза, профессора, окончившего ВАГШ в 1966 г. и возглавлявшего в последующем в течение 18 лет (1972—1990) Военную академию химической защиты; генерал-полковника С.В. Петрова, доктора технических наук, профессора, окончившего ВАГШ в 1980 г., в последующем в течение 11 лет (1989—2000) возглавлявшего химические войска (с 1993 г. — войска РХБ защиты).

²² В настоящее время около 20 стран обладают химическим оружием, а технологии его производства относительно просты и известны еще большему кругу государств. При этом не все страны, способные производить химическое оружие, присоединились к конвенции о его запрещении (1993 г.). Все большее

число государств приобщаются к технологиям производства ядерного оружия и биологических средств. Трудность контроля над производством биологических средств и относительная дешевизна их изготовления ведут к тому, что любая страна и даже отдельные террористические организации могут стать их обладателями.

²³ Конвенция «О запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении» 1993 г.

²⁴ При оценке последствий применения ядерного оружия наряду с прямыми поражающими факторами ядерных взрывов следует учитывать возможные экологические эффекты: разрушение озонового слоя, климатические возмущения, вызванные образованием в большом количестве дыма, и др.

Химическое и биологическое оружие является чрезвычайно опасным в экологическом отношении. Последствиями применения этих видов ОМП могут быть: гибель большей части популяции позвоночных животных и многих популяций беспозвоночных, уничтожение различных растительных видов и, как следствие, полная деградация окружающей среды, стерилизация почвы. Все это в конечном итоге ведет к разрушению экологической системы.

Оружие на новых физических принципах непосредственно воздействует на окружающую среду и тем самым вызывает сложную экологическую обстановку. С помощью этого оружия могут быть инициированы землетрясения, извержения вулканов, различные атмосферные процессы и связанные с ними погодные и климатические условия, истребление флоры и фауны.

²⁵ Тарасевич Ю.В., Измалков В.И. Экологическая безопасность деятельности Вооруженных Сил. М.: ВАГШ, 2001. С. 15.

²⁶ Там же. С. 28, 29.

²⁷ Из-за большого числа аварий на атомных подводных лодках и попавших на морское дно ядерных боеприпасов (на дне Мирового океана находятся девять ядерных реакторов и 50 ядерных боеприпасов) произошло загрязнение морей и океанов радиоактивными веществами. Эти загрязнения опасны своей масштабностью.

²⁸ Радиационная, химическая и биологическая защита войск в операциях: Учебное пособие. М.: ВАГШ, 2001.

**Полковник В.В. ИЛЬЮШИН;
полковник в отставке
Ю.Д. БЕРЕЗИН;
А.Ю. БЕРЕЗИН**

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2003. 702 с., ил.

Костюченко С.А. Как создавалась танковая мощь Советского Союза: В 2 кн. СПб.: ООО «Издательство Полигон»; М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. Кн. 1. С. 559., ил.

Золотарев В.А. Три столетия Российского флота, XVIII век. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2003. 620 с., ил.

Дмитренко С.Г. Морские тайны древних славян. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2004. 413 с., ил.

История русской армии. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2004. 667 с., ил.

Переданы главным редактором издательства «Полигон», доктором филологических наук полковником запаса Н.Л. Волковским (Санкт-Петербурге)

Соловьев Б.Г. 22 июня 1941 года (как готовилась война против СССР). М.: Юрлитинформ, 2004. 168 с.

Передана автором (Москва)

Мяснин В.П., Якимов С.А. Офицеры Балтийского флота. СПб.: Издательский дом «Измайловский», 2003. 176 с., ил.

Передана авторами (Калининград)

Первышин В.Г. Сталин и Великая Отечественная война. М.: Компания Спутник+, 2004. 424 с.

Передана автором (Москва)

Талкин Ю.И. Сборник документов о Гражданской войне в Донском крае, на Кубани и Приазовье в 1920—1921 гг. М.: б/и, 2004. 148 с.

Передана автором (Москва)

Емелин А.Ю. Морской кадетский корпус. В воспоминаниях воспитанников. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. 296 с.

Передана автором (Санкт-Петербурге)

Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь советского разведчика, или Скандинавия с черного хода. М.: Мол. гвардия, 2004. 471 с., ил.

Передана доктором исторических наук, профессором В.Л. Генштке (Москва)

Курмышов В.М. Базирование Балтийского флота в межвоенный период 1921—1941 гг. СПб.: ВИТУ, 2003. 266 с.

Передана автором (Санкт-Петербурге)

Фловодец. Материалы о жизни и деятельности наркома Военно-морского флота Адмирала Флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова / Сост. Р.В. Кузнецова. М.: Садовое кольцо, 2004. 352 с., ил.

Передана руководителем Московского городского отделения Общероссийского движения поддержки флота контр-адмиралом в отставке П.С. Орловым (Москва)

Кавалеры ордена Александра Невского

К 60-летию Победы

ОРДЕН Святого Александра Невского, задуманный еще Петром I, но учрежденный в 1725 году уже после его смерти, предназначался изначально для награждения военных чинов не ниже генерал-майора. Однако уже среди первых награжденных были и гражданские лица. Орден имел свою соборную церковь в Троицком Александро-Невском монастыре, где покоились останки святого князя Александра. Возродился он — в несколько измененном виде — в годы Великой Отечественной войны для награждения командиров Красной армии за умелое руководство в ходе боя подчиненным личным составом. Первое награждение состоялось 5 ноября 1942 года. Всего до конца Великой Отечественной войны было награждено 42 165 офицеров, 1470 наград получили воинские части и соединения. 42 офицера были удостоены этого ордена дважды, а двое — трижды.

12 сентября 1989 года митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (в настоящее время — Его Святейшество Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II) в торжественной обстановке принял 13 кавалеров ордена Александра Невского в Александро-Невской лавре.

Во время этой встречи было принято решение о создании общественной организации, объединяющей фронтовиков Великой Отечественной войны, награжденных орденом Александра Невского. В марте 1990 года в Ленинграде была создана такая организация — Клуб кавалеров ордена Александра Невского — небесного покровителя Санкт-Петербурга. Сегодня он насчитывает около 200 членов. Среди них Герои Советского Союза, Герой России, Герои Социалистического Труда. Некоторые, несмотря на свой почтенный возраст, продолжают активно трудиться.

Главную свою цель клуб видит в том, чтобы способствовать повышению уровня духовности современного общества, формированию патриотического сознания у граждан, прежде всего у молодежи.

Недавно была выпущена книга*, посвященная кавалерам ордена Александра Невского Санкт-Петербурга. Мы приводим из нее описание трех подвигов, совершенных командирами Красной армии в феврале 1945 года.

ВХОДЕ Висло-Одерской стратегической наступательной операции (12 января — 3 февраля 1945 г.), проводимой войсками 1-го Белорусского, 1-го Украинского фронтов при содействии левого крыла 2-го Белорусского и правого крыла 4-го Украинского фронта, а также при участии 1-й армии Войска Польского, советские войска освободили значительную часть Польши и вышли на территорию Германии,

окружив крупные вражеские группировки в городах Бреслау, Познань, Шнейдемюль и др. Так, г. Шнейдемюль — мощный опорный пункт обороны противника в восточной части Померании — был взят штурмом 14 февраля. Только в ходе штурма войска 1-го Белорусского фронта пленили более 5000 немецких солдат и офицеров и захватили следующие трофеи: самолетов — 203, орудий — 30, минометов — 34, пулеметов — 217, винтовок и автоматов — около 5000, автомашин — 286, тракторов и тягачей — 102, повозок с военными грузами — 109, паровозов — 97, вагонов —

1508, складов с военным имуществом — 51. Противник потерял убитыми более 7000 солдат и офицеров.

Среди многих советских воинов в этих боях отличился старший лейтенант Виктор Михайлович Дубиничев.

Город Шнейдемюль был подготовлен противником для длительной обороны. Используя старинную крепость и два укрепленных рубежа из дотов, соединенных между собой ходами сообщения, вражеский гарнизон численностью 12 тыс. человек упорно оборонялся. Протяженность внутреннего оборонительного пояса противника составляла 16 км. Наше командование сосредоточило на участке длиной 3,5 км до 11 тыс. человек. 14 февраля наши войска пошли на штурм и к исходу дня овладели крепостью. Из-за нелетной погоды авиация не применялась. Главную задачу выполняли штурмовые группы в составе стрелковой роты или взвода с приданными орудиями, танками и саперами.

Штурмовая группа командира роты Виктора Михайловича Дубиничева одной из первых ворвалась в Западные (Центральные) ворота крепости и удерживала их в течение трех часов, пока батальон, а затем и полк не вошли в город и не развили успех передовых штурмовых групп. За умелое управление боем стрелковой роты и личный героизм, проявленный при штурме крепости, В.М. Дубиничев был представлен к награждению орденом Александра Невского. Правда, орден он получил лишь в 1957 году.

В.М. Дубиничев находил-

ся в составе действующей армии после окончания Черкасского пехотного училища — с марта 1943 по март 1945 года. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды. Был ранен в боях за г. Щецин и отправлен в госпиталь. В Вооруженных Силах подполковник В.М. Дубиничев служил до 1971 года. Умер в 2002 году. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры (г. Санкт-Петербург).

Кавалером ордена Александра Невского в ходе Висло-Одерской операции стал и Владимир Владимирович Великанов, командир 238-го инженерно-саперного батальона. Этот батальон после прорыва нашими войсками обороны противника был оставлен в г. Кульме для несения комендантской службы на переправе через р. Вислу. 3 февраля много-тысячная группировка противника, вырвавшаяся из окружения в районе г. Торуня, двинулась на север, чтобы переправиться на западный берег Вислы. Более двух суток 238-й батальон, имея 333 человека личного состава, 28 пулеметов и большое количество противотанковых и противопехотных мин, героически оборонял город и не допустил переправы противника на западный берег реки. В ходе боевых действий были уничтожены 388 солдат и офицеров противника, взяты в плен 128 человек, захвачено большое количество трофеев.

В.В. Великанов до конца войны был командиром этого батальона, затем за-

* Кавалеры ордена Александра Невского / Сост. А.А. Носич, А.В. Хоренков; Под общей редакцией А.Д. Климова. СПб., 2003. 216 с., ил.

Командир штурмовой роты В.М. Дубиничев

Подполковник В.М. Дубиничев

Командир батальона В.В. Великанов

Полковник В.В. Великанов

Капитан Н.Г. Агеев

Полковник Н.Г. Агеев

Нагрудный знак Клуба кавалеров ордена Александра Невского

Обложка книги

Президиум Клуба кавалеров ордена Александра Невского: председатель А.Д.Климов, заместитель председателя А.В.Еркович, заместитель председателя П.И.Продан, А.П.Грачев, Б.Н.Друганов, Н.Ф.Ковальчук, А.А.Носич, А.В.Хоренков, В.П.Фокин, В.А.Шалыпин.

г. Санкт-Петербург, март 2003 г.

нимал командные должности в военно-строительных войсках, возглавлял отдел капитального строительства в 6-й Ленинградской армии ПВО. Кроме ордена Александра Невского награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, тремя орденами Красной Звезды.

В эти же дни на другом участке фронта высокую награду — орден Александра Невского за умелое управление боевыми действиями артиллерии и лично проявленные мужество и отвагу получил Николай Григорьевич Агеев. Он служил в составе 2-й ударной армии. В представлении указывалось: «В ходе ожесточенных боев 2—5 февраля 1945 года начальник артиллерии 168-го стрелкового полка 86-й стрелковой дивизии капитан Агеев Николай Григорьевич обеспечил твердое и непрерывное управление штатной и приданной полку артиллерией и ее тесное взаимодействие со стрелковыми подразделе-

ниями. Умело маневрируя огнем на наиболее опасных направлениях, капитан Агеев Н.Г. оказал существенное влияние на исход боя. 168-й стрелковый полк за эти 3 дня отбил многократные атаки и контратаки, в том числе одну ночную. При этом уничтожено и подбито 16 танков и бронетранспортеров и уничтожено до 400 солдат и офицеров противника. Капитан Агеев Н.Г. при управлении боевыми действиями артиллерийских подразделений проявил смелость и личное мужество».

После войны полковник Агеев продолжал служить на различных командных должностях, последние 10 лет, до ухода в отставку (1964—1974), возглавлял Плесецкий военкомат в Архангельской области. Кроме ордена Александра Невского награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды.

Публикацию подготовил А.В. ОСТРОВСКИЙ
Фото из книги «Кавалеры ордена Александра Невского»

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

XXII генеалого-геральдическая конференция

В МОСКВЕ состоялась XXII Международная генеалого-геральдическая научная конференция, организованная Всероссийским геральдическим обществом, Русской геральдической коллегией, Российским дворянским собранием, Государственным музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Открыл ее председатель Всероссийского геральдического общества подполковник запаса И.С. Сметанников.

С основными докладами выступили: доктор исторических наук А.А. Корников «Структура и содержание курса "Российская геральдика. Из опыта преподавания"» (Иваново); кандидат исторических наук С.В. Зверев «Монетовидные украшения фабрики Д.Л. Кучкина в Москве в начале XX в.» (Москва); кандидат исторических наук С.В. Думин «Проблемы описания гербов в современной российской геральдике» (Москва); доктор исторических наук Г.И. Королев «Особый случай говорящего герба (герб Вереи)» (Москва); кандидат философских наук полковник запаса Г.В. Ражнев «Христианские покровители врачей» (Смоленск); доктор исторических наук Р.А. Симонов «Профессиональный консерватизм восприятия сложных концентрических образов на Руси позднего средневековья» (Москва); Л.Н. Грехов «Герб Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова» (Москва); полковник В.Л. Герасимов «Новая награда "Военно-исторического журнала"» (Москва); А.В. Ефимов «Геральдическое обеспечение МЧС России» (Москва); В.В. Акунов «Символизм Святого Грааля» (Москва); И.Б. Емелин «Государственные символы Карело-Финской ССР» (Петрозаводск); Г.М. Коваль «Награды России за заслуги в борьбе с чумой (XVIII — начало XX в.)» (г. Новогорск Московской обл.); В.В. Мишин «Территориальная геральдика Люксембурга» (г. Химки Московской обл.); В.А. Шипунов «Покровительница Марининского Посада. К 180-летию со дня рождения Марии Александровны» (Марининский Посад); Е.М. Дрогов «Историография вятского герба» (Киров); И.Н. Худобородов «"Варяг" и "Кореец". Новые сведения о морском сражении» (Москва); С.А. Синдеев «Символика учебных заведений МЧС России» (г. Новогорск Московской обл.); И.С. Сметанников «Гербы зарубежных геральдических организаций» (п. Момино Московской обл.); Д.В. Анисимова «Московский генерал-губернатор граф Петр Семенович Салтыков: парадоксы восприятия личности» (Москва); С.В. Белков «Адмирал Иван Лукьянович Талызин. Материалы к биографии» (Москва); Д.А. Бойко «Мальтийская корона в геральдике Одессы после 1857 г.» (г. Запорожье, Украина); В.Н. Булгаков «Герб Российской Федерации: новый взгляд» (Тверь); А.В. Галкин «Знамя Москвы. История создания» (Москва); М.М. Глейзер «Фалероники с изображением здания Санкт-Петербургского (Ленинградского) монетного двора» (Санкт-Петербург); Г.Б. Ефетов «Незначковая геральдика Крыма» (г. Симферополь, Украина); И.В. Ефимов «Атрибуты президентской власти в Республике Марий Эл» (Йошкар-Ола); П.И. Ефимов «Практические функции герба (обзор англоязычной литературы по геральдике)» (Йошкар-Ола); кандидат педагогических наук Е.П. Комаровская «Знаменные флаги Военно-морского флота Российской Империи» (Москва); кандидат исторических наук Е.А. Комаровский «Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II: новые генеалого-геральдические исследования» (Москва); К.Г. Кинель «История королевских наград Таиланда» (Москва); Д.В. Котов «К вопросу о масонской и эзотерической символике в романе М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита"» (Москва); А.В. Кошелев «О работе над созданием герба и флага Новосибирской области в 1997—2003 гг.» (Новосибирск); С.А. Лазарев «Крест: красный, синий, зеленый» (Санкт-Петербург); Б.А. Ларионов «Страницы героической обороны Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. и фалеристика» (Санкт-Петербург); А.Б. Муравьев «Система военной символики ВС Украины» (Киев, Украина); М.В. Ревнищев «К вопросу о волньных частях в проектах гербов некоторых городов Оренбургской губернии» (г. Энгельс Саратовской обл.); А.В. Руденко «Геральдический комплекс Шевченковского района города Киева» (Киев, Украина); В.И. Свержин «"После туч — солнце!" Гербы, разработанные Государственной академией дизайна и искусств города Харькова» (Харьков, Украина); Е.В. Старинкова «А.С. Пушкин и вопросы геральдики. Печатки Пушкиных в собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина» (Санкт-Петербург); Н.Н. Стародубцев «Горностаевый мех в геральдике» (Донецк, Украина); О.Р. Тесля «Награда мэрии Таганрога: почетный знак А.Б. Лакиера "Сподвижнику геральдики"» (Таганрог); О.Г. Толкушин «Обоснование идей для официальных символов — герба и флага Черкасского государственного технологического университета» (Черкассы, Украина); А.И. Филиппов «Князь Подолой Федор Корятович имел герб венгерского короля» (Ужгород, Украина).

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ АВИАЦИЯ США В ОПЕРАЦИИ «ЛАЙНБЭКЕР-2»

Боевые действия американской авиации во Вьетнаме

«Военно-исторический журнал» в новой рубрике «Локальные войны и вооруженные конфликты XX века» начинает публикацию серии статей о развернувшейся в небе Вьетнама в декабре 1972 года самой крупной к тому времени после Второй мировой войны воздушной войне, в которой с обеих сторон, и прежде всего со стороны США, было задействовано новейшее для того времени оружие и использованы передовые методы организации и ведения боевых действий.

Война Соппротивления вьетнамского народа (1959–1975) была крупнейшей из локальных войн в Юго-Восточной Азии. Проводя политику «вьетнамизации» конфликта, США потратили на подготовку и реорганизацию южно-вьетнамской армии около 9 млрд. долларов. Так, за период с 1969 по 1972 год Южному Вьетнаму были направлены 574 самолета, 863 вертолета, 580 танков, 1200 орудий полевой артиллерии, 60 000 автомобилей, 10 000 минометов и безоткатных орудий, 1800 бронетранспортеров, 10 кораблей, 950 катеров и другое вооружение. Только за 1972 год военная и экономическая помощь американцев составила около 2,5 млрд. долларов. Всего же на войну во Вьетнаме США израсходовали более 160 млрд. долларов, потеряли убитыми и умершими 56 737 человек и более 300 тыс. ранеными.

Однако обстановка в целом складывалась в пользу патриотических сил Южного Вьетнама, начавших в конце марта 1972 года крупную наступательную операцию, в результате которой сайгонская армия понесла серьезное поражение. Только за 6 месяцев ведения боевых действий были убиты и взяты в плен 325 000 человек, сбиты и уничтожены на аэродромах 2050 самолетов и вертолетов, уничтожены и захвачены 6300 военных машин, 1500 пушек и минометов противника, а также десятки тысяч тонн военного снаряжения.

Опасаясь за судьбу сайгонских властей, США предприняли эскалацию воздушной войны против ДРВ, которая длилась с 16 апреля по 30 декабря 1972 года. Особым ожесточением отличалась воздушная операция «Лайнбэкер-2», продолжавшаяся 12 суток, с привлечением стратегических бомбардировщиков В-52, тактических истребителей-бомбардировщиков F-111A и самолетов других типов. За время операции авиация США совершила 33 массированных удара (17 — стратегической авиацией, 16 — тактической и авианосной), сделав 2814 самолетовылетов, в том числе 594 — стратегическими бомбардировщиками В-52. В ходе операции на объекты ДРВ были сброшены до 16 тыс. бомб, при этом около 12 тыс. — самолетами В-52. В некоторых налетах на наиболее важные города и объекты ДРВ участвовали до 200–250 самолетов.

Тем не менее, несмотря на жестокость и массированность воздушных ударов, вооруженные силы ДРВ, прежде всего войска ПВО и ВВС, оказали героическое сопротивление противнику, в результате которого ВВС США понесли серьезные потери.

Основой для подготовки серии статей о воздушной войне во Вьетнаме послужила книга «Боевые действия войск ПВО и ВВС Вьетнамской народной армии в декабре 1972 года», изданная незначительным тиражом в 1976 году под общей редакцией Маршала Советского Союза П.Ф. Батицкого и подготовленная авторским коллективом в составе А.И. Хюпенена (руководитель), Д.К. Бедненко, С.А. Варюхина, В.Г. Манухина, Д.И. Фомина, А.К. Реминного. Помощь авторскому коллективу оказали К.С. Бабенко, М.И. Фесенко, С.В. Алешкин, Ю.С. Гарнаев и другие советские военные специалисты, находившиеся в то время в ДРВ.

ОПЕРАЦИЯ «Лайнбэкер-2» началась вечером 18 декабря 1972 года: авиация США нанесла удар одновременно по всем основным аэродромам базирования истребителей ВВС ДРВ. Первые за все годы войны удар был нанесен с применением большого количества стратегических бомбардировщиков В-52, которым и впоследствии отводилась роль главной ударной силы: к участию в операции привлекались все стратегические бомбардировщики В-52, находившиеся на авиабазах Андерсен (о. Гуам) и Утопао (Таиланд). Обычно они совершали более 50 самолетовылетов в сутки, иногда и до 90. Бомбардировкам подверглись также Ханой, Хайфон, основной индустриальный район ДРВ Тхай-Нгуйен, аэродромы, железнодорожные станции, крупные промышленные и военные объекты. Только на Ханой в ходе этой операции В-52 совершили более 300 самолетовылетов, зато и потери их были здесь самыми значительными: по данным командования Вьетнамской народной армии (ВНА) ДРВ, — 25 стратегических бомбардировщиков (а всего 34). Правда, американцы признавали потерю только 22 В-52, но даже и в этом случае число потерь довольно значительно.

Надо заметить, что В-52 в основном применялись только в ночное время суток, их действия планировались с особой тщательностью и обеспечивались значительными силами истребителей для прикрытия ударных групп и блокирования аэродромов, огневого подавления средств ПВО, в том числе радиоэлектронных, а также для постоянного наблюдения за воздушным пространством над территорией ДРВ.

Таким образом, планируя операцию «Лайнбэкер-2» с массированным применением самолетов В-52, американское военное командование стремилось как можно надеж-

нее организовать и обеспечить их боевые действия. Суть особенностей боевого использования стратегических бомбардировщиков сводилась к следующему: массирование сил в ударах; привлечение тактической авиации для боевого обеспечения В-52; тщательный выбор объектов, времени нанесения удара, маршрутов полета; массированное использование средств радиоэлектронной борьбы.

Массирование сил при нанесении ударов по объектам ДРВ в операции диктовалось необходимостью достижения важных военно-политических целей в кратчайшие сроки. Характерно, что до декабря 1972 года значительная часть бомбовых ударов по объектам ДРВ осуществлялась только одиночными самолетами В-52 или их малыми группами, а массированные удары силами стратегической авиации наносились лишь в Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, когда американскому командованию необходимо было сорвать подготовку и проведение крупных наступательных операций патриотических сил Освобождения.

В первом массированном налете на ДРВ участвовали более 60 самолетов, из них 21 В-52, остальные — F-4 и F-105 составили боевое обеспечение. Затем в течение ночи были совершены еще два массированных налета на г. Ханой. Все удары по Ханю американская авиация наносила только в ночное время, так как истребительная авиация Вьетнамской народной армии (ИА ВНА) еще не имела опыта ночных действий, хотя в светлое время суток в 1972 году ею были сбиты около 90 самолетов противника.

Второй характерной особенностью боевого использования В-52 являлось тщательно продуманное и хорошо организованное их боевое обеспечение силами тактической авиации. Боевой порядок авиации в массированных налетах состоял из ударных групп бомбардировщиков В-52, группы постановки пассивных помех и блокирования аэродромов, группы выявления и подавления средств ПВО и группы непосредственного прикрытия от вьетнамских истребителей. Боевой порядок В-52 состоял, как правило, из «колонны эскадрильи» (от двух до семи), идущих с временным интервалом 5—7 мин.

Каждая ударная группа (эскадрилья) проводила полет в строю «колонна отрядов» (два—три отряда в колонне) с временными интервалами 2—3 мин. Отряд шел в строю «колонна самолетов» с дистанцией между ними 1—2 мили (1800—3600 м). Каждый последующий самолет летел с превышением над предыдущим в 200—500 м. Отряд являлся основной тактико-огневой единицей и наносил удар обычно только

по одной цели, поэтому указанный строй выдерживался весьма стабильно даже в зонах зенитного огня. Соблюдение боевого порядка удавалось обеспечивать благодаря полету с включенными навигационными огнями по всему маршруту, в том числе и над территорией ДРВ.

По мнению американского командования, такое построение общего боевого порядка при нанесении ударов стратегическими бомбардировщиками В-52 с хорошо организованным боевым обеспечением позволяло добиваться наибольшего эффекта и сводить до минимума потери от средств ПВО ВНА.

В состав групп боевого обеспечения выделялось обычно 60—70 проц. самолетов, участвовавших в налете. Тактическая авиация, обеспечивавшая налеты стратегических бомбардировщиков, особенно при ударах по Ханю, Хайфону и по объектам центральных провинций ДРВ, осуществляла непосредственное прикрытие боевых порядков самолетов В-52 в течение всего времени их пребывания над территорией Северного Вьетнама. Для этого привлекались истребители F-4 и F-105, базировавшиеся на аэродромах Убон и Удон (Таиланд). Они присоединялись к группам бомбардировщиков над территорией Лаоса, в районе г. Сам-Нья. Главной задачей F-105 было выявление и подавление средств ПВО на маршрутах полета В-52 и в районе удара. Непосредственное прикрытие каждого отряда самолетов В-52 осуществлялось звеном истребителей F-4, которое летело на небольшом удалении от боевого порядка стратегических бомбардировщиков.

Для блокирования аэродромов ВВС ВНА выделялись отдельные группы по 6—8 самолетов F-4, которые выходили на эти аэродромы за 10—15 мин до появления самолетов В-52 в районе удара. Эти же группы истребителей ставили пассивные помехи на маршрутах подхода бомбардировщиков.

Третьей особенностью боевого использования стратегической авиации в данной операции являлся тщательный выбор маршрутов полетов В-52, направлений подхода к объектам и нанесения ударов. Особого внимания заслуживают маршруты полетов бомбардировщиков В-52 с авиабаз Утопао и Андерсен. С авиабазы Андерсен они взлетали с бомбовой нагрузкой 9—10 т (27—29 бомб в фюзеляже по 340 кг каждая). Полет к объектам проходил через районы дозаправки, которые располагались восточнее Филиппин. В условной точке «Лима» (150—200 км юго-восточнее г. Да-Нанг) маршруты полета разделялись с целью более легкого преодоления системы ПВО ДРВ. Для прорыва системы ПВО с юго-

западного и западного оперативного-тактических направлений полет от точки «Лима» производился на запад до реки Меконг, далее на север Лаоса, в район г. Сам-Нья, отсюда — в ДРВ, к городам Фу-Тхэ, Ен-Бай или Вьет-Чи (в зависимости от назначенного объекта удара и выбора боевого курса), а затем маршрут следовал непосредственно к объекту удара.

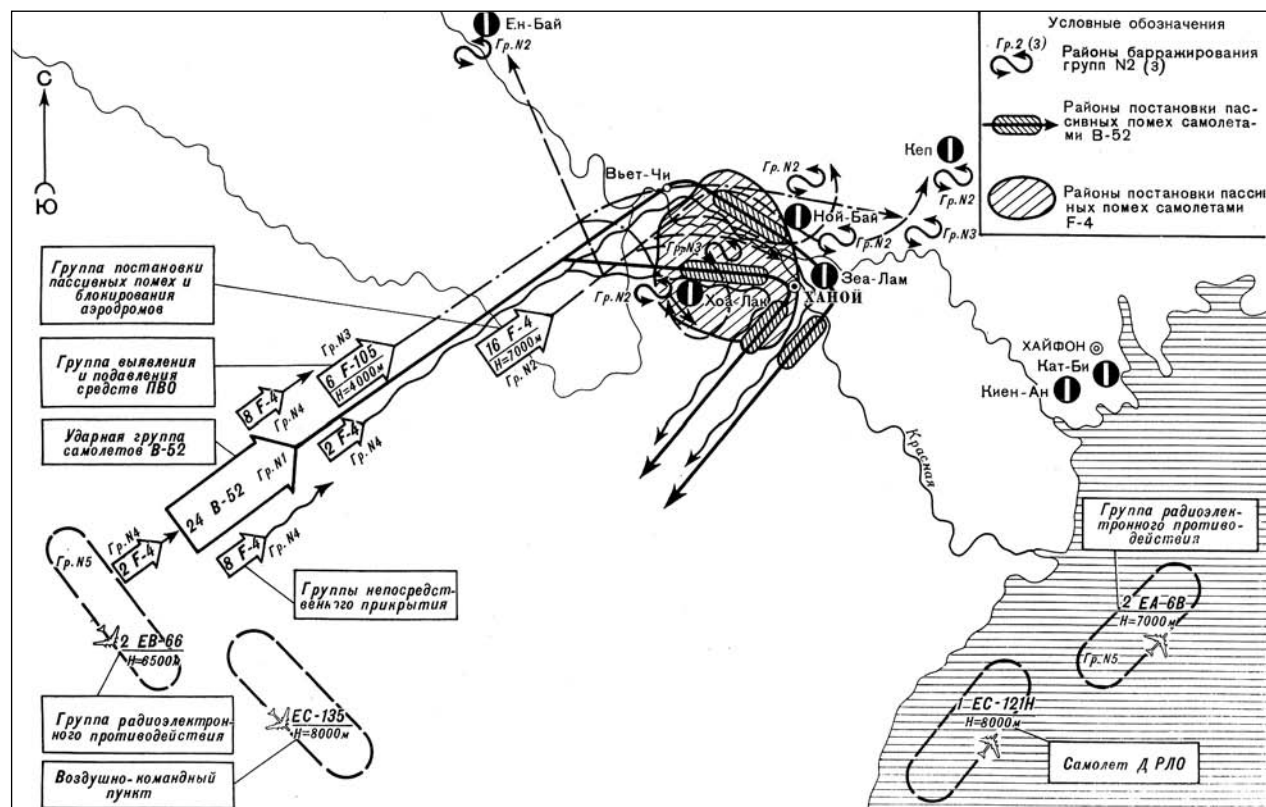
В БОЛЬШИНСТВЕ случаев прорыв системы ПВО осуществлялся с западных и юго-западных направлений, так как это был наиболее короткий путь к объектам (особенно с авиабазы Утопао), имевший при этом наземные ориентиры. Отбомбившись, В-52 уходили либо в Лаос (в большинстве случаев), либо в сторону Тонкинского залива. При возвращении на авиабазу Андерсен они должны были иметь запас топлива после бомбометания от 56 до 65 т. В случае необходимости производилась дозаправка в воздухе на высоте 7000—7500 м при скорости 680—720 км/ч. В ходе одной дозаправки бомбардировщики В-52 принимали на борт в среднем 20 т горючего. В качестве заправки применялся самолет KC-135.

При взлете с авиабазы Утопао самолет В-52 имел бомбовую нагрузку, как правило, 19,7 т (24 бомбы под крыльями и 42 в фюзеляже) или 25,1 т (24 бомбы под крыльями и до 75 в фюзеляже).

С авиабазы Утопао бомбардировщики В-52 шли (при выборе юго-восточных направлений прорыва ПВО) через Карат или Вьентьян и Сам-Нья (при выборе западных и юго-западных направлений прорыва системы ПВО). Время полета от взлета до посадки составляло 12—13 ч с авиабазы Андерсен и 4—5 ч с авиабазы Утопао. На маршруте полета В-52 имели среднюю скорость 840—870 км/ч и высоту 10000—11000 м. За 60—70 км до объекта удара отряд В-52 ложился на боевой курс, высота и скорость полета оставались постоянными до момента бомбометания. После этого курс сразу же менялся путем отворота не менее чем на 40—50°, и В-52 ставили пассивные помехи.

В зависимости от характера объекта и заданной вероятности его поражения удар наносился одним или несколькими отрядами. Во всех случаях применялось бомбометание «по площади» с горизонтального полета при высоте 10400—10600 м относительно уровня моря. При этом полоса поражения одним самолетом В-52 (бомбовая нагрузка 20 т) имела длину от 700 до 1600 м при ширине 150—100 м. Расстояния между воронками в результате естественного рассеивания и темпа сброса колебались в пределах 10—50 м. Бомбометание осуществлялось раздельно каждым самолетом с ис-

Схема массированного налета на г. Ханой 19 декабря 1972 г.

пользованием бортового радиолокационного прицела, что позволяло заранее спланировать форму и размеры общей полосы поражения.

Говоря о четвертой особенности обеспечения боевых действий стратегической операции, следует отметить высокий уровень применения американским командованием средств радиоэлектронной борьбы, без комплексного использования которых тихходные В-52 могли быть весьма уязвимой мишенью для ЗРВ ВНА.

Стратегические бомбардировщики применялись также и для нанесения одиночных ударов (одним—двумя отрядами) по объектам, расположенным южнее 20-й параллели и имевшим слабую систему ПВО. Такими объектами служили в первую очередь скопления войск и техники на переправах, марше, в местах сосредоточения. Вылеты на проведение этих ударов совершались обычно с авиабазы Утопао. Бомбометание велось с горизонтального полета с высот 10000—11000 м. Боевое обеспечение в этом случае осуществлялось лишь путем непосредственного сопровождения бомбардировщиков В-52 истребителями F-4 на всем маршруте полета и постановкой активных шумовых помех самолетами EB-66, подходившими к этому времени из районов Лаоса и Тонкинского залива.

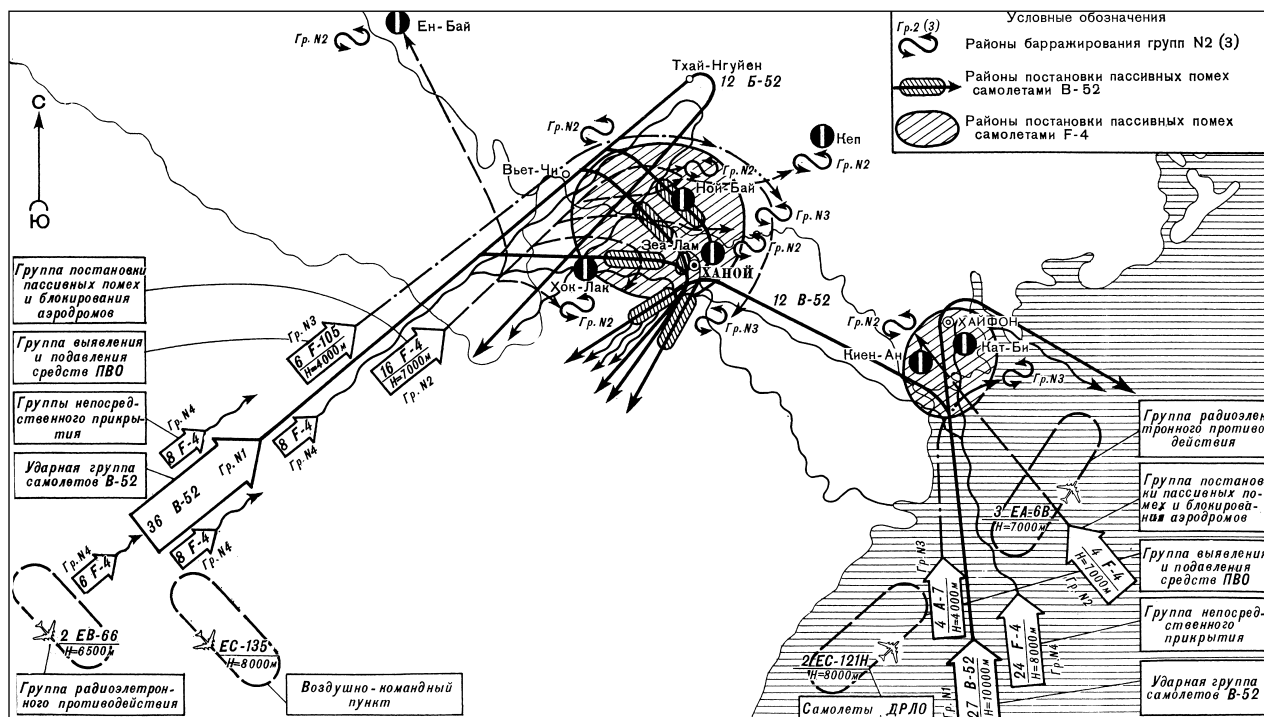
РАССМОТРИМ подробнее тактику действий ВВС США на примере двух массированных налетов, проведенных 19 и 26 декабря 1972 года. В налете на Ханой 19 декабря принимало участие 66 самолетов, из них 24 В-52 в составе трех ударных групп (эскадрильи), 16 F-4 для постановки пассивных помех и блокирования аэродромов, 6 F-105 для выявления и подавления средств ПВО и 20 F-4 для прикрытия В-52. В это число не вошли самолеты, принимавшие участие в обеспечении налета, но находившиеся за пределами территории ДРВ. К ним относились воздушный командный пункт на самолете EC-135, 4 самолета радиоэлектронного противодействия (2 EB-66 и 2 EA-6B), самолет дальнего радиолокационного дозора типа EC-121H и самолеты прикрытия (всего 20—22 машины).

Налет начался в 4 ч 32 мин и продолжался 62 мин. Первая группа (отряд) В-52 была обнаружена в 4 ч 12 мин передовой радиолокационной ротой радиотехнических войск (РТВ) на дальности 350 км на высоте 10 км. Впереди головного отряда В-52 (с временным интервалом в 1 мин) на высоте 4000 м летела первая пара истребителей-бомбардировщиков F-105 из группы выявления и подавления средств ПВО. Имея на вооружении по две ракеты системы «воздух—РЛС» «Шрайк» и бомбы, самолеты F-105 должны были подавлять в первую очередь зрдрн, позиции ЗА и РЛС РТВ. В районе объекта удара одна пара отде-

лилась от самолетов ударной группы и стала барражировать в 20—30 км северо-восточнее г. Ханоя. Вторая пара F-105 производила полет с опережением второй эскадрильи В-52 на 2 мин с той же задачей, что и первая. Район ее барражирования находился в 30—40 км западнее Ханоя. Последняя, третья, пара F-105 была замыкающей, летела на высоте 4500—5000 м и шла за бомбардировщиками с временным интервалом в 1 мин. Она выполняла задачи, аналогичные задачам первой пары. Различие состояло лишь в том, что она не барражировала, а следовала совместно с ударной группой. В 4 ч 32 мин отряд пересек государственную границу над ДРВ курсом на город Вьет-Чи, не долетев до которого, произвел разворот, и в 4 ч 42 мин начал бомбить объекты в юго-западной части г. Ханоя. После выполнения задачи самолетами В-52 через 5—7 мин пары F-105 самостоятельно, очевидно, получив специальный сигнал, ушли на свой аэродром базирования.

Вторая и третья ударные группы прорвали систему ПВО с северо-западного направления на высотах 10 000—11 000 м и нанесли удары по западной части Ханоя и аэродрому Зеа-Лам. При этом все стратегические бомбардировщики осуществляли радиоэлектронное противодействие средствам ПВО ВНА путем постановки активных и пассивных помех.

В 4 ч 20 мин РТВ ВНА обнаружили над территорией Лаоса группу самолетов на высоте 7000 м, шедших

Схема массированного налета на города Ханой и Хайфон 26 декабря 1972 г.

в направлении на Вьет-Чи. Группа состояла из четырех звеньев истребителей-бомбардировщиков F-4 в боевом порядке «колонна звеньев» с интервалами между звеньями 2000—4000 м. В районе Вьет-Чи каждое звено перестроилось в строй «фронт» с интервалом 600—800 м и произвело постановку пассивных помех на западных и северо-западных подходах к Ханой. Затем звенья блокировали аэродромы Кеп, Ной-Бай, Зеа-Лам, Хоа-Лак и Ен-Бай. Блокирование аэродромов выполнялось звеньями и парами на высотах 2000 и 6000 м. В звене пары шли по замкнутому маршруту маневром «восьмерка» вдоль взлетно-посадочной полосы. Маневр строился таким образом, чтобы пары находились в противоположных концах аэродрома. Через 3—5 мин после завершения бомбометания самолетами B-52 звенья F-4 самостоятельно уходили в сторону Лаоса.

На всем маршруте полета над ДРВ стратегические бомбардировщики прикрывали специально назначенные истребители F-4, составившие группу самолетов непосредственного охранения от вьетнамских истребителей. F-4 летели с принижением 1000—2000 м относительно ударной группы. В течение полета над территорией ДРВ самолеты F-4 совершали противозенитный маневр «змейка», а в районе нанесения удара самолетами B-52 отходили от строя на 15—20 км. При обнаружении позиций зенитных ракетно-артиллерийских дивизионов (зрдн), радиолокационных рот (рлр), командных пунктов (КП) они наносили бомбовые удары по

ним, после чего занимали свое место в общем строю.

Двусторонняя радиосвязь воздушного командного пункта (ВКП) с участвовавшими в налете B-52, а также самолетами прикрытия F-4 и F-105 устанавливалась на их подходе к району встречи. В дальнейшем поддерживалась односторонняя радиосвязь только ВКП с экипажами самолетов B-52 вплоть до завершения выполнения задачи и выхода их за пределы воздушного пространства ДРВ. Истребители непосредственного прикрытия для своего ориентирования использовали навигационные огни стратегических бомбардировщиков.

НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ этапе операции «Лайнбэкер-2» особо жестоким был массированный налет на Ханой и Хайфон 26 декабря, в котором участвовали 147 самолетов, в том числе 63 стратегических бомбардировщика, 54 истребителя-бомбардировщика F-4 — группы непосредственного прикрытия, 20 F-4 для постановки пассивных помех и блокирования аэродромов, 10 истребителей-бомбардировщиков F-105 и A-7 — для выявления и подавления средств ПВО. Кроме этих самолетов налет обеспечивали, не входя в воздушное пространство ДРВ, 5 самолетов радиоэлектронного противодействия типа EB-66 (EA-6B), 2 самолета дальнего радиолокационного дозора типа EC-121H, один ВКП на самолете EC-135 и около 20—24 самолетов прикрытия типа F-4.

Как и в предыдущих налетах, радиотехнические войска ВНА засекли головной отряд B-52 над Лао-

сом на дальности до 350 км, затем на этом же направлении были обнаружены еще 11 отрядов стратегических бомбардировщиков, а в 21 ч 46 мин появились B-52, шедшие со стороны Тонкинского залива. Одновременным ударам подверглись район и г. Ханой (36 B-52), район и г. Хайфон (15 B-52), район г. Тхай-Нгуйена (12 B-52). Налет продолжался с 22 ч 15 мин до 23 ч 23 мин, т.е. 69 мин.

Первый удар был нанесен по району международного аэропорта Зеа-Лам, последний — по железнодорожной станции Йен-Виен.

Почти одновременно пять отрядов B-52 нанесли удар по г. Хайфону (судоверфь, цементный завод, старый склад ГСМ). Прорыв ПВО осуществлялся с южного направления на высотах 10000—11000 м на относительно узком участке (примерно 10—15 км). С 23 ч 07 мин до 23 ч 17 мин четыре отряда B-52 бомбили металлургический комбинат и электростанция в районе г. Тхай-Нгуйена. При этом действия самолетов боевого обеспечения не отличались от их действий в предыдущих налетах.

В заключение следует отметить, что действия авиации США во Вьетнаме носили черты шаблонности, что позволяло войскам ПВО не только заблаговременно обнаруживать противника, но и успешно ему противостоять.

Публикацию подготовил генерал-полковник в отставке А.И. ХЮПЕНЕН

Всероссийская конференция «Документы архивного фонда Российской Федерации о единстве фронта и тыла...»

В МОСКВЕ продолжается подготовка к Всероссийской научно-практической конференции «Документы архивного фонда Российской Федерации о единстве фронта и тыла, о вкладе регионов России в завоевание Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». В соответствии с планом военно-исторической работы в Вооруженных силах РФ на 2005 год в подготовке к проведению конференции принимают участие представители Министерства обороны РФ. В состав оргкомитета конференции вошли: В.П. Козлов — председатель оргкомитета, руководитель Федерального архивного агентства, член-корреспондент РАН; заместители председателя: генерал армии М.А. Гарева, президент Академии военных наук, доктор исторических наук; полковник И.И. Басик, заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, кандидат исторических наук; Г.А. Куманев, руководитель центра военной истории России Института российской истории РАН, доктор исторических наук; В.А. Манькин, начальник Главного архивного управления при правительстве г. Москвы; В.С. Христофоров, начальник Управления ФСБ России, кандидат исторических наук. В составе оргкомитета: А.Н. Артизов, заместитель руководителя Федерального архивного агентства, доктор исторических наук; К.М. Андерсон, директор РГАСПИ, кандидат исторических наук; М.Д. Афанасьев, директор Государственного архива Российской Федерации библиотеки; капитан 1 ранга И.А. Анфертьев, главный редактор «Военно-исторического журнала»; кандидат исторических наук; С.П. Балан, заведующий выставочным залом федеральных государственных архивов; Е.В. Белевич, заместитель директора Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ; Т.И. Бондарева, главный редактор журнала «Отечественные архивы»; Т.М. Булавкина, заместитель главного редактора журнала «Вестник архивиста»; Т.М. Горяева, директор РГАЛИ, доктор исторических наук; А.В. Грошев, начальник управления Росархива; В.П. Долматов, главный редактор журнала «Родина»; В.Ф. Ершов, профессор МГУС, доктор исторических наук; генерал-лейтенант в отставке Л.Н. Жизняков, заместитель председателя Российского комитета ветеранов войны и Вооруженных сил РФ; В.И. Заборовский, директор Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.; Л.П. Запрягаева, директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ; Т.Г. Занина, заместитель начальника управления Росархива; полковник С.А. Ильенков, начальник Архивной службы Вооруженных сил РФ; генерал-майор А.В. Кирилин, начальник Военно-мемориального центра ВС РФ; В.А. Коляда, директор Российского государственного архива фондо документов; В.Н. Кузленков, директор Российского государственного военного архива; В.А. Лапшов, заместитель начальника управления Института военной истории МО РФ, доктор социологических наук; С.В. Мироненко, директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук; полковник А.К. Никитин, начальник Центрального музея Вооруженных сил; Т.Ф. Павлова, начальник управления Федерального архивного

агентства; А.К. Сорокин, генеральный директор издательства «Российская политическая энциклопедия», кандидат исторических наук; Е.А. Тюрина, директор Российского государственного архива экономики, кандидат исторических наук; Н.Г. Томилина, директор Российского государственного архива новейшей истории; К.Г. Черненко, начальник отдела международных связей Росархива; А.А. Чернобаев, главный редактор журнала «Исторический архив», доктор исторических наук; полковник С.А. Чувашин, начальник Центрального архива Министерства обороны РФ; А.И. Шкурко, директор Государственного исторического музея.

Рабочие группы по подготовке конференции возглавили: М.В. Стеганцев, первый заместитель председателя правления центрального совета Российского общества историков-архивистов, заслуженный работник культуры РФ — по работе с российскими участниками конференции; В.П. Тарасов, заместитель руководителя Федерального архивного агентства — по работе с представителями Содружества Независимых Государств (СНГ), участие которых в конференции придает ей статус международной.

На состоявшемся заседании оргкомитета был решен ряд организационных вопросов, уточнены дата и место проведения конференции (г. Москва, 26—27 апреля 2005 г.), а также примерный перечень тем для обсуждения: документы архивного фонда Российской Федерации о единстве фронта и тыла в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.; мобилизация ресурсов страны для отражения агрессии; роль тыла в бесперебойном обеспечении действующего фронта людскими резервами, боевой техникой, вооружением, продовольствием; роль тыла в техническом перевооружении авиации, бронетанковых и механизированных войск Красной армии в ходе боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны; меры правительства по переводу страны на военное положение и развертывание производства боевой техники и оружия в глубоком тылу; роль Ставки Верховного Главнокомандования в обеспечении единства фронта и тыла в годы войны; мероприятия Генерального штаба по подготовке и отправке на фронт резервов; роль оборонной промышленности в наращивании военного производства в глубоком тылу; мероприятия наркомата здравоохранения по развертыванию военных госпиталей в прифронтовой зоне и в глубоком тылу для лечения раненых и возврата выздоравливающих на фронт; роль наркомата сельского хозяйства в организации снабжения действующей армии и флота продовольствием, а промышленности — сырьем; проблемы эвакуации крупных хозяйственных объектов вместе с трудовыми коллективами из зоны боевых действий в глубокий тыл и оперативный ввод их в строй для выполнения военных заказов; работа железнодорожного транспорта в годы войны и его вклад в завоевание Победы; достижение военно-технического превосходства над фашистской Германией — одно из решающих условий Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне; высокий моральный дух и патриотизм советских людей на фронте и в тылу — решающий фактор единства фронта и тыла в борьбе с фашизмом;

мероприятия по доставке для Красной армии военных грузов из США, Великобритании и Канады по ленд-лизу; вклад металлургии и машиностроения в наращивание производства боевой техники и боеприпасов для фронта; участие народного ополчения в обороне городов-героев; Москва в годы Великой Отечественной войны: помощь фронту, вклад в завоевание Победы над фашизмом; фронт и тыл в Сталинградской битве; блокадный Ленинград — вершина мужества, стойкости и самоотверженности фронтовиков и тружеников тыла в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками; вклад тыла в победу Красной армии под Курском и Белгородом: техническое перевооружение войск и создание необходимых резервов для решающего удара по врагу; подвиг тружеников города-героя Тулы; вклад трудовых коллективов предприятий Урала в завоевание Победы; труженики Горького (Нижегского Новгорода) — фронту; вклад тружеников Татарстана в техническое перевооружение авиации Красной армии в ходе войны; помощь трудовых коллективов Куйбышева (Самары) фронту; вклад тружеников Удмуртии в оснащение Красной армии стрелковым вооружением; дружба народов как фактор укрепления боевого духа и стойкости фронта и тыла; вклад энергетиков Башкирии в завоевание Победы; подвиг Архангельска по защите северных рубежей Родины; архивы спецслужб раскрывают свои секреты: органы безопасности и контрразведки на советско-германском фронте; партизанское движение в тылу немецко-фашистских захватчиков — фактор стратегического значения; вклад народов Содружества Независимых Государств (СНГ) в общую Победу над фашизмом; трудовые подвиги тружеников Алтая в годы войны; советская дипломатия накануне и в годы Великой Отечественной войны; взаимодействие военных строителей и саперов с населением и органами исполнительной власти в прифронтовой зоне, при подготовке оборонительных и наступательных операций Красной армии и Военно-морского флота; помощь архивов фронту; добровольные пожертвования граждан на покупку боевой техники для частей действующей армии на фронте; работники культуры и искусства на фронтах Великой Отечественной войны (фронтные бригады); средства массовой информации в годы войны, на службе фронту и тылу; кинооператоры на фронте: документальное кино о событиях в годы войны на фронте и в тылу; трагедия плена; цена Победы: потери Красной армии в Великой Отечественной войне; народ-победитель: прошлое и настоящее; подвиги отцов — наследие молодежи.

М.В. Стеганцев, выступивший с докладом о деятельности оргкомитета, проинформировал собравшихся, что в работе конференции, по предварительным данным, примут участие Федеральное архивное агентство и федеральные государственные архивы, Российское общество историков-архивистов, Институт российской истории Российской академии наук, Министерство обороны РФ, Министерство иностранных дел РФ, Федеральная служба безопасности РФ, Российский комитет ветеранов войны и Вооруженных сил, архивные органы республик Башкортостан, Татарстан и Удмуртской, Краснодарского, Алтайского и Ставропольского краев, Архангельской, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Челябинской и Новосибирской областей.

АФГАНСКИЙ СНЕЖНИК

7.03.[19]80 г. Боевые действия ширятся, и все новые батальоны вступают в дело. О нарастании интенсивности боевых действий видно по расходу боеприпасов. Хотя на нашем штабном столе и разостлана рабочая карта, но на ней нет ни переднего края, ни противника. У нас другое — идут бесконечные заявки на подачу боеприпасов, и капитан Круть практически не отрывая трубку от своего уха: подать десантникам 720 штук мин, 600 выстрелов к БМП, 2-му мотострелковому батальону — 50 ящиков выстрелов к самоходке «Акация», 1000 штук патронов к пулемету ДШК, ящик 9-мм патронов, 620 штук выстрелов к БМП, ящик 30-мм сигнальных патронов зеленого огня, 3-му батальону — 600 штук выстрелов к БМП, 600 ручных гранат, 1800 выстрелов к АГС-17, ящик 30-мм сигнальных патронов зеленого огня, ящик патронов красного огня, ящик осветительных патронов. И так без конца: подать, подать, подать. Звонки следуют друг за другом, и мы едва успеваем на них реагировать.

В журнале фиксируется время поступления заявки, кто передал, куда, когда, что и сколько «подать». Обычно заявки передают сами командиры из района боевых действий в труднодоступных горах. Понятно, что доставить туда боеприпасы можно только вертолетом, и наша задача — дать заявку в штаб воздушной армии, получить номера бортов, потом сообщить эти номера в полк или дивизию вместе с отдачей команды на отгрузку боеприпасов, проконтролировать их доставку. Обратным рейсом вертолеты заберут раненых. Без вертолетов здесь — никуда, даже удивительно, как это раньше на войне обходились без «вертушек». На день в среднем приходится по четыре—пять таких подач, и нужно, как говорится, крутиться.

Откуда брать боеприпасы? Конечно, из полковых и дивизионных запасов — других источников пока нет. Уже пятый день погода нелетная, перевал Саланг закрыт из-за снежных заносов, и наличие боеприпасов катастрофически снижается. Еще совсем недавно обеспеченность была свыше двух боекомплектов, теперь упала до 0,8, а это уже страшно — тягостно испытывать свое бессилие и смотреть на тающие запасы. Горе вооруженцу

без них, они — его опора и надежда. С другой стороны, накопленные, требующие особого содержания и хранения, — хомут на шее.

Между тем в службе установились применительно к обстановке рабочий ритм и распорядок дня: подъем в шесть и работа с перерывами на обед, ужин где-то около двенадцати ночи. Если я не уходил до половины первого из «бабочки», то капитан Круть приносил матрас и начинал устраивать свою постель на штабном столе с телефонным аппаратом под подушкой. После такого «намёка» ничего не оставалось, как идти к себе в кунг и отдыхать.

Сегодня этот распорядок нарушился. Где-то около десяти вечера в «бабочку» поднялся полковник Близиюков и потребовал таблицы стрельбы. Мой ответ, что они должны быть с первым же рейсом самолета, его не удовлетворил, и он вместе с нами стал коротать ночь. Летчики обещали на завтра погоду, и это вселяло надежду. Еще никогда мы не ждали самолет с таким нетерпением: уточнили и номер борта, и фамилию летчика, и кто везет посылку, а машину на аэродром отправили с раннего утра. Наконец, долгожданные таблицы оказались на нашем столе, и мы торжественно вручили их командующему артиллерией армии. Но Близиюков и на этот раз остался недовольным. Внимательно просмотрев горные и равнинные таблицы стрельбы к наземной ствольной артиллерии, он беспокойно спросил:

— А где горные таблицы к реактивным установкам «Град»?

— Увы, Александр Константинович, таких таблиц пока не существует в природе, хотя их скоро разработают, — утешил я командующего артиллерией.

И действительно, горные таблицы к установкам «Град» в ближайшее время прислали нам самолетом прямо из Москвы, и вопрос был полностью закрыт. Однако из этой истории урок может быть только один: таблицы стрельбы в мирное время должны храниться при орудии, тогда при отмобилизации их не растеряют и не забудут.

9.03.[19]80 г. Почти ежедневно к нам в службу наведывается генерал Кичаев, что облегчает решение многочисленных проблем. Сегодня, как обычно, Олег Михайлович подъехал к девяти и... с постановкой новой задачи.

«В войсках стихийно идет процесс совершенствования способов

боевого применения оружия, — поздоровавшись, стал он излагать суть дела. — Нужно обобщить накопленный опыт, сделать критический анализ, все полезное и рациональное поддержать, а надуманное — отсеять. Предложения по каждому образцу вооружения оформите на стандартных листах бумаги, разделенных на три части: сущность вопроса, предложения и принятое старшим начальником решение. Желательны фотоснимок, рисунок или эскиз. Ваши предложения будут исходить из действующих войск, и в этом их ценность».

Делать нечего, наряду с текущей работой принялись за реализацию и этой задачи. Прежде всего выписали подряд все новшества и проблемные вопросы с вооружением. Всего набралось около десятка пунктов.

Начали, на наш взгляд, с самого простого — увязки автоматных магазинов изолентой в пакеты по нескольку штук подавателями в разные стороны, что позволяло делать быструю перезарядку и обходиться без подсумков. Посчитали, что это выдумка офицеров, не желающих носить подсумки. Правда, сам я тоже не ношу подсумок, но обходился без него по-иному — приспособил к своему автомату большой магазин от ручного пулемета. Как бы то ни было, но вопрос существует, и мы оставляем его пока без всяких предложений.

Вторым пунктом идет противотанковая граната «Муха», по которой, собственно, предложение и решение были одобрены: пусковую кнопку окрасить в красный цвет, а на рукоятке сделать предупредительные надписи.

Дальше — автоматический гранатомет АГС-17 «Пламя». Недавно принятый на вооружение, он показал прекрасную эффективность, однако был несколько тяжеловат, и его старались приспособить для стрельбы с брони, устанавливая на бронетранспортеры и на БМП-1. Однако при стрельбе с БТР стрелок мог вести огонь лишь высунувшись из люка, а на боевой машине пехоты нужно было приспособливаться к прицелу пушки «Гром».

Наши предложения здесь сводились к рассмотрению вариантов заводской установки гранатомета АГС-17 на броне. Кроме того, предлагалось пересмотреть конструкцию сошек, которые плохо держали при стрельбе на каменистом грунте. В отношении установки АГС-17 на вертолете у нас пока не

было определенного мнения, и впрос требовал дополнительной проработки.

Следующим пунктом было, собственно, применение вооружения в горах. Когда мы сделали подробный анализ, то с удивлением обнаружили, что все вооружение спроектировано для боя на равнине, а в горах воевать нечем. Дело в том, что в горах оружие должно обладать одним дополнительным качеством — возможностью вести зенитную стрельбу, то есть иметь большие углы вертикального обстрела, тогда как все вооружение, установленное на нашей бронетехнике, практически имело незначительные углы возвышения.

Из всего набора бронетехники одна лишь дорогостоящая зенитная установка «Шилка» могла вести ураганный огонь на всех углах возвышения из своей счетверенной 23-мм артустановки, покрывая все потребности войск, и ее эксплуатировали, как говорится, нещадно.

Поэтому здесь было несколько предложений: во-первых, на самом массовом бронетранспортере БТР-6 ПБ предлагалось вертикальный сектор обстрела крупнокалиберного пулемета КПВТ увеличить до 70 проц. за счет заводской модернизации, во-вторых, на БМП-1 вместо гладкоствольной пушки «Гром» установить дальнобойную 30-мм нарезную с большим углом вертикального обстрела, в-третьих, изготовить и поставить в войска «Шилку» пехотного варианта — без дорогостоящей аппаратуры.

Проблемы возникали и с 82-мм батальонным минометом. Принятый на вооружение в 1936 году и прошедший Великую Отечественную войну, он подвергался модернизации в 1937 и 1941 гг., все время уменьшаясь в весе. Однако, как назло, в войска 40-й армии попали первые образцы весом в 65 кг.

Острота вопроса заключалась в том, что даже в разобранном виде и затаренный во выюки этот миномет оказался тяжелым для переноски в горах. Для его облегчения мы ничего придумать не могли.

Дальше шел прицел ПСО-1 от снайперской винтовки, установленный десантниками на автомат АКМН, что, по их утверждению, увеличивало прицельную дальность стрельбы, облегчало отыскание целей и наблюдение за полем боя. Это было, без сомнения, новинкой, но требовалась дополнительная проверка.

Предпоследним пунктом значились аккумуляторы к приборам ночного видения. Из-за этих аккумуляторов ограничивалось полномасштабное применение ночных приборов. Все упиралось в подзарядку аккумуляторов. Проблема подзарядки большого количества разнотипных аккумуляторов ус-

гублялась отсутствием в батальонах специальной зарядной базы, которая имела только в полку. Выход из положения нам виделся либо в разработке сухозаряженного элемента разового действия, либо в обеспечении каждого батальона специальной зарядной базой.

Заключительным пунктом мы записали экипировку мотострелка для горных условий.

11.03.[19]80 г. За три дня материал был в основном подготовлен, однако сегодня работа остановилась из-за перемещения штаба на новое место. Саперы срыли-таки верхушку соседней горы, разровняли на ней обширное пространство, и теперь штабные машины выбираются из оврагов и лошин на эту огороженную со всех сторон масксетями площадку, где каждой из них отведено строго определенное место.

Управлению вооружения определена восточная сторона, так что из нашей «бабочки» открывается вид прямо на дворец Амина, тонкий и стройный профиль которого с тех пор врежется мне в память на всю оставшуюся жизнь.

Расположение здесь, безусловно, гораздо удобнее, чем прежде, и все десять машин нашего управления теперь стоят рядом: салон генерала, штаб службы вооружения, служба ракетно-артиллерийского вооружения, бронетанковая и автомобильная службы.

Между машинами выложены дорожки из дикого камня, так что удобнее общаться, совещаться и взаимодействовать. Совещаемся почти каждый день, в основном по ночам. Что касается взаимодействия — главного козыря объединителей техслужб под эгидой зама по вооружению, то пока оно ни в чем не проявляется, кроме как на бытовом уровне. Было бы гораздо лучше подчинить технические службы начальнику тыла, и тогда многие проблемы отпали бы сами собой, особенно по службе РАВ.

12.03.[19]80 г. Рассмотрение подготовленных нами материалов генерал Кичаев начал прямо с утра. Мы выложили на стол охапку листов, разделенных, как и было указано, на три части. Первые две колонки на большинстве листов были заполнены. Что же касается фотоснимков, чертежей и эскизов, тут дело было похуже.

Рассмотрение начали опять с простого — узвзки магазинов. Олег Михайлович согласился, что хотя это и офицерская выдумка, но в войсках эта мода широко распространилась. Вместе с тем синяя изоленка на связках магазинов всем мозолит глаза, поэтому в качестве предложения записали изготовление специальной крепежной защелки.

Без всяких изменений прошло

предложение по противотанковой гранате «Муха». Что касается гранатомета АГС-17 «Пламя», то здесь вопрос сложный, и нужно дополнительное время для изучения вариантов крепления его на броне. В отношении сошек было оставлено предложение — пересмотреть их конструкцию для улучшения устойчивости при стрельбе на каменистом грунте. Когда очередь дошла до применения вооружения в горах, то мое заявление о том, что здесь воевать нечем, насторожило генерала.

— А вы не преувеличиваете, не сгущаете краски? — спросил он.

Мы предвидели такой вопрос и запаслись табличкой с указанием углов возвышения вооружения на всех типах бронетехники. Из этой таблички было видно, что действительно, только одна «Шилка» могла эффективно вести огонь по высокогорным целям. Поэтому после длительного обсуждения все-таки прошли наши предложения об установке на БМП-1 нарезной дальнобойной пушки, изготовлении пехотного варианта «Шилки» и увеличении вертикальных углов наведения пулеметов, установленных на БТР.

Затем озвучили проблему с 82-мм батальонным минометом. Мы сознались, что ничего придумать с его облегчением не смогли. На это, хитро улыбнувшись, Олег Михайлович сказал:

— Пишите: «Подать в войска облегченный 82-мм миномет «Поднос».

— А что это за миномет? — удивились мы.

— Пишите, пишите, потом узнаете.

В отношении установки прицела ПСО-1 от снайперской винтовки на автомат генерал Кичаев согласился дополнительно разобраться с моим предложением, посмотреть, что за новшество, однако на всякий случай посоветовал заявить эти прицелы в центр.

После рассмотрения всех предложений у меня закралось в душу некоторое сомнение в реальности претворения их в жизнь. Будучи обычным войсковым вооруженцем, я был воспитан в священном почтении к существующим образцам вооружения, и мне никогда и в голову не приходило, чтобы их «улучшать» или совершенствовать. В моем сознании невольно утвердилось представление о том, что оружие создается чуть ли не полубогами. Поэтому я попросил генерала Кичаева пригласить в Афганистан группу конструкторов-вооруженцев для тщательного изучения наших предложений на месте.

Олег Михайлович согласился с этим.

Полковник запаса А.П. ПАВЛОВ

(Продолжение следует)

КРЫЛАТЫЙ ДЖИГИТ

Генерал-майор авиации И.М. Дзусов

В апреле 1987 года в музей боевой славы Южной Осетии пришло письмо от супруги прославленного воздушного аса А.И. Покрышкина — Марии Кузьминичны. В нем были такие примечательные строки: «Александр Иванович Покрышкин любил и глубоко уважал Ибрагима Магометовича Дзусова как командира и друга. Они встретились накануне кубанских боев на аэродроме, а позже, когда и другие летчики воевали по тактике моего мужа, 16-й гвардейский полк влился в дивизию Дзусова. Ибрагим Магометович чутко относился и всячески поддерживал тактические приемы Покрышкина». Удивительна судьба человека, о котором упоминается в этом письме.

ИБРАГИМ Магометович Дзусов родился 16 марта 1905 года в селении Заманкул Кировского района Северной Осетии в семье крестьянина. В 1924-м он ушел добровольцем в Красную армию и тогда же поступил в Краснодарскую военную кавалерийскую школу. Конечно же, молодой джигит хотел быть командиром лихих конников. И он стал им, но после того как на маневрах познакомился с летчиками, заболел небом. Впоследствии он уверял, что между кавалеристом и пилотом есть очень много общего. Наверное, поэтому друзья называли его крылатым джигитом. В 1927 году Ибрагим Дзусов поступил в Оренбургскую авиационную школу, которую окончил два года спустя.

В авиации И.М. Дзусов прошел славный боевой путь от рядового летчика до генерала. Он командовал полком, дивизией, корпусом, был заместителем командующего армией, принимал активное участие в Великой Отечественной войне, лично сбив 17 вражеских самолетов. За умелое командование соединениями, личную отвагу и мужество Ибрагиму Магометовичу Дзусову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Кроме того, он награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, польским орденом «Крест Грюнвальда» и многими медалями.

В 1955 году И.М. Дзусов был уволен в запас и в течение десяти лет трудился на ответственной административной и хозяйственной работе. До самой смерти, наступившей 28 октября 1980 года, ветеран

являлся наставником и воспитателем подрастающего поколения.

Но вернусь к летной славе крылатого джигита. А она, эта слава, без преувеличения была громкой и оправданной. Вот почему еще в предвоенные годы многие слушатели Бакинской школы авиаспециалистов, о чем свидетельствуют документы, мечтали о том, чтобы после школы попасть в 45-й полк, которым командовал майор И.М. Дзусов. Уже в то время об Ибрагиме Магометовиче ходили слухи среди офицеров и солдат, летчиков и авиамехаников, как о чутком, строгом и справедливом командире. И каждый, кто по распределению попадал в заветную часть, которая вскоре после начала войны стала именоваться 100-м гвардейским полком 9-й авиадивизии, ни разу не пожалел о том. До сегодняшнего дня все ветераны части и соединения считают для себя этот факт везением и счастьем. К их числу относится, например, Федор Иванович Пташник, проживающий ныне в Киевской области. По его собственному выражению, он в послевоенные годы «использовал пример И.М. Дзусова, нашего Бати, в своей работе на посту первого секретаря райкома партии».

«Как почетно вспомнить о Герое Советского Союза генерале И.М. Дзусове! — писал в июне 1987 года фронтовик Назар Андреевич Елисеев из Баку. — Знаю его с 1939 года, со времени моего возвращения из Китая, где я пробыл 1 год и 1 месяц. Ибрагим Магометович принял меня, наша беседа затянулась более чем на два часа. Он расспрашивал меня, как воевали наши добровольцы — летчи-

ки, техники. Я в то время был механиком самолета... Так началась моя служба в 45 иап. Я прослужил в армии 27 лет, но такого командира за всю службу не встречал. Был Ибрагим Магометович отцом, другом, если мы попадали в беду, выручал, справедливо наказывал, не без этого, и всегда стоял горой за нас, молодых».

«Да, Дзусов был боевым новатором, воспитателем и отцом, — вспоминал 20 июня 1987 года бывший инженер полка Василий Григорьевич Ковальчук из Днепрпетровска. — Об этом говорят его действия и слова. Когда сбитый в бою летчик Г.У. Дольников вернулся в полк после побега из немецкого концлагеря и ему было выражено недоверие работниками НКВД, то Дзусов сказал им: «Поднимите у Дольникова рубашку, посмотрите на его рубцы на спине — это его преданность Отчеству! Я ему доверяю, и пусть он садится в самолет и воюет». И Дольников воевал в родном полку до самого конца войны, сбив 15 самолетов противника».

В полку были 23 девушки, которые работали мотористами и оружейниками и на которых лежала большая нагрузка. Ведь только в одном самолете 7 огневых точек: в носу пушка весом 45 кг, рядом 2 крупнокалиберных пулемета, да в крыльях 4 мелкокалиберных. И все это содержится в боевом порядке. Днем самолет выполняет боевое задание, ведет воздушный бой, а ночью, без света, надо вооружение снять, разобрать, почистить, снова собрать, поднять, установить, приготовить к бою. Вот так и ночь проходит. Но командир умел найти нужные слова, чтобы

подбодрить девчат, а при удобном случае и подмогу выделял. Вот как написала об этом Мария Васильевна Панченко-Сапьян из Краснодара: «Мне пришлось в 1940 году переехать на Кубань. Работала бригадиром-овощеводом в Адыгейском плодоовощном совхозе около Краснодара. С начала войны на фронт ушли мужчины до сорокалетнего возраста. Потом ушли в армию и постарше. Остались трудиться в основном женщины, молодые девушки. Весной 1942 года война приблизилась к Кубани. Девушки, работавшие в моей бригаде, стали ездить в военкомат и проситься в армию, на фронт... И вот 3 мая 1942 года меня направили в курскую Школу младших авиаспециалистов (ШМАС). Поскольку я хорошо знала оружие, меня зачислили в группу по подготовке авиавооружения. Обмундировали нас в военную форму, и стали мы красноармейцами. Обучали нас спешно, с большими дневными нагрузками.

После двухмесячной учебы нас стали направлять в авиаполки. Вера Безверхняя, Нина Егущенко, Мария Карпенко, Паня Сердюк, Оля Юрочкина и я были направлены в 45-й истребительный авиационный полк, который базировался на аэродроме в станице Красноармейской на Кубани. Затем командир с каждой беседовал, расспрашивал об учебе, о семье.

Так я познакомилась со своим командиром Ибрагимом Магомедовичем Дзусовым, с которым мне пришлось служить вместе долгие военные годы. Показался он требовательным и строгим, но вроде благожелательным и заботливым к нам, девушкам. Позже я узнала о его душевности и чуткости.

После перебазирования на Южный фронт группа наземного эшелона (в том числе и мы) долгое время путешествовала по Дону и Кубани, нагоняя полк. Ездили в теплушках по железной дороге, на грузовых автомашинах и подводах. Много прошли и своим ходом. Только в Орджоникидзе соединились с полком. За месяц наша обувь и одежда пришли в негодное состояние, к тому же у некоторых одежда была совсем не по росту — велика. Командир полка сразу обратил внимание на плохую подгонку обмундирования и приказал начальнику штаба заменить нашу одежду и обувь.

Как и все девушки, я обсуживала вооружение на самолете: чистила пушку и пулеметы после полетов,

снаряжала пулеметные ленты, помогала мотористу содержать самолет и мотор в чистоте. Вскоре у меня на лице, на руках образовались красные пятна, припухлости, появился нестерпимый зуд на пораженных местах. Старший врач полка Аббас Али Рзаев определил, что началась аллергия на испарение авиационного бензина и масел. По его докладу командир полка М.И. Дзусов приказал штабу подобрать мне служебные обязанности, которые бы исключали длительное воздействие на меня бензина и масел. И меня перевели в парашютно-десантную службу обучать летчиков укладке парашютов, проверять исправность и готовность снаряжения.

Вскоре мое состояние улучшилось: пятна сошли, зуд прекратился. Словом, забота И.М. Дзусова позволила мне остаться на фронте в боевом строю. Я была очень благодарна ему за это.

И.М. Дзусов постоянно интересовался жизнью и службой девушек-солдат, нашим бытом и одеждой, будучи и командиром дивизии, а ведь в каждом полку было по двадцать и больше девушек-военнослужащих, но он находил время проявлять заботу о них».

Бывший командир 299-й штурмовой авиационной дивизии туляк Василий Павлович Храменко в ноябре 1989 года вспоминал: «Большое спасибо за ваше письмо из далекой Осетии, с народом которой меня связывает многое, в частности с моим другом Героем Советского Союза бывшим командиром 6-го истребительного авиакорпуса 16-й воздушной армии Ибрагимом Магомедовичем Дзусовым. Впервые я с ним познакомился в 1933 году в городе Борисоглебске Воронежской области в авиационном училище летчиков, где он проходил переподготовку из штурманов на летчика. С первого моего знакомства с этим замечательным, жизнерадостным, остроумным человеком я почувствовал в нем смелого, мужественного представителя горцев осетинского народа. Своим обаянием он как бы притягивал к себе на бескорыстную дружбу. Несмотря на разность в возрасте и жизненном пути, мы с ним подружились на долгие годы. Вскоре он окончил школу и уехал продолжать службу в Баку, а еще через год меня тоже направили в этот город, в ту же авиационную часть, где служил Ибрагим, и мы встретились с ним, как старые друзья. В 1938 году мне снова при-

шлось возвратиться в Борисоглебск для дальнейшего прохождения службы, так что связь с моим другом поддерживали по почте. Потом, с началом войны, переписка между нами прервалась по не зависящим от нас причинам. Встретились мы с Ибрагимом вновь в октябре или ноябре 1941 года в Москве, в Доме Красной армии. Встреча была очень кратковременной. В последующем я все время следил за его боевой деятельностью, несмотря на то что мы были на разных фронтах: он сражался в небе Кубани, я — на центральном направлении. В его соединении воспиталась плеяда замечательных героев-летчиков, таких, как Покрышкин, братья Глинки и многие другие.

В 1943 году военная судьба свела нас вместе в 16-й армии. Здесь мы снова стали часто встречаться на командном пункте командующего Центральным фронтом К.К. Рокоссовского, а в районе Сарны — Ковель выполняли совместно боевую задачу: я командовал штурмовиками, а его истребители прикрывали нас с воздуха. Так уже до конца войны мы бок о бок дрались с немецко-фашистской авиацией в воздухе. В октябре—ноябре 1945 года после расформирования наших боевых соединений мы разъехались в разные стороны».

Но это произошло после Дня Победы, а весной, точнее 29 апреля 1939 года, И.М. Дзусов вступил в командование 45-м истребительным авиаполком, который, сформировавшись в октябре 1938-го, одним из первых в ВВС стал летать на самолетах Як-1. Получали их с авиазавода, а испытывал их лично Дзусов, поскольку летчик-испытатель с авиазавода погиб при облете одной из машин. «Яки» поступали разобранными, в ящиках на платформе, и техсостав полка после выгрузки собирал их. Подчиненные Дзусова освоили новые самолеты без аварий и поломок, так что к началу 1940 года 45 иап готов был летать днем и ночью.

Сказать, что июнь 1941-го для летчиков и техсостава полка выдался напряженным, — это не сказать ничего. Не было недели, чтобы в полку не раздавался сигнал тревоги, утром же 22-го он зазвучал особенно живоно.

45 иап с авиабазы перебазировали на полевой аэродром близ Баку, где он находился в боевой готовности днем и ночью. 9 января 1942 года полк был направлен в действующую армию, на Крым-

ский фронт, но вскоре получилось так, что он как бы раздвоился. Пароход «Жан Жорес», на котором техсостав следовал в Феодосию, подорвался на mine в Феодосийском заливе. Пассажиры, в том числе и авиаспециалисты 45-го полка, благополучно сошли на берег, но летчики вместе с машинами приземлились в Феодосии не смогли, так как аэродром уже был занят противником. Им пришлось совершать боевые вылеты с Анапского аэродрома в отсутствие техсостава, пока майору Дзусову не удалось собрать весь полк на Керченском аэродроме.

Генерал-майору в отставке Ю.Ф. Круглову запомнился примечательный случай. Вместе с затонувшим пароходом погибло, по его словам, все полковое имущество. «Боевая работа, — рассказывал он, — продолжалась, но люди обносились. Ни одеть, ни обуть их не во что. Дзусов раз, другой обратился к командованию за помощью, но, видимо, что-либо существенное сделать было нельзя. Тогда Батя отдает свои сапоги и обмундирование остро нуждающимся, наряжается в ботинки с обмотками (так ходили рядовые пехоты), в рваное обмундирование и едет в штаб дивизии. В дивизии его, командира полка, «обновляют», а он, возвратившись в полк, все полученное опять отдает особо пообносившимся. После чего повторяет поход за обновками уже в другой штаб, да еще при удобном случае прихватывает что-нибудь про запас».

Сюда, в направлении Керчи, противник ежедневно по несколько раз посылал девятками свои бомбардировщики для поражения кучно расположенных объектов: аэродрома, вокзала, городских кварталов, трех переправ, завода. Бритая голова Дзусова, казалось, появлялась всюду — на КП, у стоянок самолетов, среди летного состава. Это — на земле. Но ведь он вроде бы и в воздухе находился постоянно, возглавляя то одну, то другую уходящую на боевое задание группу самолетов. Когда он все успевал?

КАК-ТО зимой над Керчью долго кружил немецкий разведчик, явно издеваясь, не ожидая наказания. Дзусов, не выдержав издевки, взлетел, догнал наглеца и сбил его над самым аэродромом. Один из вражеских летчиков спустился на парашюте прямо на командный пункт полка. После этого случая дзусовцы, восхищен-

ные поступком своего Бати, долго на все лады судачили о «воспитании зарвавшегося гитлеровского аса-капитана, обвешанного с ног до головы крестами».

Свидетель одного мастерского боя Дзусова ленинградец В.Н. Мосихин впоследствии вспоминал так: «Это было на аэродроме Катерлез вблизи г. Керчи, в Крыму, в 1942 году. Погода была явно нелетная: облачность сплошная, высотой 50—70 м. Летчики и Батя около КП делятся впечатлениями о проведенных накануне боях. Вдруг над аэродромом за облаками прошел самолет. По звуку моторов определили, что это немецкий ХЕ-111 — бомбардировщик. Все всполошились, что взлетать нельзя, нет видимости. А «бомбер» снова проходит над летным полем, хотя его и не видно.

И вдруг, как бы между прочим, Батя сказал: «Сейчас я его сниму». Вскочил в самолет и взлетел. Только скрылся в облаках, как мы услышали стрельбу, а через считанные секунды где-то за аэродромом раздался взрыв. Сердце сжалось: неужели погиб Батя?

Но нет, слышим, над полем кружит наш самолет, через некоторое мгновение показался и сел. Все мы побежали к нему, а Батя прыгнул на землю и так озорно говорит: «Вот так, ребята, воевать надо». Это был такой наглядный пример летному составу, что и слов не надо».

В Керчи летчики базировались на аэродромах Марфовский, Семисотский, Семиколодезьный, которые были под носом противника. От потерь в боях полк ослабел. Вскоре стало поступать молодое пополнение. Тогда из основного состава, уже участвовавшего в боях, сформировали эскадрилью, которую под командованием майора Аленина, заместителя командира полка, отправили на защиту Севастополя. Дзусов же приступил к вводу в строй молодежи. Сначала поодиночке тренировали новичков у аэродрома: взлет, заход на посадку, посадка, и не с высоты 400 м, как это происходило в училище, а с 50 м, проверяя, отрабатывая в основном индивидуальную технику пилотирования. Затем добивались слетанности в группах, и те направлялись в сторону Керченского пролива. Иногда встречались с одной-двумя парами «мессершмиттов», но настоящих воздушных боев не было: фашисты не решались вступать в бой с группами, а наши молодые

летчики еще не умели по-настоящему атаковать противника.

Через некоторое время начали съезжаться опытные летчики, находившиеся на лечении в госпиталях после ранения. Первым прибыл Михаил Георгиевич Петров, который стал командиром эскадрильи. Но не было предела радости Дзусова, когда в одно раннее утро возвратилась эскадрилья из Севастополя, записавшая на свой боевой счет при защите легендарного города русской славы десятки вражеских самолетов. Теперь ему было с кем воевать, на кого опереться. А бил Дзусов врага не только мастерски, но и, можно сказать, вдохновенно.

Любил устраивать громкие послеполетные разборки, с улыбкой рассказывая о том, как фашисты атаковали наших, а наши переходили в контратаку. Но особенно радовался, когда удавалось сбивать фашистов, удачно выходить из сложной ситуации.

«Помню 1942 год, ожесточенные бои на Кубани, — вспоминала по этому поводу ветеран полка бакин-ка Т.В. Яценко. — Только приземлились наши летчики, откуда ни возьмись — черная туча немецких «мессершмиттов». И снова в бой, снова дуэли в неравном бою. И опять Дзусов садится в самолет, взлетает, как ястреб, и ведет своих летчиков. После тяжелого боя летчики приземлились, некоторые не вернулись. Не было и нашего Бати. Все переживали, сохраняя тоскливое молчание. И вдруг садится самолет нашего комполка Дзусова. Самолет изрешечен, нету дверки. Вот так дотрянул до своего аэродрома, сохранил самолет».

ВО ФРОНТОВЫХ газетах заpestрели статьи о подвигах авиаторов, которыми командовал И.М. Дзусов. Так, в газете 4-й воздушной армии «Крылья Родины» часто рассказывалось о мужественных и умелых действиях Дмитрия Глинки, который к концу войны сбил 50 самолетов противника и стал дважды Героем Советского Союза. Яркими звездами засияли имена Берестнева, Шапошникова, Петрова... Успех в воздухе обеспечивали на земле механики самолетов Шатохин, Ратушный, Бережной, Назаренко и другие.

Под руководством Дзусова летчики осваивали новые боевые порядки, учились использовать вертикальный маневр. Переучиваясь на новую технику, они отрабатывали полеты парами, а также звенья-

ми; привыкали к тому, что вместо прежнего звена из трех самолетов и строя «клин» или «пеленг» боевой строй двух пар образовывал четырехсамолетное звено.

В феврале 1943 года 1-я и 3-я эскадрильи перешли на «Аэрокобры», а 2-я – на «Киттихауки» — самолеты, имевшие мощное бортовое вооружение и оборудованные приемопередающими радиостанциями. После перебазирования в Краснодар полк с 10 марта 1943 года активно включился в боевую работу. Немцы же, понеся ощутимые потери, решили уничтожить наши самолеты на земле. Под вечер одного из мартовских дней, когда над расположением полка пролетел немецкий разведчик, Дзусов приказал перерулить самолеты на другую сторону аэродрома. Утром следующего дня стало известно, что во время ночного налета вражеской авиации была подвержена бомбежке прежняя стоянка боевых машин. «Вот Батя так Батя! — с восхищением говорили летчики и техники. — Обманул фашистского разведчика!»

И правда: не распорядись он о смене стоянки, многие наши самолеты были бы уничтожены или повреждены при бомбежке.

Конечно, первые полеты что на одном, что на другом типе самолетов производил сам Дзусов. Летчики, наблюдая за ним, понятно, любовались, с каким мастерством он выполнял элементы взлета и посадки, весь комплекс высшего пилотажа.

16 февраля 1943 года все четыре эскадрильи вылетали в сторону фронта. Должны были приземлиться в Грозном, но попали в сильную метель. Только 1-я эскадрилья да машина Дзусова сумели дотянуть до нужного пункта, остальные не смогли пробиться сквозь снегопад и сядились кто где мог. Дзусов очень переживал, целую ночь дежурил на КП, ожидая вестей. К счастью, все обошлось без происшествий.

В середине марта начались сильные воздушные бои: вражеские самолеты, сведенные в большие группы, волнами накатывали со стороны горного перевала в районе г. Крымска, но еще на подходе встречали достойный отпор и от огня наших истребителей врезались в кубанские плавни. Более полсотни бомбардировщиков (дзусовский полк сбил около тридцати) потеряли фашисты в тех боях. Последующие же оказались еще более напряженными. И не удивительно,

поскольку воздушное сражение в небе Кубани, проходившее в марте—апреле 1943 года, оказалось самым значимым по применению авиации. Именно там и именно в этот период решался вопрос господства в воздухе, которое в итоге перешло к советским летчикам.

Периодически, чтобы представлять характер воздушных боев, Дзусов сам вылетал во главе групп на боевые задания. Не отказывался от такой возможности, даже став командиром дивизии в середине мая 1943 года.

ОДНАЖДЫ он попал в сильную переделку. Во время выполнения очередного задания в составе группы над линией фронта завязался ожесточенный бой. Противник, имея и без того большое преимущество, поднимал в воздух все новые и новые самолеты. Добившись успеха в одной из дуэлей, Дзусов не успел осуществить нужный маневр, как был атакован сам. Его машина вспыхнула, вошла в облака и... потерялась.

Как переживали сослуживцы! Трое суток возле КП дивизии не прекращали дежурства свободные от полетов летчики, даже раненые и больные. Наконец пришла весточка: Дзусова подобрали наши пехотинцы, он ранен, но состояние здоровья опасений не вызывает. Потом была встреча. Все радовались. Дзусов смущенно улыбался и с присущим ему чувством юмора прокомментировал свою сравнительную неудачу так: «Давно с парашютом не прыгал. Вот решил вспомнить, потренироваться...».

После этого ему категорически запретили летать.

В мае 1944 года И.М. Дзусов получил новое назначение и звание генерал-майора авиации. Корпус, который он принял, был на 60 проц. пополнен молодым и неопытным летным составом. Но благодаря умелому руководству, инициативе и настойчивости комкора в течение месяца все летчики были подготовлены для ведения боевой работы, что имело весьма существенное значение для успешного летнего наступления войск 1-го Белорусского фронта.

В этот период, с 24 июня по 15 августа, части корпуса выполняли боевую работу на бобруйском, минском, барановичском, слонимском, брестском и седлецком направлениях, прикрывая боевые порядки наземных войск, переправы на реках Днепр, Дзурь, Бе-

резина, Шара, Буг, штурмуя вражеские позиции и важные объекты, ведя разведку.

Чтобы получить более полные и точные сведения о противнике в глубине его обороны и тылах, в соединении генерала И.М. Дзусова практиковалось дежурство в воздухе самолетов с подвесными баками, позволявшими находиться в зонах барражирования по 2,5—3 часа. В ясную погоду на высоте 6000—7000 м эти воздушные наблюдательные посты просматривали пространство на большей глубине, чем наземные. Правда, систематически пользоваться таким приемом не удавалось: воздушные посты сами требовали охранения и не выставлялись при ухудшенной погоде.

Наряду с решением основных задач по обеспечению боевых действий сухопутных войск и авиации истребители дзусовского корпуса, как и фронтовые истребители, в годы войны привлекались также к штурмовым действиям по различным наземным объектам противника. Широкий размах последние получили лишь в третьем периоде войны, когда определенное превосходство советских ВВС над авиацией противника. При этом в поле действий истребителей в основном попадали вражеские войска и техника, железнодорожные эшелоны и автоколонны, самолеты, склады горючего и боеприпасов на аэродромах.

Ставя задачи своим полкам, Дзусов, как правило, закреплял за каждым из них определенные районы, требовал, чтобы маршруты к цели выбирались по кратчайшему пути, а возвращение производилось по совершенно другому маршруту; то же самое должно было соблюдаться при повторном нападении и выходе на цель, иначе утрачивалась внезапность, а враг успевал организовывать активное противодействие. Внезапность же Дзусов считал основой успеха штурмовых действий истребителей. Для того чтобы достичь ее, а также ввести противника в заблуждение относительно действительного направления атаки, летчики, учитывая советы и уроки комкора, подлетали к цели на бреющем полете с использованием рельефа и фона местности, выходили со стороны солнца, из-за облаков, пикировали в межоблачные окна, выделяли демонстративные группы или строили комбинированные атаки.

Атаку производили пары, звенья и одиночные самолеты чаще всего с пикирования. Сначала на объект сбрасывались бомбы, затем он подвергался воздействию пушечно-пулеметного огня. В зависимости от размеров цели бомбы сбрасывались каждым летчиком когда самостоятельно, когда по сигналу командиров звеньев или пар.

НЕРЕДКО случалось так, что в условиях сильного противодействия вражеской авиации только истребители способны были решить задачу уничтожения малоразмерных целей, что объяснялось высокой точностью бомбометания с них и их способностью сочетать атаку наземных целей с ведением воздушного боя.

Как опытный командир И.М. Дзусов для штурмовых действий подбирали специальный летный состав, посылал на такие задания только обстрелянных летчиков, участвовавших во многих вылетах и воздушных боях. Ведущими групп назначались не просто опытные, но наиболее зрелые в тактическом отношении командиры.

Большое значение для сокращения времени подготовки и повышения эффективности ударов имели полнота и достоверность данных о всех вражеских аэродромах, находившихся в радиусе действий истребителей. Поэтому разведке, особенно систематической фоторазведке аэродромной сети противника, Дзусов уделял постоянное внимание. Так, в период подготовки к наступательным операциям 1945 года летчики корпуса вели интенсивную и разноплановую разведку вражеских войск и аэродромов с фотографированием, одновременно не позволяя осуществлять подобные действия неприятелю.

9 января 1945 года генерал И.М. Дзусов в своем дневнике записал: «Полеты авиации с той и другой стороны прекратились. В пойме реки Вислы на десятки километров стоит такой туман, что в двух метрах ничего не видно. Скучаем. Вот-вот должно начаться большое наступление наших войск, а мы ничем помочь не сможем. Вчера послал письмо семье и старикам в Заманкул. Младшая дочка Тамара повзрослела и спрашивает, сколько мы сбили плохих (значит фашистских) самолетов? Посылаю им вырезку из армейской авиационной газеты». Но газетная замет-

ка, конечно же, не могла сообщить обо всем, что приходилось испытывать в напряженных воздушных боях летчикам-дзусовцам, хотя короткая информация о том, что Москва салютовала доблестным войскам 1-го Белорусского фронта, в том числе летчикам генерал-майора Дзусова, тоже многого стоит.

Примечательно, что 16 апреля воздушную разведку над логовом врага осуществляли именно летчики авиакорпуса генерала Дзусова: капитан Гуржий и его ведомый младший лейтенант Самохвалов из 352 иап, зафиксировавшие незамаскированные колонны немецких войск и техники, которые отступали в западном направлении. А еще в те дни произошло знаменательное событие: летчики гвардейского авиаполка сбросили штурмовавшим Зееловские высоты гвардейцам генерала Г.И. Хетагурова, земляка генерала Дзусова, увеличенную копию ключа от ворот германской столицы, добытого славными русскими воинами в Семилетней войне 1756—1763 гг.

Символичен еще один факт победоносной весны 1945-го. 28 апреля Дзусов зашел в свою комнату, где временно остановился. На столе лежала фотография — самый первый истребитель «Як-3» с надписью: «И.М. Дзусов на память от конструктора этого самолета А. Яковлев. 28 августа, 44». Ибрагим Магомедович, воодушевленный успешными боями советских летчиков, тут же вывел несколько слов: «На подступах к Берлину — небо наше!..»

Прошло почти 60 лет, как отгремели последние залпы в Великой Отечественной войне. Далеко шагнула вперед в наш компьютерный век военная техника, в том числе авиационная. Но какими бы значительными ни были эти и другие перемены, каждая из них в конечном итоге опирается на предшествующий опыт, являющийся одним из источников дальнейшего развития тактики ВВС. В канун 60-летней, юбилейной годовщины нашей Великой Победы исполняется ровно сто лет со дня рождения носителя этого опыта пламенного патриота И.М. Дзусова. И хотя четверть века его нет рядом с нами, в народе жива память о легендарном генерале. Не случайно одна из улиц Владикавказа носит его имя.

В.И. ГАСИЕВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ НА 65-летие ЖУРНАЛА

Великая Отечественная. Военный биографический словарь. М.: Триада-фарм, 2003. 214 с.

Операция «Багратион». Освобождение Беларуси. М.: Триада-фарм, Институт военной истории МО РФ, Военно-научное управление ВС РФ, 2004. 466 с., ил.

Переданы членом редакционной коллегии «Военно-исторического журнала», начальником Института военной истории МО РФ кандидатом военных наук полковником А.А. Колтыковым (Москва)

Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2001. 798 с., ил.

«Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.)». Вып. VIII. Н.А. Соколов. Предварительное следствие. 1919—1922 гг. М.: Студия «ГРИТЭ» — «Российский Архив», 1998. 464 с., ил.

Переданы членом редакционного совета «Военно-исторического журнала», директором Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) кандидатом исторических наук К.М. Андерсоном (Москва)

Путеводитель. Т. 3. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР. М.: Редакционно-издательский отдел федеральных архивов, 1997. 792 с.

Путеводитель. Т. 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2004. 798 с.

Путеводитель. Т. 6. Перечень фондов Государственного архива Российской Федерации и научно-справочный аппарат к документам архива. М.: Редакционно-издательский отдел федеральных архивов, 1998. 633 с.

Переданы директором Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) доктором исторических наук С.В. Мироненко (Москва)

Соловецкие юнги / Сост. Ю.К. Комаров. М.: Гуманитарный центр «Монолит», 2004. 405 с., ил.

Передана председателем центрального совета ветеранов Соловецкой школы юнг — участником Великой Отечественной войны и юнг Военно-морского флота РФ и СНГ К.А. Кузнецовым (Москва)

Przegląd historyczno-wojskowy. Kwartalnik. Rok V (LVI) Nr 1 (201). Warszawa. 2004.

Przegląd historyczno-wojskowy. Kwartalnik. Rok V (LVI) NR Specjalny 4 (205). Warszawa. 2004.

Переданы Dom Wydawniczy BEL-LONA (Варшава, Польша)

«ПРИДЕТ ВРЕМЯ, КОГДА ПОЙМУТ, ЧТО МЫ ТАМ ВОЕВАЛИ ЗА СВОЕ ОТЕЧЕСТВО»

Геополитический
аспект советско-
американского
соперничества
в Афганистане

ОБ АФГАНИСТАНЕ в последнее время стали чаще вспоминать в связи со всеобщей угрозой международного терроризма, которая вначале чувствительно задела как Россию, так и государства ближнего к ней зарубежья, а затем докатилась и до территории Соединенных Штатов Америки. Военная же акция последних и их союзников против афганских талибов, сопровождавшаяся размещением коалиционных сил в бывших советских республиках, заставила вновь возвратиться к оценке соперничества СССР и США не только в Афганистане, но и на всем евразийском пространстве. При этом история присутствия советских войск на афганской земле как бы отошла на задний план. И все же весьма очевидно, что объективное освещение того периода, глубокий анализ событий, происшедших после 1989 года, очень важны для лучшего понимания нынешней и предвидения будущей ситуации. Ведь трудно отрицать, что вывод советских войск из Афганистана в 1989-м стал предвестником глубоких перемен как в самом Афганистане, так и в мире в целом.

Во многих публикациях, посвященных вмешательству Советского Союза в дела Афганистана, проводится мысль о том, что последний не представлял для Советского Союза большой геополитической значимости. В этой связи ссылаются на мнение крупного военного ученого А.Е. Снесарева, который еще в 1921 году, говоря об Афганистане, считал, что ценность его, косвенная и условная, сводится главным образом к тому, что по нему пролегают операционные пути в Индию¹. Однако в данном случае уместнее обратиться к исследованиям другого видного военного теоретика А.А.

Автор публикуемой статьи предпринимает попытку осмыслить малоисследованный аспект сложившейся к настоящему времени вокруг Афганистана ситуации — роль и место этой страны в советско-американском геополитическом соперничестве в годы «холодной войны». Такой подход был ранее недостаточно освещен советскими учеными и, безусловно, заслуживает большего внимания, нежели исключительно с точки зрения обеспечения безопасности СССР. Разумеется, в одной статье невозможно не только подробно разработать, но и коснуться всех аспектов обстановки вокруг Афганистана в те годы, включая и советско-американское соперничество. Но такой задачи и не ставилось — проблема слишком многопланова и нерешаема в рамках одной публикации. В связи с этим автор неоднократно упоминает о других, отличных от предлагаемых им, возможных оценках прошедших событий. Во всяком случае, разная интерпретация поставленной в статье проблемы важна не только в научном плане, но и для правильного анализа и прогнозирования сходных ситуаций в будущем.

Свечина, сумевшего предвидеть современный процесс глобализации и полагавшего, что не только Европа, но и весь земной шар начинают обрисовываться как совершенно новый стратегический ландшафт².

Новая роль Афганистана в системе геополитических отношений стала очевидной на рубеже XX—XXI вв. До этого она не была до конца осознана и воспринималась, в том числе и советскими руководителями, главным образом сквозь призму идеологических установок и соперничества с США. Однако даже такой подход подспудно содержал в себе признание исключительной значимости этой страны в решении задач обеспечения безопасности СССР. Советско-афганская граница составляла около 2350 км, что требовало от руководства Советского Союза задумываться над проблемами, связанными с состоянием и перспективами сотрудничества с Афганистаном.

США уделяли Афганистану особое внимание. Они полагали, что если сделать это государство своим союзником, то проживаю-

щий по обе стороны протяженной советско-афганской границы родственный, исповедующий общую религию (ислам) народ мог бы стать мощным фактором ослабления влияния СССР во всем регионе.

В этой связи один из исследователей, К.М. Цаголов, отмечал: «США всегда проявляли возрастающий с годами интерес в целом к исламскому региону и, в частности, к Афганистану. И этот интерес особенно усилился после антимонархического переворота М. Дауда в 1973 г. и тем более после событий, происшедших в Иране в феврале—апреле 1979 г. США никак не могли простить Афганистану его твердый отказ присоединиться к агрессивному пакту СЕНТО на антисоветских началах... В глобальной стратегии Афганистан привлекал внимание США не как отдельный объект с точки зрения его внутреннего развития, а как страна, занимающая определенное геостратегическое положение в общем поясе исламских государств, которым можно было придать антисоветский характер»³.

Исходя из этих соображений, еще в 1948 году в США был разработан план операции под кодовым названием «Гиндукуш», которым предусматривалось создать военное окружение против СССР и его союзников на юге, если Афганистан станет предпринимать попытки сближения с Советским Союзом.

Вместе с тем Соединенные Штаты активизировали усилия, направленные на развитие экономических связей с Афганистаном. В период после Второй мировой войны Вашингтон начал оказывать техническую, а затем финансовую помощь в строительстве ряда объектов в этой стране. К началу 50-х годов прошлого века доля США во внешней торговле Афганистана выросла до 45 проц., при этом американская экономическая и техническая помощь осуществлялась как на основе двусторонних межправительственных соглашений, так и по соглашениям и контрактам между отдельными организациями и компаниями. Таким образом ассигнования по программе американской технической помощи к 1962 году составили 25 млн. долларов, а общая сумма займов, предоставленных в качестве экономической помощи, к 1963-му составила около 60 млн. Большая часть этих кредитов была выделена экспортно-импортным банком США на строительство ирригационных сооружений. В общей сложности Соединенными Штатами было построено более 250 км магистральных каналов, несколько плотин, гидроэлектростанций и ряд других объектов⁴.

ВАЖНАЯ роль в достижении целей американской внешней политики отводилась сателлитам США в Центральной Азии. В 1955 году был создан блок СЕНТО, просуществовавший до 1979 года и являвшийся оружием борьбы против СССР и его союзников в регионе. Члены этого блока Иран и Пакистан, учитывая их особое по отношению к Афганистану геополитическое положение, стремились добиться собственных целей в афганском вопросе. Монархический Иран вынашивал планы распространения своего влияния на соседнюю страну, для чего разработал объемную, рассчитанную почти на 3 млрд. долларов, программу помощи. После 1979 года внешняя политика Ирана была переориентирована на оказание во-

енной и экономической помощи различным организациям в борьбе против новой власти Афганистана, свергнувшей шаха, с целью создания в этой стране исламского государства.

Что касается Пакистана, то его руководство считало возможным использовать фундаменталистские силы не только для сохранения Афганистана в орбите своего влияния, но и для того, чтобы нейтрализовать «проблему Пуштунистана»⁵, которая периодически обострялась. Его стратегическая цель состояла в том, чтобы установить в Афганистане не просто исламское государство, а такое, которое бы, составляя часть панисламского возрождения, распространяло свое влияние на мусульман Советского Союза.

Под воздействием американского фактора, в первую очередь экономического, и ряда исламских государств Афганистан в середине — второй половине 70-х годов XX века пошел на заметное расширение связей с шахским Ираном, с некоторыми другими консервативными режимами в Азии, со странами Запада. Становилось очевидным, что его полный переход под контроль Вашингтона и сателлитов США был лишь вопросом времени. А потому в интересах безопасности Советского Союза этот процесс следовало приостановить, что и произошло с приходом к власти Народно-демократической партии Афганистана: 5 декабря 1978 года был подписан Договор об афгано-советской дружбе и на афганскую территорию в соответствии с этим Договором, а также по просьбе афганского правительства (конец 1979 г.) вошли советские войска. Такой неожиданный поворот событий вынудил большинство стран Запада, их союзников в мусульманском мире, а также КНР опасаться укрепления позиций СССР в столь важном регионе.

Надо отметить, что часть военного руководства СССР была против планов ввода войск в Афганистан. При этом некоторые представители Генерального штаба, как отмечал генерал армии М.А. Гареев, высказывали вполне определенное соображение: «Если политическое решение о вводе войск все же будет принято, то надо действовать решительно и вводить в Афганистан не "ограниченный контингент" (4—5 дивизий), а не менее 30—40 дивизий». Подобная точка зрения, по свидетельст-

ву М.А. Гареева, строилась на следующем расчете: «Такое решение при условии совместных действий с афганскими правительственными войсками позволяло более прочно закрыть границы, перекрыть основные пути, ведущие в Афганистан из Ирана, Пакистана, расположить в важнейших районах Афганистана более крупные гарнизоны, надежно сковать противоборствующие силы. В результате можно было бы избежать кровопролитной войны в Афганистане, добиться стабилизации обстановки в более короткие сроки и не позже чем через 2—3 года начать вывод из страны советских войск»⁶.

БОЛЕЕ чем за двадцать лет, прошедших после окончания афганской войны, как в обществе, так и в научных кругах России сложилось достаточно устойчивое мнение о том, что объективные обстоятельства не делали фатально неизбежным направление советских войск в ДРА. Представляется, что это не совсем так, поскольку в той системе координат альтернативы вводу войск в Афганистан, можно полагать, не было. «Каждой войне оценку дает время. Афганскую, очевидно, тоже будет отведено подобающее ей место, — писал по этому поводу один из участников конфликта. — Очень хочется верить, что еще придет время, когда поймут, что мы там воевали за свое Отечество»⁷.

В такой трактовке нет, в чем убеждают факты, преувеличения. Дело в том, что военно-политическая обстановка в конце 70-х годов прошлого века в целом складывалась не в пользу Советского Союза. Отношения СССР и стран НАТО серьезно осложнились. Подписанный в июне 1979 года Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2) уже к концу того же года был обречен на провал. Г.М. Корниенко, бывший в то время заместителем министра иностранных дел, отмечал, что решение о вводе войск принималось 12 декабря 1979 года, после того как советскому руководству уже стало известно о принятом Советом НАТО решении о размещении в Европе американских ракет средней дальности⁸.

Все больше нуждались в политической, экономической и военной поддержке союзники СССР в Восточной Европе. На Ближнем Востоке арабский национализм,

на который делал ставку Советский Союз, постепенно выходил из-под его влияния. На Среднем Востоке укреплялся альянс Ирана и Пакистана с США. На Дальнем Востоке происходило укрепление коммунистического, но в то же время критически относившегося к СССР Китая, который все больше солидаризировался в афганском вопросе с США и их союзниками.

В этих условиях леворадикальный переворот в Афганистане предоставлял советскому руководству возможность не допустить укрепления позиций США в этом регионе, а вместе с тем после свержения шаха противодействовать исламской революции в Иране, которая, как планировали ее идеологи, должна была распространиться на мусульманские районы Советского Союза. По этой причине советское присутствие в Афганистане имело не столько идеологическое, сколько стратегическое значение. Оно, очевидно, задумывалось также и как способ сохранения регионального и глобального соотношения сил. Принимая решение о вводе советских войск в Афганистан, руководители Советского Союза действовали в интересах национальной безопасности государства, а также исходя из необходимости выполнения международного долга. Не случайно в печати в постсоветское время отмечалось, что отказ от поддержки социалистического эксперимента в Афганистане «нанес бы самый сильный удар по престижу СССР среди левых во всем мире и привел бы к власти группировки, использующие ислам как политическое оружие и уже установившиеся тесные контакты с США. Единственным способом избежать и того, и другого была корректировка этого режима, включая ликвидацию Амина и передачу власти своим людям»⁹.

Однако идеологический мотив ввода войск был не самым главным. Так, британский историк П. Кальвокорессси, отмечая причины военной акции СССР в Афганистане, писал, что «с точки зрения Москвы, режим Тараки и Амина создавал хаос в приграничной зоне, и, если верить официальной версии Москвы, это играло на руку ее противникам в Иране, Пакистане и Соединенных Штатах. Более того, специфика этого взрывоопасного района заключалась в том, что эта мусульманская страна, населен-

ная в основном тюркскими народностями, граничила с советскими среднеазиатскими республиками, которые имели тот же этнический состав населения; любой член Политбюро мог припомнить, что немалую часть времени своего существования СССР провел в борьбе с басмачами — повстанцами-грабителями. Таковы были основания, достаточные для вторжения...»¹⁰.

Совершенно очевидно, что участие Советского Союза в новом региональном конфликте создавало не только предпосылки для укрепления собственной безопасности, но и было чревато очень серьезными политическими, экономическими и другими проблемами, которые тогда советскими руководителями до конца не осознавались. «Афганская внешнеполитическая акция стала одним из детонаторов распада СССР. Это не была просто ошибка, а логичный результат политики и идеологии того государства», — можно прочесть в одной из газетных публикаций семилетней давности¹¹.

МЕЖДУ тем в США возможность ослабления своего оппонента, которую создавал ввод советских войск в Афганистан, хорошо понимали, и не могли не использовать в своих интересах; они практически не реагировали на подготовку к вводу войск в Афганистан, выжидая того часа, когда СССР окажется втянутым в войну, в которой невозможно будет победить¹². Помимо того эта акция выдавалась Западом в пропагандистских целях как стремление СССР расширить свои пространственные пределы с выходом к теплым морям. А.А. Громько совершенно справедливо назвал такие заявления грубым обманом своих народов и афганцев, который «потребовался явно для того, чтобы продолжить грубое, вплоть до вооруженного, вмешательство извне во внутренние дела Афганистана»¹³.

Роль основной военной силы в борьбе против ДРА и Советского Союза отводилась афганским мятежникам. Афганцы должны были убивать друг друга, опираясь на военную и финансовую поддержку Пакистана и других стран. Роль главного спонсора при этом выполняли, конечно же, США, ключевые ведомства которых (ЦРУ, госдепартамент, министерство обороны) широко привлекались к планированию анти-

афганских акций. Американская военная помощь осуществлялась непосредственно через штаб-квартиры контрреволюционных партий и с использованием каналов американо-пакистанского сотрудничества.

В апреле 1980 года конгресс Соединенных Штатов проголосовал за выделение прямой и открытой помощи мятежникам, официально узаконив вмешательство во внутренние дела суверенного государства — члена ООН. Семь лет спустя американская военная помощь моджахедам составила 600 млн. долларов, а еще через год было запланировано выделение уже одного миллиарда. За период с 1980 по 1988 год общая помощь афганским моджахедам составила 8,5 млрд. долларов, половина из которых была выделена США. В 1987-м моджахедам было передано 900 ракет «Стингер». Не ограничиваясь поставками техники и оружия, американские спецслужбы, обосновавшиеся в Пакистане, перешли к организации непосредственного руководства вооруженной оппозицией. Число американских советников, занимающихся обучением афганских мятежников в центрах военной подготовки на территории Пакистана и непосредственно задействованных в организации боевых действий и инженерных работ на афганской территории, достигло 250 человек¹⁴.

Большое значение для ослабления СССР имело объединение усилий США и КНР. По этому поводу российский исследователь писал так: «Дипломатическая игра в рамках треугольника СССР—США—КНР началась с дипломатического успеха Г. Киссинджера, восстановившего дипломатические отношения между Америкой и Китаем именно в то время, когда Москва и Пекин находились в фазе жесткого противостояния. Между 1972 и 1989 гг. все американские администрации последовательно сближались с Китайской Народной Республикой, используя это сближение для воздействия на позиции своего основного геополитического соперника — Советского Союза»¹⁵.

Китайский фактор имел для советского руководства особое значение. Если США и их союзники — традиционные идеологические и военные противники СССР, то Китай — социалистическая страна, которая обладала прочной опо-

рой в международном коммунистическом движении и среди развивающихся стран и к тому же имела общую границу с Советским Союзом, выдвигая к нему территориальные притязания. По этой причине для советского руководства было крайне важно установить нормальные отношения с КНР, в связи с чем китайские руководители выдвинули три условия: прекращение вьетнамской оккупации Камбоджи; вывод советских войск из Афганистана; удаление советских войск с китайско-советской границы¹⁶. При этом Китай не ограничивался политико-дипломатическими средствами воздействия в решении афганской проблемы. Существенную роль играли также военно-техническая помощь моджахедам, которую оказывал Пекин, а также их обучение китайскими инструкторами. Таким образом, политика КНР представляла собой мощный дополнительный фактор давления на СССР.

В ПЕРИОД советского военного присутствия в Афганистане различные американские организации, прежде всего ЦРУ, тратившие значительные средства на оплату подготовки моджахедов и оснащение их современным оружием, активно поддерживали Усаму бен Ладена, который спустя полтора десятка лет стал самым известным террористом в мире. Благодаря этой помощи он в начале 80-х годов прошлого века создал организацию по набору мусульманских добровольцев-моджахедов из арабских стран, а в 1988-м — организацию «Аль-Каида» для продолжения джихада. На пакистанской территории образовалось движение «Талибан», боевики которого получали оружие от США и Великобритании, финансовую помощь — от Саудовской Аравии. Всего на территории Пакистана и Афганистана в 1970—1980-е годы существовало свыше 80 финансируемых США центров подготовки террористов, которые должны были действовать в сопредельных государствах, в первую очередь в советской Средней Азии.

В борьбу против новой власти в Афганистане активно включились мусульманские государства. Только члены организации «Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива» собрали около миллиарда долларов¹⁷. При такой огромной поддержке из-за

рубежа численность активных формирований моджахедов на территории Афганистана увеличилась с 45 тыс. человек в 1981—1983 гг. до 150 тыс. к 1986 году. К этому времени вооруженные силы оппозиции уже контролировали до 80 проц. территории страны¹⁸.

Несмотря на значительные масштабы оказываемой Советским Союзом правительству Афганистана помощи, в целом она не могла не уступать противоположным ресурсам со стороны западных государств и их союзников в регионе.

Таким образом, при вводе войск руководством СССР не была учтена в полной мере роль внешних сил, противодействующих новой власти, а также ограниченные собственные возможности. Без помощи из-за рубежа оппозиция НДПА не только не могла бы добиться значительных успехов, но, вероятнее всего, прекратила бы свое существование как активная политическая и военная сила. Очевидно, что главным фактором, который определял ход и исход внутриафганского конфликта, была борьба не между двумя основными силами в этой стране, а между сверхдержавами. При этом, по мнению одного из исследователей, «США и их союзники рассчитывали на ослабление военно-политического союза ОВД* и влияния СССР в "третьем мире", стремились расшатать советскую систему...»¹⁹.

Осознавая невозможность достижения намеченных политических целей при существующем в мире раскладе сил, Ю.В. Андропов в 1982 году во время беседы с пакистанским руководителем Зия-уль-Хакимом заявил, что Советский Союз быстро покинет Афганистан, если Пакистан прекратит свою поддержку сопротивлению. Поскольку установление мира в Центральной Азии не входило в планы США и их союзников, то на подготовку соответствующего политического решения ушли долгие годы. Наконец 14 апреля 1988 года в Женеве Демократической Республикой Афганистан, Пакистаном, СССР и США были подписаны соглашения о политическом урегулировании афганской проблемы. Однако с подписанием соглашений по Афганистану мир в этой стране установлен не был. Выполнение Женевских договоренностей свелось, по существу,

*Организация Варшавского договора.

к одностороннему их соблюдению советской и афганской сторонами. Представители контрольных органов ООН не были допущены на базы и центры подготовки отрядов оппозиции, расположенные на пакистанской территории. Тем не менее никаких санкций в отношении Пакистана со стороны Совета Безопасности ООН или США предпринято не было.

К сожалению, приходится констатировать, что контакты в Женеве для тогдашнего советского руководства носили в большей степени демонстрационный, нежели практический характер. «Женевские переговоры и соглашения по Афганистану... с самого начала были лишь ширмой, видимостью конструктивного решения проблемы, слабо прикрытым желанием сохранить наше лицо в условиях полной политической капитуляции»²⁰, — так впоследствии оценил эти договоренности бывший председатель КГБ СССР В.А. Крючков.

ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ внутренних и международных факторов в феврале 1989 года СССР вывел из Афганистана последние части своего ограниченного контингента. Г. Киссинджер, подводя итог их пребывания там, писал: «В Афганистане Советский Союз подвергся множеству тех же испытаний, которые выпали на долю Америки во Вьетнаме, причем основное различие заключалось в том, что на этот раз дело происходило у самых границ широко раскинувшейся империи, а не где-то на отдаленных от нее передовых рубежах»²¹. С нашей точки зрения, основное различие состояло также в том, что по своим целям и задачам миссия советских воинов в Афганистане была благородной, чего нельзя сказать о вьетнамской авантюре США. Кроме того, во Вьетнаме Вашингтон только за три года активных боевых действий потерял 54 тыс. человек, что в несколько раз больше, чем СССР за десять лет в Афганистане.

США и Пакистан, лидеры контрреволюции, рассматривали вывод советских войск важной предпосылкой для свержения существующего в республике режима, которое имело бы далеко идущие геополитические последствия. В мае 1989 года глава афганского руководства Наджибулла в публичном выступлении заявил о том, что Исламабад и переходное ма-

рионеточное правительство стремятся навязать выгодный им режим всему афганскому народу военным путем в одностороннем порядке. В свете последующих событий представляется, что Афганистан был также средством для решения более крупной геополитической проблемы — развала СССР.

Решение СССР и США о прекращении с 1 января 1992 года военных поставок режиму Наджибуллы и моджахедам фактически играло на руку только последним. Так, несмотря на это соглашение, интенсивность переброски оружия и боеприпасов моджахедам с территории Пакистана в различные регионы страны не снижалась. Это давало антиправительственным силам возможность усиливать военное давление на руководство страны, что привело в апреле 1992 года к смещению со своего поста президента Наджибуллы, а затем и его трагической гибели.

Ввиду того что вывод советских войск из Афганистана не был подкреплен другими мерами, призванными обеспечить защиту геополитических интересов Отечества, обстановка на наших южных границах и безопасность государства резко ухудшились. Движение «Талибан», созданное при самом активном участии США и Пакистана, установив свой контроль более чем над 90 проц. территории страны и почувствовав собственную силу, вскоре дистанцировалось от бывших хозяев. В 90-х годах XX века в Афганистане была создана сеть лагерей по подготовке боевиков из числа граждан Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, России. Эти базы использовались для привлечения новых наемников к борьбе против своих политических оппонентов, экспорта радикального ислама, а также для совершения террористических актов в отношении переносимых выше стран.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ акты в Вашингтоне и Нью-Йорке 11 сентября 2001 года позволили США более решительно, чем раньше, включиться в борьбу против терроризма, а также использовать этот фактор для укрепления своих международных позиций в мире в целом и в Центральной Азии в частности. Очевидно, что кроме борьбы против терроризма США попутно в регионе решают и другие задачи: контролируют запасы энергоносителей

и маршруты их транспортировки, осуществляют разведку в отношении РФ и КНР, находясь в непосредственной близости от их границ, и в целом формируют выгодную для себя геополитическую ситуацию.

Москва, поддержав борьбу Вашингтона против терроризма, получила, возможно, в среднесрочной перспективе некоторые преимущества, чего нельзя с определенностью сказать о долгосрочном плане, поскольку южное подбрюшье России оказалось под контролем США и их союзников. Борьба против терроризма — процесс во времени неопределенный, поэтому присутствие Соединенных Штатов Америки в постсоветских республиках Средней Азии будет весьма длительным. Создаются предпосылки для обеспечения американского военного присутствия и в других постсоветских государствах. Ведь не случайно со стороны стран Запада все сильнее слышны предложения о необходимости интернационализации конфликта в Чечне и применении сил ООН для его разрешения. В связи с расширением НАТО и распространением его активности на постсоветское пространство практически речь может идти прежде всего об использовании сил стран альянса в ущерб безопасности именно стран СНГ, в том числе и России.

С геоэкономической точки зрения, учитывая, что Афганистан представляет собой своего рода перекресток мировых путей в регионе, трагические события 11 сентября помогли США подобрать под лозунгом борьбы с международным терроризмом как можно ближе к нефти и газу Каспия, месторождениям энергоносителей Ирака. Кто будет обладать ими, тот и станет формировать в XXI веке мировую политику, диктовать свои условия в экономике. Этим во многом и объясняется присутствие в Афганистане и соседних государствах США и их союзников по НАТО. Очевидно, что эти пункты базирования на карте бывшего СССР — не последние в планах геополитической и геоэкономической экспансии Запада.

Таким образом, ввод советских войск в Афганистан с позиций сегодняшнего дня представляет собой попытку не допустить изменения геополитической обстановки в обширном евразийском пространстве. Учитывая геополитическое

положение Афганистана, особенно в связи с главной проблемой переживаемого периода — сокращением природных ресурсов, конфликт, в который была втянута наша страна, по своей сути представляется безальтернативным, хотя формы его разрешения могли бы быть иными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М.: Военный университет; Русский путь, 2003. С. 32.

² См.: *Свечин А.А.* Стратегия. М., 1927.

³ США. Экономика, политика, идеология. 1989. № 6. С. 63.

⁴ Афганистан: Справочник. М.: Восточная литература, РАН, 2000. С. 115.

⁵ «Проблема Пуштунистана» возникла в 1947 г. при разделе Индии, когда северо-западные районы бывшей британской колонии, населенные пуштунами племенами, были присоединены к Пакистану. См.: *Спольников В.Н.* Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 30, 31.

⁶ Международная жизнь. 1992. № 2. С. 18.

⁷ *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афганистана. М.: ГПИ «Исконна», 1995. С. 616.

⁸ Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 111.

⁹ Независимая газета. 1998. 25 апреля.

¹⁰ *Кальвокоресси П.* Мировая политика после 1945 г. В 2 кн. М.: Международные отношения, 2000. Кн. 2. С. 100, 101.

¹¹ Независимая газета. 1998. 25 апреля.

¹² *Ляховский А.А.* Указ. соч. С. 124.

¹³ *Громыко А.А.* Памятное. В 2 кн. М.: Политиздат, 1988. С. 101.

¹⁴ Известия. 1987. 31 декабря; *Ляховский А.А.* Указ. соч. С. 339.

¹⁵ *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. М.: Эксмо, 2002. С. 368.

¹⁶ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Научн.-издат. центр «Ладомир», 1997. С. 772.

¹⁷ Современные международные отношения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 417.

¹⁸ *Ляховский А.А.* Указ. соч. С. 95.

¹⁹ *Золотарев В.А.* Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). М.: «КАНОН-пресс»; «Кучково поле», 1998. С. 147.

²⁰ *Крючков В.А.* Личное дело. В 2 ч. М.: «Олимп», 1996. Ч. 1. С. 223.

²¹ *Киссинджер Г.* Указ. соч. С. 717.

*Полковник запаса
Ю.Г. РОМАНЧЕНКО*

ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ КОНКУРСА начальником Редакционно-издательского центра Министерства обороны РФ

НАЧАЛЬНИКОМ Редакционно-издательского центра Министерства обороны РФ полковником С.В.Кравченко подведены итоги творческого конкурса на лучшие материалы, опубликованные в «Военно-историческом журнале» в 2004 году.

За подготовку материалов, отличающихся глубоким теоретическим содержанием, убедительностью и ясностью изложения, практической значимостью, а также в связи с празднованием Дня российской печати первая поощрительная премия присуждена кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику капитану 2 ранга Козлову Денису Юрьевичу (Экспертный центр Аппарата министра обороны РФ, г. Москва) за статьи в рубрике «Первая мировая: военное искусство»: «Такого случая... за все время войны до сих пор не представлялось» (№ 1); «Утрата флота на Балтийском море... отзывается расстройством самого государственного организма. Планы оперативно-стратегического применения флота Балтийского моря накануне Первой мировой войны в 1907—1914 гг.» (№ 8).

Вторая поощрительная премия присуждена кандидату исторических наук, доценту полковнику Капистке Владимиру Васильевичу (г. Москва) за статьи: «Мы значительно отстали от Западной Европы. Особенно сильно... в области моторостроения» в рубрике «Военное строительство» (№ 10); «М.М. Литвинов — И.В. Сталину: "Я считал бы неправильным передачу в Германию всех... наших заграничных заказов"» в рубрике «Военное строительство: из истории вооружения и техники» (№ 11).

Третья поощрительная премия присуждена генерал-майору в отставке Градосельскому Василию Васильевичу (г. Москва) за статьи: «С их точки зрения это надо сделать не слишком рано и не слишком поздно...» в рубрике «Вторая мировая война» (№ 5); «Законодательное обеспечение комплектования Вооруженных Сил СССР» в рубрике «Военная летопись Отечества» (№ 12).

Победителям творческого конкурса помимо денежных премий вручена подписка на «Военно-исторический журнал» на 2005 год. Также подпиской на «Военно-исторический журнал» на 2005 год поощрены наши постоянные авторы: полковник В.И. Ткачев (Военная академия Генерального штаба ВС РФ, г. Москва) за статью «ПВО фронтов в Берлинской наступательной операции» в рубрике «Великая Отечественная: военное искусство» (№ 5); В.В. Лукошников (с. Яренск Архангельской обл.) за статью «Русские дружины на берегах Табаристана» в рубрике «Точки зрения, суждения, версии» (№ 7); кандидат военных наук капитан 3 ранга В.Г. Кикнадзе (г. Калининград) за статью «Разведывательное обеспечение боевых действий Балтийского флота» в рубрике «Советско-финляндская война 1939—1940 гг.» (№ 4).

КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Начальник Редакционно-издательского центра Министерства обороны РФ приглашает к участию в конкурсе на лучшую публикацию в текущем 2005 году на страницах «Военно-исторического журнала». Авторам материалов, победившим в конкурсе, будут присуждены по одной первой, второй и третьей денежной премии. Лауреатов поощряют и годовой подпиской на журнал. Кроме того, выделяет три годовые подписки на «Военно-исторический журнал» для участников творческого конкурса. Наш журнал объявит его результаты к Дню российской печати — 13 января 2006 года.

Приглашаем авторов «Военно-исторического журнала» к участию в конкурсе!

Капитан 2 ранга Козлов Денис Юрьевич

Родился 10 сентября 1969 года в городе Дзержинске Горьковской области. В Вооруженных силах с 1986 года. Окончил Нахимовское военно-морское училище в 1986 году, Высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе — в 1991-м, адъюнктуру Санкт-Петербургского военно-морского института по кафедре военной истории в 1998 году, является слушателем заочного отделения командного факультета Военно-морской академии имени Н.Г. Кузнецова.

Проходил службу в дивизии надводных кораблей Черноморского флота, был преподавателем Тихоокеанского военно-морского института имени С.О. Макарова. В 2000—2004 гг. — начальник группы — старший научный сотрудник, заместитель начальника отдела Института военной истории Министерства обороны РФ. С декабря 2004 года — главный эксперт Экспертного центра Аппарата министра обороны РФ.

Имеет ученую степень кандидата исторических наук (1998 г.),

ученое звание — старший научный сотрудник (2001 г.).

Награжден медалями.

***

Полковник Капистка Владимир Васильевич

Родился 14 сентября 1957 года в п. Рочегда Виноградского района Архангельской области.

Слушатель Курганского высшего военно-политического авиационного училища (заочно) (1982—1986), пропагандист войсковой части (1987—1989), слушатель Военно-политической академии имени В.И. Ленина (Гуманитарной академии ВС РФ) (1989—1992), преподаватель кафедры общественных наук (1992), адъюнкт Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е.Жуковского (1992—1995), старший помощник начальника отдела войсковой части (1995—1998), старший офицер отдела

Главного управления Генерального штаба (1998—2002), старший преподаватель Военной академии МО РФ (с 2002 г. по настоящее время).

Имеет ученую степень кандидата исторических наук (1995 г.),

ученое звание — доцент (2003 г.).

Награжден медалями.

***

Генерал-майор в отставке Градосельский Василий Васильевич

Родился 22 марта 1922 года в Калининской, ныне Тверской области.

По окончании в 1941 году средней школы был призван на военную службу и направлен на учебу в Ленинградское военное училище связи, где прошел подготовку по радиоразведке. В действующей армии находился с марта 1943 года до конца войны, служил в радиоразведывательных частях ГРУ Генерального штаба в составе 4-го и 3-го Украинских и 2-го Белорусского фронтов. В 1949 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1950 по 1987 год служил на различных штабных

должностях в Московском военном округе, Главном штабе Сухопутных войск и Главном оргбуправлении Генерального штаба. Находясь в отставке, возглавляет Координационный совет при Военном комиссариате г. Москвы по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Награжден орденами и медалями.

«ЧУВСТВО, ЛЕЖАЩЕЕ В ГЛУБИНЕ ДУШИ КАЖДОГО, — ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ»

Эволюция
государственного
патриотизма в России
XIX — 20-х годов XX века

ФИЛОСОФЫ включают патриотизм в политическое, национальное и моральное сознание¹. В соответствии с высшими национальными ценностями — духовными (религиозными), социальными (благополучие народа), территориально-географическими (целостность родного края) и политическими (независимость государства) — патриотизм может быть: этническим (привязанность к своему народу, его обычаям, языку, культуре, истории — «Велика святая русская земля и везде солнышко»); территориальным (любовь к родному краю — «Своя земля и в горсти мила»); государственным (приверженность своему государству — «С родной земли умри — не сходи»). Его составной частью является военный патриотизм.

Без этноцентризма такие высоконравственные понятия, как, например, любовь к родному краю и своему народу, имеют вневременной и внеклассовой характер. Их предпосылки восходят к глубокой древности — первобытно-общинному строю (семейный, родовой и племенной патриотизм)². Историки и публицисты часто смешивают любовь к Родине и народу с государственным патриотизмом, приписывая ему неизменность и постоянство во времени³.

Государственный патриотизм изменяется параллельно с преобразованием государства и верховной власти. У господствующих и угнетенных сословий отношение к своему государству бывает разное. При нарастании классовых противоречий рождается революционный патриотизм, противопоставляющий себя государственному. Классическим примером может служить революционный патриотизм во Франции, с 1791 года подаривший блестящие победы армиям республики.

Современный тип государственного патриотизма появился при возникновении наций в конце XVIII века, когда национальная государственность стала считаться венцом и целью истории и высшим проявлением достижений человечества.

Полярными крайностями государственного патриотизма могут считаться великодержавный шовинизм и государственный нигилизм (анархизм).

Государственный патриотизм может существовать при монархии, деспотии, олигархии, республике, при разных формациях и экономическом состоянии государства. Его носители — главы государств (князья, короли, императоры, президенты), правительства и парламенты, кадровый состав вооруженных сил, чиновный аппарат, сословия, корпорации, крестьянство, рабочие и интеллигенция.

Сила государственного патриотизма меняется в зависимости от количества его приверженцев и накала патриотических эмоций. Он создается «выбрасыванием вовне сильных эмоций»⁴.

В данной статье эволюция государственного патриотизма в России рассматривается в основном применительно к военной истории русского народа. За рамками работы оставлены сословный, этнический и региональный патриотизм (из-за него падала боеспособность воинских частей при разнородном национальном составе; например, процент пленных по отношению к «кровавым потерям» в частях русской армии, сформированных к 1914 году в Польше, был втрое выше, чем в частях с Кубани)⁵.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ и военный патриотизм — громадная сила, и никогда романовская Россия не имела его более мощным, чем в конце XVIII — начале XIX века: «Ни один народ не отождествлялся до такой степени со своим правительством, как русский народ в эти годы побед»⁶. Такое тем более удивительно, что это было время расцвета крепостного рабства, когда офицеры-дворяне смотрели на полк как на свое имение, кулачные расправы были обычным воспитанием.

О «наивном монархизме» крестьянства, который давал прочность российской монархии, достаточно много писали историки. Однако они обращали мало внимания на духовную мощь, исходившую от верховной власти и экзальтировавшую всех подданных: «Самодержец — движитель всех воль, русские полагают верховную власть как религию»⁷.

В начале XIX века в государственном девизе «За Веру, Царя и Отечество» все три компонента были сплавлены в амальгаму, и центральная часть формулы — «за Царя» — служила полноценным выражением государственного патриотизма. К государю императору было мистическое отношение. 16 декабря 1809 года Александра I, еще не победителя Наполеона, москвичи встречали так, что он едва мог двигаться: «На него буквально кидались, целовали его сапоги, упряжь и даже лошадь с восторженными знаками нежности: "отец", "красавец", "ангел"»⁸.

Самодержавие возносило и давало ощущение небывалого могущества. Солдаты, бывшие крепостные, воспринимая «излучения» светского владыки-императора, превращались в богатырей. «Как слышали мы разговоры командиров и начальников, так иногда, бывало, толкуем между собою — так и рвется ретивое... Наконец, ударили поход. Слава тебе, царю

небесному, что внушили такую мысль православному царю земному», — говорили солдаты в 1805 году.

Профессиональная русская армия (при сроке службы в 25 лет) была державной: «Пойдем, братцы, за границу, бить Отечества врагов!» — писал в гимне-марше Преображенского полка в 1805 году поэт С. Марин⁹. В этих словах, распевавшихся солдатами, сквозила гордость за могущество империи и собственную силу. Участник битвы при Гейльсберге (1807) поэт К. Н. Батюшков сообщал о том, что все русские солдаты «храбры, даже до остервенения»¹⁰.

РОССИЙСКОЕ государство имело наднациональный характер, подобно Римской, Византийской или Османской империям. Наднациональным в начале XIX века был и государственный патриотизм, охвативший наиболее культурный слой дворянства, чиновничества, крестьян и рабочих людей. Русскими патриотами считали себя военачальники — остзейские немцы О. А. Вейсман (1739—1773), О. В. Дерфельден (1735—1819) и Г. Х. Засс (1797—1883), грузин П. И. Багратион (1765—1812), армяне В. Г. Мадатов (1765—1829) и В. О. Бебутов (1791—1858), пруссак И. И. Дибич-Забалканский (1785—1831). При небывалом морально-политическом единстве такой патриотизм можно назвать универсальным.

«Калмык, башкир, черкес и финн к знаменам побежали

и все оградой из дружин вокруг престола стали»¹¹.

Бородинскую битву не зря называют битвой гигантов. Только великие духом гиганты могли два часа встречать грудью ядра и картечь.

«Русская пехота подвигалась плотной массой, в которой наши выстрелы проделывали большие и широкие пробоины. Однако они не переставали приближаться до тех пор, пока наши французские батареи не разгромили ее картечью; целые взводы падали сразу. Видно было, как солдаты под этим ужасным огнем старались все-таки сплотить свои ряды. Они разлучались ежеминутно смертью и все-таки снова смыкали свои ряды, попирая смерть ногами! ... Это было ужасающее избиение, и наши доблестные артиллеристы не могли не восхищаться таким непоколебимым мужеством и слепой покорностью наших врагов!»¹². Но

выполнение требований тогдашнего устава и дисциплины несправедливо названо «слепой покорностью». Г. Р. Державин в «Гимне лироэпическом на изгнание французов из Отечества» с восторгом писал: «О россы! О доблестный народ, единственный, великодушный, великий, сильный, славой звучный»¹³.

После победы над Наполеоном русская армия стала считаться лучшей в мире, и у офицеров и солдат родилась вера в несокрушимое могущество России вплоть до 1856 года. «Россия — это огромная армия, крестьяне и королеванный генерал. Россия готова владеть миром, как Рим»¹⁴.

ПОВОРОТ в истории российской державы произошел в 1819—1820 гг., когда спал дворянский либерализм и усилились реакционные установки правительства. Император Александр I стал «жестким и даже тяжелым и самоуверенным». «Власть изливалась из всех пор» царя, а «все общество сделалось каким-то печальным»¹⁵. В 1820 году январское совещание будущих декабристов, для которых царь и Отечество перестали быть нераздельно целым, признало конечной целью борьбу за «Русскую республику», революцию и устранение Романовых¹⁶. Напомним, что в XVII—XVIII вв. все народные восстания поднимались «за Царя».

С. Муравьев-Апостол убеждал, что царская власть противна воле Божьей¹⁷. С 1820 года государственный и военный патриотизм пошел по нисходящей, а в 1825 году произошло первое, пока незначительное уменьшение его объема. Началось зарождение патриотизма революционного: против верховной власти открыто выступила часть гвардии и армии. Однако стоило новому царю Николаю I 14 декабря 1825 года командовать: «Встать в строй, на колени!» — мятежные солдаты повиновались¹⁸.

Многие из декабристов, героев и богатырей, получавших на Бородинском поле громадную духовную силу от военного патриотизма, на допросах в 1826 году выглядели отступниками — так мало пока мог им дать новорожденный революционный патриотизм. В то время гения России — А. С. Пушкина — исполнившая громада российского великодержавия и страшила, и возносила. Страшила, когда он видел, как под гнетом автократии уничтожается живая жизнь

(Ода «Вольность»). «Только революционная голова, подобная Орлову или Пестелю, может любить Россию так, как писатель может любить ее язык», — говорил он¹⁹. Возносила, когда она расправлялась с антигосударственным польским восстанием в 1831 году («Клеветникам России»). Как и декабристы, он физически ощущал свою слабость по сравнению со свинцовой глыбой Империи: «Черт возьми, почувствовал подлость во всех жилах», — сказал поэт после случайной встречи и «ласкового разговора» с Николаем I в Царском Селе²⁰.

В 1830—1840-х годах исполинская мощь Российской Империи усыхала без внешних видимых причин. Крестьянские волнения были слабы, единичны и разрозненны²¹. Мельчала масштабность военных державников. «Исчезла аристократическая независимость и удаль александровских времен» (А. И. Герцен). Героев «бородинского размаха» уже не встречалось. Однако искренних военных патриотов было много.

Отчаянный храбрец, генерал-майор Николай Павлович Слепцов (1815—1851), зачисленный в лейб-гвардии Литовский полк, писал отцу в возрасте 18 лет: «Я очарован истинным назначением военного звания и ставлю его выше всех других понятий! Мне кажется, что я счастлив навсегда! Навеки, совершенно!». 30 августа 1845 года тогда еще майор Слепцов издал приказ по своему 1-му Сунженскому линейному казачьему полку: «Желание государя... чтобы вы на новой линии были твердым оплотом для защиты дарованных вам земель... Молодечеством казак щеголяет, удалство в крови его, оружие и конь срослись с ним...»²².

До конца николаевского царствования военный патриотизм внешне выглядел безущербным. Полвека (!) службы в русской армии отмерил старший вахмистр Д. Ф. Мирощенко (1790-е — 1863), сражавшийся как против Наполеона I, так и против Наполеона III и вспоминавший о Николае I не иначе как крестьян и со слезами на глазах. В Крымскую (Восточную) войну 1853—1856 гг. русские воины, несмотря на паралич воли и стратегии высшего командования (А. С. Меншиков и М. Д. Горчаков), показали высочайшую самоотверженность, храбрость, дисциплину и «чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но

лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине»²³. 15 сентября 1854 года вице-адмирал В.А. Корнилов призвал севастопольцев: «Царь надеется, что мы отстоим Севастополь... Тот изменник, кто протрубит ретирату! И если я сам прикажу отступить — коли и меня»²⁴. Л.Н. Толстой сообщал 2 ноября 1854 года брату из Севастополя: «Дух в войсках свыше всякого описания. Во времена Древней Греции не было столько геройств. Корнилов, объезжая войска, вместо "Здорово, ребята!" говорил: "Нужно умирать, ребята, умрете?". И войска кричали: "Умрем, ваше превосходительство, ура!"»²⁵.

Побудительной причиной такого самопожертвования Л.Н. Толстой, как очевидец, считал не военный патриотизм, но скорее национальный характер. По его наблюдениям, в военной среде над «любовью к Отечеству» иронизировали: «Дух угнетения до того распространен в нашем войске, что жестокость есть качество, которым хвастают самые молоденькие офицеры. Засекают солдат, бьют всякую минуту, и солдат не уважает себя, ненавидит начальников... Перед каждым сражением в каждом движении его... видна мысль: "Не боюсь тебя и ненавижу"... Сколько русских офицеров убито русскими пулями... Большинство офицеров имеет одну цель — украсть состояние на службе. Дворянин презирает службу во фронте в армии. В военном обществе дух любви к Отечеству, рыцарской отваги, военной чести возбуждает насмешку; уважается угнетение, разврат и лихоимство»²⁶.

«Деловые люди» середины XIX века в отличие от помещиков начала «александровской поры» не горели желанием кровью защищать Отечество. В Москве во время Севастопольской осады находились люди, которые пили шампанское по поводу русских неудач, радуясь провалу армии и ожидая реформ. Н.Г. Чернышевский в одном из вариантов романа «Пролог» писал, что «желает поражения царскому правительству»²⁷.

ПОРАЖЕНИЕ в Восточной войне сделало очевидным для всех ослабление царизма. Стали нарастать явления, которые разлагали государственный патриотизм, превращая его в казенный. Слабела основная опора власти — дворянство, обострялись национальные противоречия, падал авторитет церкви. Монархия удержи-

валась на слабом фундаменте нескольких тысяч дворян-землевладельцев. В 1863—1877 гг. «ужас народа при слове "набор" подобен был ужасу казни», — так писал Н.А. Некрасов при создании поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Революционное движение набирало силу: если в 1825—1861 гг. насчитывалось около одной тысячи участников этого движения, то в 1861—1895 гг. «в огонь за честь Отчизны, за убеждения, за любовь» пошли 25 тыс. человек (летом 1917 г. их было уже 1200 тыс. человек)²⁸.

Народовольцы в отличие от декабристов могли черпать уже громадную силу от революционного патриотизма, не меньшую, чем герои Бородина от патриотизма военного. Марк Твен писал о «сверхчеловеческом героизме... который смотрит вперед, где на горизонте ждет виселица, и упрямо идет к ней сквозь адское пламя»²⁹. Несколько сотен офицеров составляли военный центр «Народной воли»³⁰.

Самопожертвование и героизм народовольцев заслуживают особенного восхищения потому, что большинству сельского и городского населения в то время были чужды революционные настроения. На 1 января 1880 года под надзором полиции в многомиллионной стране состояли всего 6790 человек. Из 1246 лиц, судившихся на 226 процессах в 1866—1895 гг., только один был крестьянином, 435 (31,6 проц.) — дворянами, 583 (более 50 проц.) — разночинцами, 158 человек — рабочими³¹.

Отрицать национальный (народный) патриотизм революционеров безнравственно и глупо. В предсмертном письме в 1889 году народоволец К.Г. Неустроев писал: «Я был простой работник, но не изменил святыне знамени... Прости, родина! Цвети, красуйся! Прими эти пожелания от чистого сердца!»³². Среди судившихся в 1883—1895 гг. революционеров случаев отступничества было гораздо меньше, чем во времена декабристов и петрашевцев. Из 77 процессов с 1882 года только на десяти некоторые подсудимые просили о помиловании. Аморфное и пестрое общество в 1870—1880-е годы ожесточалось против империи и все чаще симпатизировало революционным борцам. Перед моральной «святошью» революционеров-народников преклонялся Л.Н. Толстой, называя их «лучшими, высоко-

нравственными, самоотверженными, добрыми людьми»³³.

Вместе с тем достаточно большим оставался контингент «государственников-патриотов» среди чиновного аппарата и военных. Многих из них глубоко потрясло убийство Александра II. В 1881 году для защиты царя была создана «добровольная охрана», в которой были 14 915 человек³⁴.

«Войну за славян» во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. поддержала значительная часть общества, в том числе почти половина народовольцев. Однако того победного восторга, который существовал около века назад, не было. Боевые действия военное командование старалось вести без риска. После кровавого третьего штурма Плевны растерявшееся большинство командования малодушно предлагало уйти за Дунай. Попытки Д.А. Милютина повысить инициативность офицества путем внедрения идеи любви к Родине и царю не привели к успеху³⁵. «Упадок воинственности и горячего патриотизма в офицерах... привел армию к апатии... нелюбви к своей профессии»³⁶.

Накат революционной волны становился все выше. В 1881—1890 гг. было всего 450 выступлений рабочих, в одном 1901 году — 353 стачки, в 1903-м — 1382 стачки, в 1902—1907 гг. по деревням полыхали пожары усадеб³⁷.

ВО ВРЕМЯ Русско-японской войны 1904—1905 гг. куропаткинский план «непрерывного отступления» из Маньчжурии не вызывал, в отличие от 1812 года, неудовольствия солдат: «Слава Богу, мы все время отступаем. К Пасхе мы, наверно, будем дома», — с удовлетворением писал один из них из Ляояна³⁸. Вместо мужественного напутствия командиры провожали свои части в бой со слезами. Некоторые соединения теряли способность вести бой, случались без повода массовые сдачи в плен³⁹. «Высший командный состав не только был сам по себе плох, но плох безнадежно... Это люди, связанные товарищескими отношениями, высоким положением, связями со двором — это влияло, подбор шел отвратительный»⁴⁰. Контр-адмирал Н.Т. Небогатов, забыв о бессмертном подвиге крейсера «Варяг», позорно сдал врагу 3-ю Тихоокеанскую эскадру, в которой произошли волнения. От полного погрома военной силы на суше спасли офицеры, выпол-

нявшие свой долг, «потому что демобилизованная армия, возвращаясь оттуда, была больна насквозь»⁴¹.

В вооруженных силах в 1905—1907 гг. произошло 440 выступлений солдат и матросов, в том числе 106 вооруженных⁴².

В 1905 году вместо «мистической веры» в царя даже в христианских и декадентских кругах родилась такая же мистическая вера в революционную борьбу «с самым безбожным проявлением светской власти — с самодержавием»⁴³.

Весть о Цусиме русское общество приняло «с почти нескрываемым злорадством»⁴⁴. В мае 1905 года А.Н. Куропаткин заклинал «хоть на полгода вдохнуть в интеллигенцию... чувство патриотизма... чтобы с почетом окончить... трудное дело борьбы с Японией»⁴⁵. Самодержавие, напротив, не только не могло дать вдохновляющих стимулов, но вызывало ненависть против генералов, царских советников и «против господ вообще»; ненависть, облеченную в патриотические формы — так говорил Николаю II глава делегации от земских деятелей С.Н. Трубецкой 6 мая 1905 года⁴⁶. «Фимам обожания» крестьян под Полтавой вокруг царя в дни 200-летнего юбилея Полтавской битвы был исключением.

НА ВОЙНУ 1914 года народ пошел, как ему говорили, под патриотическим призывом «За честь и величие Родины» с инстинктом самосохранения, бессознательным чувством долга, без идеи Родины и веры в правду дела⁴⁷. В начале войны несколько месяцев держался всплеск военного патриотизма. В дальнейшем, вплоть до конца войны, о нем не могло быть и речи. Русская армия держалась исключительно на чувстве долга, но не любви к империи и царю. «На кой хрен царь нужен», — говорили окопные дяди⁴⁸.

К 1914 году офицерский состав был дисциплинирован, предан долгу, умел безропотно умирать, но в массе не обладал авторитетом, инициативой и волей к победе⁴⁹. Общая дряхлость режима не могла наполнить воинов патриотической силой. Будущий военный министр А.И. Гучков уже в августе 1914 года, после поражения двух русских армий в Восточной Пруссии, пришел к твердому убеждению, что война проиграна. Того же мнения придерживался

начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев⁵⁰. «Океан пессимизма, недовольства и растерянности» охватил командование при «великом отступлении» летом 1915 года, когда почти миллион солдат попал в плен. Новобранцев в деревнях провожали с советами «не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться»⁵¹. Попытка Николая II вдохнуть силу военного патриотизма в армию и народ, приняв на себя верховное главнокомандование 23 августа 1915 года, окончилась плачевно. Слухи о бездарности и измене распространились на самом верху. Армия стала чувствительной к революционной пропаганде. Брусиловский прорыв летом 1916 года поднял настроение на Юго-Западном фронте, но неудачные попытки прорыва немецких позиций на Западном и Северном фронтах понизили там боевой дух. 15 августа 1916 года А.И. Гучков писал генералу М.В. Алексееву: «Надвигается пожар... который жалкая, дрянная, слякотная власть не в силах предотвратить»⁵².

СВЕРЖЕНИЕ самодержавия 2 марта 1917 года вызвало всеобщий энтузиазм. Революционный патриотизм охватил даже гвардию. Уже 27 февраля 1917 года в 11 часов утра Преображенский батальон (1500 человек) с восторгом вышел на площадь перед Зимним дворцом «собрать всю гвардию» у Александровской колонны, играя «Марш Преображенского полка». К нему под громовое «ура!» присоединились 6000 павловцев и Гвардейский экипаж⁵³. Императорская армия в марте—апреле 1917 года без эксцессов присягнула Временному правительству. Большинство 250-тысячного офицерского корпуса сочувственно отнеслось к падению самодержавия. Главнокомандующий Западный фронт генерал А.Е. Эверт на митинге в Минске уверял, что всегда был сторонником революции. Когда толпа солдат сорвала двуглавого орла и стала топтать и рубить его шашками, Эверт аплодировал. А.А. Брусилова в Бердичеве на демонстрациях носили под красным балдахином в окружении красных флагов⁵⁴. Помощники военного министра А.И. Гучкова собрались вступить в партию социалистов-революционеров⁵⁵.

Нежелание воевать было всеобщим как вверху, так и внизу. Воен-

ные инженеры, в том числе и генералы главных управлений, отказывались отправляться на фронт. «Мы вятские, тульские, пермские; до нас немец не дойдет», — говорили солдаты⁵⁶. Однако такие высказывания нельзя принимать за отсутствие любви к Отечеству, как считали тогда многие. Такими фразами солдаты прикрывали нежелание воевать за Временное правительство и буржуазное государство, т. е. отторгали тогдашний императорский патриотизм, но не патриотизм вообще.

Февральская революция не дала, как во Франции в конце XVIII века, взрыва наступательного патриотического энтузиазма. В окопах на красных транспарантах тогда писали: «Мир во что бы то ни стало». Попытка сбить революционную волну если не военным патриотизмом, то «пьянящим чувством победы» (А.И. Деникин), наступлением ударных батальонов в июне 1917 года, как и следовало ожидать, провалилась.

Осенью 1917 года власть в армии переходила в руки военно-революционных комитетов, а в 1918 году произошло «историческое чудо» (В.И. Ленин) — рождение в короткий срок массовой регулярной Красной армии. Быстрый разгром интервентов в 1919—1920 гг. показал громадную силу революционного и нового военно-государственного патриотизма России. Вслед за этим, всего через два десятилетия после того, как русские солдаты, втыкая штыки в землю, отказывались защищать целостность императорской России, бойцы и командиры РККА стали говорить, что они «заражены красным империализмом» и нужно занять потерянные территории — «наши» Эстонию, Латвию, Литву, Бессарабию и Варшаву⁵⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Макаров В.В. Патриотизм как явление общественного сознания: его источники и структура. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Волгоград, 1969. С. 12; Кучуков М.М. Исторические типы патриотизма. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов-н/Д, 1984. С. 6, 12.

² Кучуков М.М. Указ. соч. С. 13—14.

³ Кузьмин А.И. Героическая тема в русской литературе. М.: Просвещение, 1974; Преображенский А.А. «Век связующая нить...». Преемственность военно-патриотических тради-

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

В КУЛЬТУРНОМ центре Вооруженных сил Российской Федерации в соответствии с перечнем мероприятий по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы» состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Российский патриотизм. Истоки, современность, проблемы возрождения и развития».

В работе конференции приняли участие представители Администрации Президента РФ, Совета Федерации, Государственной думы, аппарата Правительства РФ, Совета безопасности РФ, творческих союзов, религиозных конфессий, руководители региональных межведомственных координационных советов и центров патриотического воспитания, организаторы работы по патриотическому воспитанию министерств и ведомств, научных, образовательных, общественных организаций.

Для участников конференции были организованы тематические выставки, в том числе доставленные из регионов, распространялась печатная продукция, видеоматериалы о практической работе по патриотическому воспитанию, образцы сувенирной продукции к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

* * *

Во ВСЕРОССИЙСКОМ выставочном комплексе состоялось торжественное открытие 1-го этапа Всероссийского смотра-выставки сувенирной продукции «Символы Отечества». Смотра-выставка проводилась в соответствии с «Перечнем мероприятий по подготовке и проведению празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.», утвержденным Президентом Российской Федерации.

Организаторы смотра-выставки: Российский государственный военный историко-культурный центр при Правительстве РФ, РПО «Гильдия Мастеров», Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ, Министерство обороны РФ, Всероссийский выставочный центр, Ассоциация «Народные художественные промыслы», органы исполнительной власти субъектов РФ. В разделах выставки были представлены: продукция с государственной символикой; сувениры, посвященные 60-летию Победы; изделия народных художественных промыслов; продукция из натуральных природных материалов; рекламная полиграфия; бизнес-сувениры; печатная сувенирная продукция и др.

В торжественном открытии выставки приняли участие представители Государственной думы, аппарата Правительства РФ, администрации регионов, известные деятели культуры и искусства РФ.

ций русского народа (XIII — начало XIX в.). М.: Русское слово, 2002; *Зюганов Г.А.* Россия — Родина моя. Идеология государственного патриотизма. М.: Информпечать, 1995.

⁴ *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. Судьба России. М.: Изд. В. Шевчук, 2000. С. 515.

⁵ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. С. 157.

⁶ *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 186.

⁷ *Кюстин де А.* Россия в 1839 году. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996. Т. 1. С. 161, 179.

⁸ *Де-Местр Ж.* Петербургские дневники 1803—1817. СПб.: Инапресс, 1995. С. 130.

⁹ Цит. по: *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М.: Панорама, 1993. С. 152.

¹⁰ *Кузьмин А.И.* Указ. соч. С. 150.

¹¹ *Ильинский Н.А.* Художественная патриотическая литература 1812—1815 гг. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та им. Сталина, 1943. С. 43.

¹² *Сегюр Ф.* Поход в Россию. Записки адъютанта Наполеона I // Бородино в воспоминаниях современников. СПб.: Изд-во Скарабей, 2001. С. 263.

¹³ Цит. по: *Дементьев А.* Великие идеи патриотизма в творчестве русских классиков. Л.: Воениздат, 1941. С. 17.

¹⁴ *Де-Местр Ж.* Указ. соч. С. 232.

¹⁵ Там же. С. 297.

¹⁶ *Гросул В.Я.* Истоки трех Русских революций // Отечественная история. 1997. № 6. С. 32, 38.

¹⁷ *Кузьмин А.И.* Указ. соч. С. 175.

¹⁸ *Кюстин де А.* Указ. соч. Т. 1. С. 209.

¹⁹ *Дементьев А.* Указ. соч. С. 9.

²⁰ Разговоры Пушкина. Собрала С. Гессен и Л. Модзалевский. М.: Политиздат, 1991. С. 168.

²¹ *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. М.: Наука, 1990. С. 54.

²² *Новоселов С.* Генерал-майор Николай Павлович Слепцов. СПб.: Типография Я.ТРЕЯ, 1858. С. 1—24.

²³ *Кузьмин А.И.* Указ. соч. С. 269.

²⁴ *Лукашевич К.В.* Оборона Севастополя и его славные защитники. М., 1995. С. 50.

²⁵ *Дементьев А.* Указ. соч. С. 31.

²⁶ *Толстой Л.Н.* Проект о переформировании армии. Собр. соч. В 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 16. С. 400—405.

²⁷ *Кузьмин А.И.* Указ. соч. С. 249.

²⁸ *Гросул В.Я.* Указ. соч. С. 49.

²⁹ *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности

1866—1895. М.: Мысль, 1979. С. 248.

³⁰ *Сенчакова Л.Г.* «Священная дружина» и ее состав // Вестник МГУ. 1967. № 2. С. 37.

³¹ *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 283.

³² Там же. С. 87.

³³ Там же. С. 103, 130, 146.

³⁴ *Сенчакова Л.Г.* Указ. соч. С. 40.

³⁵ *Верховский А.И.* Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М.: Высший военный редсовет, 1922. С. 229.

³⁶ *Семенов В.А.* Мысли современного офицера // О долге и чести в Российской армии. М.: Воениздат, 1990. С. 230, 240.

³⁷ *Гросул В.Я.* Указ. соч. С. 50.

³⁸ *Леру Г.* Агония царской России. Харьков: Пролетарий, 1928. С. 25.

³⁹ *Байов А.* Воспитание армии и идеи графа Л.Н. Толстого // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М.: Русский путь, 1997. С. 407.

⁴⁰ *Гучков А.И.* Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М.: ТОО Редакция журнала «Вопросы истории», 1993. С. 57.

⁴¹ Там же. С. 98.

⁴² *Оберучев К.И.* Офицеры в русской революции // Воен.-истор. журнал. 1998. № 2. С. 96.

⁴³ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М.: Терра, 1992. С. 259.

⁴⁴ Там же. С. 258.

⁴⁵ Там же. С. 262.

⁴⁶ Там же. С. 264.

⁴⁷ *Верховский А.И.* Россия на Голгофе. Из походного дневника 1914—1918 гг. // Воен.-истор. журнал. 1992. № 10. С. 66; № 11. С. 67.

⁴⁸ *Краснов П.Н.* Военная служба в мирное и военное время // Военная мысль в изгнании. М.: Русский путь, 1999. С. 163.

⁴⁹ *Флуг В.Е.* Высший командный состав // Офицерский состав Русской армии. Опыт самопознания. М.: Русский путь, 2000. С. 293.

⁵⁰ *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 301, 326.

⁵¹ Там же. С. 307—309, 311—312.

⁵² Там же. С. 332.

⁵³ *Лукаш И.* Преображенцы. Пг.: Освобожденная Россия, 1917. С. 13—15.

⁵⁴ *Гучков А.И.* Указ. соч. С. 102.

⁵⁵ Там же. С. 100.

⁵⁶ Там же. С. 101; *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 293, 363.

⁵⁷ *Мельтюхов М.И.* Материалы особых отделов НКВД о настроениях военнослужащих РККА в 1939—1941 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2002. С. 310.

В.А. АРТАМОНОВ

БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ НАКАНУНЕ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ

Оперативно-тактическая подготовка на флоте в 1937—1939 гг.

В ПЕРИОД с 27 по 30 сентября 1938 года на Балтийском флоте проводилось большое отрядное учение на тему «Расширение плацдарма действий КБФ и недопущение прохода в восточную часть Финского залива эскадры линейных кораблей противника днем». Его оперативный фон был разработан в соответствии с указаниями заместителя наркома ВМФ, которые, правда, были «сокращены вследствие недостаточной подготовки флота в целом (отставание тактической подготовки)»¹. Основными учебными задачами, отработавшимися на БОУ, были: 1) оборона главной базы; 2) совместные действия ПЛ и авиации в удаленных районах; 3) удар по маневренной базе противника; 4) бой линкоров в море во взаимодействии с ПЛ днем; 5) эскорт ПЛ, рандеву с ними и прорыв противолодочного барража* противника; 6) совместные удары линкоров, легких сил и ВВС по линкорам противника в восточной части Финского залива².

Не вдаваясь в подробности хода большого отрядного учения, рассмотрим основные замечания штаба КБФ по его проведению. Большие нарекания с его стороны вызвала прежде всего подготовка к учению штаба «восточной» стороны. Он, во-первых, очень много времени потратил на различные совещания и разговоры, проявив общую недостаточную организованность и четкость в работе, «твердого плана» которой не имел. Во-вторых, непрерывно по ходу подготовки в этот план вносились многочисленные изменения и дополнения, что привело в итоге к путанице в задачах и их неясности. Штабы соединений также работали крайне медленно и неорганизованно, подчиненными

частями почти не руководили. Несмотря на то, что командир бригады линкоров «восточных» флагман 2 ранга Н.Н. Несвицкий и его штаб имели возможность в ходе подготовки к учению провести инструктаж подчиненных и игру с ними, они этого не сделали, что «особенно сильно сказалось при операции прорыва барража»³. В ходе самого учения деятельность штаба «восточных» постепенно улучшилась, появилась четкость в распределении обязанностей командиров, исчезла излишняя нервозность в работе. По итогам БОУ командованием было признано, что «несмотря на текучесть (начальник оперативного отдела менялся 4 раза), случайность состава и на то, что все командиры... впервые работали в большом штабе, штаб "восточной" стороны выполнил свою задачу удовлетворительно»⁴.

Следует отметить, что противоположная — «западная» — сторона явила собой совершенно противоположный пример. Все необходимые документы по учению были подготовлены ее штабом своевременно и разосланы по всем частям. К тому же командующий «западной» стороной флагман 2 ранга С.П. Ставицкий вместе со своим начальником штаба капитаном 2 ранга В.К. Васильевым провел тщательный инструктаж комсостава подчиненных частей и кораблей⁵.

Серьезным нареканиям подверглись в основном действия командиров соединений «восточной» стороны, прежде всего командира бригады линкоров Н.Н. Несвицкого. В первую очередь ему были поставлены в вину неграмотные маневрирование и построение эскадры перед прорывом. Вообще, надо сказать, сплаванность кораблей эскадры в походе в целом признавалась недостаточной, что объяснялось исключительно «омоложением командиров». Многие из них неоднократно допускали грубые ошибки при маневрировании: пересечение курса

эскадры прямо перед носом корабля, вступление в строй под прямым углом, запаздывание с поворотом охранения и др. Походный строй эскадры при движении как днем, так и ночью был слишком растянутым. К примеру, противолодочное охранение находилось слишком далеко, превышая даже установленный лимит (12 кабельтовых). Миноносцы шли в самом конце кильватерной колонны, причем на таком расстоянии, что в случае начала боя они не могли успеть выйти в атаку.

Наибольшие сложности для «восточных» начались при прорыве неприятельского противолодочного рубежа. Данный эпизод, по оценке руководства учением, «прошел скомканно», и «практически проталкивание (подлодок. — П.П.) не удалось бы, особенно если бы противник располагал авиацией на ближайших аэродромах». Действия командира бригады линкоров Н.Н. Несвицкого были признаны полностью неверными, ибо он «демаскировал операцию, обозначил место и время прорыва, больше часа топтался на месте, скованный позицией противника и подставив себя под удар ВВС, БО, ТК (береговой обороны, торпедных катеров. — П.П.) и ПЛ противника (иными словами, была полностью повторена ошибка, допущенная на оперативной игре в прошедшем году. — П.П.)»⁶. Грубейшим просчетом Несвицкого было то, что он ввязался в бой, даже не перестроив эскадру в боевой порядок, т. е. не расчленив ее на группы прорыва и обеспечивающую. В момент, когда линкоры разделились и открыли огонь по неприятельским броненосцам, лидер «Ленинград» и два миноносца из состава охранения находились далеко позади и ничем помочь не могли. Фактически линкоры были поддержаны одной-единственной подлодкой⁷.

Еще более рискованно осуществлялось форсирование минного заграждения. Большая часть кораблей начала ставить параваны** лишь после подхода к пози-

** Параван (охранитель корабельный) — буксируемый подводный аппарат для защиты корабля (судна) от якорных контактных мин.

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2004. №11.

* Оборонительные минные заграждения в сочетании с противолодочными сетями и другими средствами.

ции. Так, например, линкор «Октябрьская революция» зашел на минное заграждение, преодолел его и только после этого стал ставить параваны. Подобные действия были расценены руководством БОУ как «недопустимое легкомыслие»⁸.

Артиллерийский бой линкоров «восточной» стороны с неприятельским броненосцем (эту роль исполнял крейсер «Киров») протекал неорганизованно. Линейные корабли слишком поздно открыли огонь, упустив шанс уничтожить броненосец «западных» на выгодной для себя дистанции. Вместо этого они опасно сблизилась с неприятелем, предоставив тому возможность расстреливать себя на минном поле. Из этого факта был сделан вывод, что команды кораблей не придадут значения борьбе за первый залп, имеющий большое значение в морском бою⁹.

В отличие от малограмотных действий «восточной» стороны по прорыву минно-артиллерийской позиции командующий «западной» стороной С.П. Ставицкий (впоследствии один из крупнейших советских военных теоретиков, известный своими работами по вопросам общей тактики морских сил и тактики морской артиллерии. — П.П.) весьма умело распорядился имевшимися у него силами. Используя плохую видимость, броненосцы береговой обороны «западных» отсекали и уничтожали вырвавшиеся вперед эсминцы «восточных», не подставляя себя под огонь неприятель-

ских линкоров. Лишь явная слабость сил «западных», не располагавших в районе минно-артиллерийской позиции авиацией и торпедными катерами, не позволила нанести сосредоточенный удар по линкорам «восточных», поставив их тем самым в критическое положение¹⁰.

Руководство учения также отметило недооценку обеими сторонами всех видов разведки, которая, как было сказано в разборе, «не видоизменялась по методам в связи с изменением обстановки»¹¹, и, таким образом, реальная обстановка в ходе проведения БОУ «в динамике, как она сложилась в каждый данный момент, не наблюдалась»¹².

Общий вывод по проведенному учению оказался, как и прежде, более чем сдержанным. Несмотря на стандартную оптимистическую формулировку — «КБФ овладел методом сложного взаимодействия всех сил в ударе и в бою на базе БУМС-37 (Боевой устав Морских сил РККА 1937 г. — П.П.) с применением его к специфическим условиям местности», тут же говорилось, что оценка по итогам БОУ «может быть дана только удовлетворительная (на сегодня), т.к. практического овладения всеми тактическими приемами еще нет»¹³. В качестве наиболее крупных недостатков были зафиксированы: неграмотные действия многих командиров надводных кораблей при сближении и организации боя с противником; слишком позднее и рискованное разверты-

вание сил авиации; плохо отработанные приемы постановки дымовых завес, разворота и отхода надводными кораблями и другие. Относительно работы штаба КБФ во время учения отмечалось, что он «еще не имеет той тщательности в работе и того уровня штабной культуры, которые гарантируют командование от неожиданностей и срывов»¹⁴.

Таким образом, мы видим: решающего прорыва в деле оперативно-тактической подготовки в 1938 году достигнуто не было, что не в последнюю очередь связано с прокатившимися по флоту массовыми репрессиями. Так, только за период с 1 мая 1937 года по 15 мая 1938 года из числа командно-начальствующего состава КБФ были уволены и арестованы 389 человек¹⁵. В результате на Балтике примерно за это же время сменились 62 проц. командиров соединений, 77 проц. начальников штабов соединений, 31 проц. штабных специалистов, 32 проц. командиров надводных кораблей и 55 проц. командиров подлодок¹⁶. Репрессии вызвали большую потребность в новых командных кадрах. К 8 октября 1939 года комплект командного состава на КБФ составлял 573 человека (20 проц.), а начальствующего — 857 человек (30 проц.)¹⁷. Больше всего не хватало командиров в надводных силах: для крейсеров — 9 человек (64 проц.), для лидеров и эсминцев — 15 человек (24 проц.), для тральщиков — 29 человек

ХРОНОГРАФ

2 февраля 1885 года родился М.В. Фрунзе (г. Бишкек, Киргизия) — государственный и военный деятель, военный теоретик. В Гражданскую войну командовал армией, Южной группой войск Восточного фронта, Восточным фронтом при разгроме армий Колчака. В 1919—1920 гг. руководил Туркестанским фронтом, а в 1920-м — Южным фронтом. С марта 1924 года — заместитель председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам, одновременно начальник Штаба РККА. В январе—октябре 1925 года — председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам. Умер 31 октября этого же года. Похоронен на Красной площади.

2 февраля 1945 года в боях против фашистских захватчиков в районе Канталупо (Италия) погиб отважный боец антифашистского движения Сопротивления в Италии Полетаев Федор Андрианович, гвардии рядовой 8-й гвардейской стрелковой дивизии. В июле 1942 года он попал в плен на Среднем Дону, в 1944 году бежал из лагеря близ Генуи и

вступил в один из итальянских партизанских отрядов. В Италии удостоен высшей награды — Золотой медали «За военную доблесть», медали Гарибальди. Похоронен в Генуе. Герой Советского Союза (26.12.1962, посмертно).

4 февраля 1945 года в Крыму начала работать конференция глав правительств Великобритании, США и СССР. В ее работе приняли участие министры иностранных дел, начальники штабов вооруженных сил и другие советники. В этот же день на Балтийском море на советских минах подорвались и затонули транспорт противника «Планет», а в устье Финского залива — немецкая подводная лодка «U-745».

6 февраля 1945 года конструкторский коллектив, руководимый А.И. Микояном и М.И. Гуревичем, создал реактивный истребитель МиГ-9. Это был цельнометаллический самолет-среднеплан с двумя турбореактивными двигателями РД-20. Истребитель развивал скорость более 900 км/ч, имел катапультируемое кресло и герметичную кабину.

7 февраля 1915 года в ходе Первой мировой войны началась Восточно-Прусская оборонительная операция. Северо-западнее г. Августова русская 10-я армия под командованием генерал-лей-

Все даты приведены по новому стилю.

(56 проц.), для сторожевиков — 7 человек (41 проц.). Подводные силы также испытывали недостаток в командных кадрах: требовалось 10 командиров больших подлодок (35 проц.), 23 командира средних (30 проц.), 2 командира малых подлодок. Ощущалась также нехватка значительного количества специалистов — 22 артиллеристов для штабов и соединений надводных кораблей, 23 минеров для кораблей и судов охраны водного района, 26 штурманов и 22 минеров для подводных лодок¹⁸. Большую нужду испытывал КБФ также в инженерно-техническом и административно-хозяйственном составе (28 и 40 проц. соответственно)¹⁹.

Краснознаменный Балтийский флот за истекший 1938 год имел немало упущений в процессе боевой подготовки. С одной стороны, ряд задач удалось отработать вполне приемлемо: взаимодействие надводных и подводных сил с авиацией при нанесении ударов по противнику на значительном удалении от баз; глубокий охват основных сил противника при обороне главной базы; оперативная разведка Финского залива при взаимодействии всех разведывательных сил; ночные совместные минные постановки с надводных кораблей и пр. Но, с другой стороны, целый ряд важнейших оперативно-тактических вопросов остался нерешенным, ввиду чего КБФ так и не овладел всеми тактическими приемами для

нанесения ряда последовательных ударов по флоту противника в море по всей глубине его боевого и походного порядка при взаимодействии надводного и подводного флотов с авиацией²⁰. В частности, оказались нерешенными такие важные задачи, как: внезапные удары по базам противника днем и ночью при взаимодействии надводного флота с авиацией; содействие флангу наступающих сухопутных войск путем высадки тактического десанта и огневой поддержки; обеспечение своих коммуникаций; нарушение морских сообщений противника; оперативная разведка всего театра и в сложных метеоусловиях. Выяснилось также, что маневр и управление соединениями и кораблями в бою находятся еще на низком уровне, а «степень тактической отработанности Краснознаменного Балтийского флота еще сырая и недостаточно полная»²¹.

Основываясь на неутешительных результатах оперативных игр и учений в 1938 году, новый нарком ВМФ командарм 1 ранга М.П. Фриновский в своем приказе № 010 от 17 января 1939 года отметил, что «оперативно-тактическая подготовка командного и начальствующего состава флота и авиации стоит на низком уровне»²². Он потребовал обратить особое внимание на оперативно-тактическую подготовку командного состава, прежде всего командиров соединений, а также штабов²³. К последним как к органам боевого управления у наркома ВМФ имелись отдельные пре-

тензии: он приказал, чтобы их подготовка была направлена «на привитие твердых практических навыков правильно оценивать обстановку, производить оперативно-тактические расчеты и грамотно составлять оперативные документы».

17 января 1939 года М.П. Фриновский утвердил «План учебных мероприятий по оперативно-тактической подготовке на 1939 год». Этот план, разработанный начальником Главного морского штаба флагманом флота 2 ранга Л.М. Галлером, предусматривал проведение целого ряда разнообразных игр и учений, направленных на то, чтобы командиры соединений и частей Балтийского флота получили опыт самостоятельного решения оперативных задач, поставленных командованием. Среди них были: 1) оперативная игра с проработкой всех вопросов тыла; 2) совместная оперативная игра ЛВО и КБФ под руководством военного совета ЛВО; 3) авиационная оперативная игра с проработкой всех вопросов тыла под общим руководством командующего ВВС КБФ; 4) 10-дневный сбор штабов; 5) учение по боевому управлению с фактическим использованием средств связи; 6) полевая оперативная поездка во взаимодействии с ЛВО²⁴.

Наиболее важной для Балтийского флота была двусторонняя оперативная игра на тему «Расширение операционной зоны КБФ в восточной части Финского залива с одновременным содействием флангам наступающей Красной

тенанта Ф.В. Сиверса (11,5 пехотных и 2,5 кавалерийских дивизий) сражалась против немецкой группировки в составе 10-й и 8-й армий. Упорное сопротивление русских войск сорвало планы германского командования по глубокому обходу и окружению всего Восточного фронта.

10 февраля 1945 года на Балтийском море советская подводная лодка «С-13» потопила транспорт противника «Генерал фон Штойбен» (14 660 т.).

12 февраля 1900 года родился В.И. Чуйков, Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), в период Сталинградской битвы — командующий 62-й армией. Умер 18 марта 1982 года. Похоронен в Волгограде на Мамаевом кургане.

12 февраля 1955 года ЦК КПСС и Советом Министров СССР принято постановление о создании в районе станции Тюра-Там Казахской ССР полигона для испытания и отработки межконтинентальных баллистических ракет и запусков искусственных спутников Земли. 15 мая 1957 года с объекта был произведен старт первой межконтинентальной баллистической ракеты. Ныне это космодром Байконур.

14 февраля 1895 года родился А.А. Микулин,

конструктор авиационных двигателей, академик АН СССР (1943), генерал-майор-инженер (1944), Герой Социалистического Труда (1940). Лауреат Государственных премий (1941, 1942, 1943, 1946). Умер 13 мая 1985 года, похоронен в Москве.

16 февраля 1945 года авиация Краснознаменного Балтийского флота потопила в южной части Балтийского моря два транспорта противника «Эмештрон» и «Эрна».

18 февраля 1895 года родился С.К. Тимошенко (г. Измаил), Маршал Советского Союза (1940). Участвовал в Первой мировой войне. Во время Гражданской войны — начдив Первой Конной армии. В 1940 году назначен наркомом обороны. В годы Великой Отечественной войны находился на высоких командных должностях. Дважды Герой Советского Союза (1940, 1965), девятым по списку награжден высшим военным орденом Победы. Умер 31 марта 1970 года. Похоронен на Красной площади.

18 февраля 1945 года в районе г. Мельзак (Восточная Пруссия, ныне Пенезно, Польша) был тяжело ранен и в тот же день скончался командующий войсками 3-го Белорусского фронта генерал армии дважды Герой Советского Союза (1943,

армии», проводившаяся по приказу начальника Главного морского штаба в период с 26 по 28 марта 1939 года. Игра была совместной, с привлечением двух представителей от штаба Ленинградского военного округа, которые предварительно согласовали вопросы своего участия с заместителем начальника штаба КБФ капитаном 1 ранга А.П. Шергиным. Оперативная игра преследовала следующие учебные цели: «1) тренировка в расчетах по операции захвата островов в восточной части Финского залива; 2) отработка организации взаимодействия и боевого управления в операции и в захваченной зоне; 3) производство расчетов и отработка организации по закреплению захваченной зоны; 4) организация огневого содействия флангом наступающей Красной армии; 5) организация боевого питания сил в операции и при дальнейшем их базировании на острова»²⁵.

Не рассматривая ход самой игры, остановимся на главных выводах, сделанных руководством по ее итогам. В действиях «красной» стороны наибольшее количество нареканий вызвала организация высадки десанта. Во-первых, первоначальное решение командующего высадкой о погрузке основных сил на один транспорт было признано неправильным, поскольку в случае его потопления все действия десанта обрекались на неудачу. Лишь после отмены этого решения руководством командующий высадкой более тща-

тельно и серьезно подошел к ее планированию. Отмечались и другие недостатки. В частности, имело место распыление сил и средств на решение второстепенных задач (захват мелких островов Нарви, Соммери и Пенисаари); не в полной мере были использованы легкие и быстроходные плавсредства для захвата островов Лавенсаари и Сейскаари; сама организация высадки десанта на острова и боя за высадку оказалась недостаточно продуманной и нашла слабое отражение в планирующих документах. Штаб командующего высадкой не смог наладить необходимое взаимодействие с другими соединениями, а его начальник нечетко руководил работой своих подчиненных. Высадка десанта, как отмечалось, оказалась слишком растянутой по времени, проходила схематично (бойцы высаживались лишь в гаванях, но не на побережье), а в действиях десантников отсутствовала должная стремительность, не наблюдалась также их слаженность с действиями отряда прикрытия²⁶. В применении авиации «красных» были отмечены плохая согласованность с высадкой сил десанта, ее распыление для ударов по второстепенным объектам (аэродромы, тылы) и слабая концентрация усилий при решении наиболее приоритетных задач (уничтожение линкоров и броненосцев, а также транспортов с десантом противника)²⁷.

Впрочем, у противоположной — «синей» — стороны было выявля-

ло ничуть не меньше недостатков. Организация командования и взаимодействия между частями и соединениями отработывалась поверхностно. Правда, принятие первоначального решения и его оценка проводились в соответствии с БУМСом, решения по обстановке также были признаны правильными. В то же время отмечалось отсутствие инициативы и решительности у командующего объединенным флотом «синих» и «желтых» на всем протяжении действий. По форме и содержанию документация далеко не всегда соответствовала установленным требованиям²⁸.

Подводя итоги оперативной игры, заместитель начальника штаба КБФ А.П. Шергин пришел к выводу, что «учебные цели, поставленные Главным морским штабом, в основном выполнены». Главным достижением игры признавалось то, что она дала хорошую практику командирам и начальникам штабов соединений флота в оценке обстановки, принятии решений и разработке боевых оперативных документов. Был даже сделан вывод, что уровень подготовки командного состава заметно повысился²⁹. Однако тут же указывалось на такой крупный недостаток, сопутствовавший всем играм и учениям КБФ, как плохо отработанное взаимодействие и боевое управление в сложной операции³⁰. Как недоработанные были выделены следующие вопросы: борьба с инженерными сооружениями у мест высадки десанта; боевое уп-

ХРОНОГРАФ

1944) И.Д. Черняховский. Похоронен в Вильнюсе, в 1991 году перезахоронен в Москве. 20 февраля командующим войсками 3-го Белорусского фронта был назначен Маршал Советского Союза А.М. Василевский.

18 февраля 1945 года в «Московском большевике» опубликовано сообщение, что за время Великой Отечественной войны по Красной армии и Военно-морскому флоту произведено 6 156 381 награждение орденами и медалями Советского Союза. Многие воины удостоились нескольких наград. Среди награжденных — представители 182 национальностей и народностей СССР. Разработаны статистические данные о 3 469 337 награжденных бойцах и офицерах. Так, среди них насчитывалось 2 373 068 русских, 482 210 украинцев, 116 043 белоруса, 13 497 азербайджанцев, 26 445 армян, 20 174 грузина, 26 682 узбека, 4027 таджиков, 4608 туркмен, 37 743 казаха, 4857 киргизов, 3198 карелов, 1982 молдаванина, 2028 литовцев, 3392 латыша, 3243 эстонца и много тысяч представителей других народов СССР. Днем ранее «Красная звезда» сообщала, что на 1 февраля

1945 года в Красной армии и на флоте насчитывалось 6418 Героев Советского Союза.

Всего за героические подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, звания Героя Советского Союза удостоены 11 663 человека, 115 из них дважды, трое — трижды. Четырью медалями «Золотая звезда» награжден Г.К. Жуков (1939, 1944, 1945, 1956). Четыре Героя Советского Союза — артиллеристы А.В. Алешин и Н.И. Кузнецов, летчик И.Г. Драченко и командир стрелкового взвода П.Х. Дубинда награждены также орденами Славы трех степеней. В числе Героев Советского Союза этих лет 88 женщин.

19 февраля 1905 года началось Мукденское сражение — крупнейшее сражение Русско-японской войны 1904—1905 гг. между русскими войсками, общее командование которыми осуществлял генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин, и японскими войсками маршала И. Оямы. Завершилось 10 марта поражением и отступлением русских войск. Потери русских составили 89 тыс. человек (в том числе до 30 тыс. пленными), японских — 71 тыс. убитыми, ранеными и пленными.

20 февраля 1795 года родился В.А. Перовский, генерал от кавалерии (1843), граф (1855). Участво-

равление в десантной операции; взаимодействие всех сил и средств, выполнявших эту сложную операцию; техника высадки и порядок подхода десанта³¹.

В марте 1939 года в соответствии с заданием Главного морского штаба на Балтике была также проведена двусторонняя оперативно-тактическая авиационная игра на тему «Взаимодействие ВВС с флотом при выводе и обратном возвращении ПЛ, действующих на морских коммуникациях». Учебными целями, отработавшимися в ходе игры, были: 1) организация совместных действий ПЛ с надводным флотом при форсировании преград; 2) отработка методов по запрещению противнику пользования шхерными фарватерами; 3) отработка ПВО кораблей при их движении вплоть до выхода в Балтийское море; 4) организация оперативной разведки на Балтийском театре³². Вся подготовительная работа была выполнена играющими сторонами с 11 по 16 марта, а сама игра проведена 16—17 марта.

В ходе данной игры проявились следующие недостатки. Слабым местом в действиях командующего «красной» стороной (полковник Н.Т. Петрухин) были признаны оперативные расчеты. Целому ряду авиасоединений, участвовавших в игре, ставились явно непосильные боевые задачи. Например, 61-й истребительной авиабригаде было приказано уничтожить самолеты неприязнительной коалиции сразу на 10

аэродромах, после чего прикрыть от ударов с воздуха переход своего флота. Перед 15-м тяжелым бомбардировочным авиополком ставилось сразу несколько боевых задач: разведка шхер, уничтожение флота «синих», постановка минных банок у выходов из шхерных фарватеров³³. Между тем практика свидетельствовала, что даже решение одной из этих задач (например, уничтожение флота) оказывалось зачастую не по силам не только отдельному авиасоединению (части), но ВВС флота в целом. К тому же Н.Т. Петрухин, разбросав силы на выполнение второстепенных задач, не смог нацелить свою авиацию на решение основной боевой задачи — обеспечение вывода подлодок в Балтийское море³⁴. Истребительная авиация флота была излишне загружена нанесением штурмовых ударов по аэродромам противника, что в общем-то являлось делом армейской авиации.

В работе командующего ВВС «синей» стороны (майор Хныкин) также обнаружилось немало упущений. К примеру, подчиненной ему авиации не удалось выполнить поставленную главкомом задачу действовать по тылам и резервам 1-й армии «красных». Было отмечено также немало недостатков тактического характера в действиях ВВС «синих»: налеты на базы противника производились без прикрытия; бомбардировщики и истребители применялись на малых высотах (это было сочтено

неверным); неудовлетворительно работала служба ВНОС и т.д.

Из опыта проведения авиационной оперативно-тактической игры командующий ВВС КБФ полковник А.А. Кузнецов извлек следующие уроки. В очередной раз было признано, что «недостаточно отработана организация оперативной разведки на театре», а также отмечена слабая организация взаимодействия ПВО кораблей и ВВС при выходе флота из базы и на переходе. Вновь указывалось на плохо отработанные действия по шхерным фарватерам противника.

В период с 14 по 17 августа 1939 года по приказу командующего КБФ флагмана 2 ранга В.Ф. Трибуца на Краснознаменном Балтийском флоте проводилось большое отрядное учение № 1. План этого БОУ был разработан начальником штаба флота (май—октябрь 1939 г.) капитаном 1 ранга А.П. Шергиным еще 8 июля. Общая задача учения формулировалась им как «дневной артиллерийский бой линкоров с линкорами противника на открытом плесе совместно с авиацией и легкими силами флота в условиях широкого применения дымов при использовании быстроходных подводных лодок»³⁵. Более конкретные учебные цели БОУ-1 состояли в тренировке в артиллерийском бою линейных кораблей с ЛК противника в условиях широкого применения дымов; тренировке в использовании быстроходных подлодок во встречном

вал в Отечественной войне 1812 года и Русско-турецкой войне 1828—1829 гг. С 1833 по 1857 год был командиром Оренбургского корпуса. Руководил походом в Хиву. В 1855 году войска под его командованием заняли кокандскую крепость Ак-Мечеть. Был инициатором создания Аральской флотилии. Умер в Алушке 20 декабря 1857 года.

22 февраля 1975 года впервые поднялся в воздух реактивный штурмовик ОКБ П.О. Сухого Су-25.

23 февраля — День защитника Отечества. В 1922—1993 гг. отмечался как День Советской армии и Военно-морского флота. День воинской славы России.

23 февраля 1945 года советское правительство получило послание премьер-министра Великобритании У. Черчилля с приветствием Красной армии в честь ее 27-й годовщины. В своем послании У. Черчилль писал: «Красная армия празднует свою двадцать седьмую годовщину с триумфом, который вызвал безграничное восхищение ее союзников и который решил участь германского милитаризма. Будущие поколения признают свой долг перед Красной армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед...».

В этот же день в устье Финского залива подорвалась на советских минах и затонула немецкая подводная лодка «U-676».

24 февраля 1945 года в районе р. Одер немецкое командование впервые применило реактивные самолеты-истребители типа Me-262 «Ласточка» на советско-германском фронте. Летчики-истребители 2-й воздушной армии дважды Герой Советского Союза майор И.Н. Кожедуб и майор К. Титаренко в воздушном бою на отечественных самолетах Ла-7 уничтожили реактивный самолет противника. Через несколько дней Герой Советского Союза генерал Е.Я. Савицкий и майор П. Околелов также успешно атаковали и сбили реактивный самолет.

24 февраля 1945 года Ставка Верховного Главнокомандования упразднила 1-й Прибалтийский фронт, а его войска включила в состав 3-го Белорусского фронта под названием Земландской группы войск (командующий генерал армии И.Х. Баграмян). Расформирована 3 апреля 1945 года.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОВАНЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

бою надводных сил с противником на открытом плесе; даче практики командирам соединений воздушных сил в совместном ударе по передовому отряду и ЛК противника во взаимодействии с легкими силами, подводными лодками и линкорами; тренировки командиров и штабов соединений в боевом управлении маневренным соединением в дневном встречном бою с противником на открытом плесе³⁶.

Большое отрядное учение было в целом полезным для повышения боеспособности КБФ, хотя и проводилось, как свидетельствуют архивные документы, в более чем упрощенных условиях³⁷ и носило явно выраженный полигонный характер. В ходе него надводные корабли Балтфлота отрабатывали в основном артиллерийские и торпедные стрельбы по морским надводным целям (под ними подразумевались немецкие линкоры. — П.П.)³⁸. Другие задачи, в частности уничтожение корабельным артогнем вражеских береговых укреплений (что так часто приходилось делать в период Советско-финляндской войны) или совместные действия надводных и подводных сил с авиацией КБФ, практически не отрабатывались.

Впоследствии начальник штаба КБФ (октябрь 1939 — сентябрь 1941 гг.) капитан 1 ранга (с 4 июня 1940 г. контр-адмирал) Ю.А. Пантелеев вынужден был признать, что балтийские морские артиллеристы «недостаточно учились стрельбе по береговым целям, годами готовились к боям с морским противником», назвав такой подход «явным упущением»³⁹. Все это, как представляется, приводило к односторонности в боевой подготовке флота, что в скором времени негативно отразилось на общем ходе военных действий и результатах войны с Финляндией на море зимой 1939/40 года.

Своеобразной вершиной деятельности в совершенствовании оперативно-тактической подготовки командного состава КБФ должны были стать общефлотские маневры. Еще накануне проведения БОУ-1, 26 июня начальник Главного морского штаба Л.М. Галлер сообщил военному совету КБФ, что наркомом ВМФ утверждена тема маневров для Краснознаменного Балтийского флота: «Расширение, укрепление и удержание оперативной зоны КБФ в Финском заливе с одновременным содействием флангам наступающей Красной армии в заливе и Ладожском озере при длительных операциях ПЛ у баз про-

тивника и на всем протяжении Балтийского моря по нарушению коммуникаций»⁴⁰.

Основной целью этих маневров, как того требовал нарком ВМФ, должно было стать «овладение дерзкой, смелой и вместе с тем расчетливой тактикой последовательных ударов в наивыгоднейших условиях по частям сил противника и по всей глубине боевых порядков его флота и десанта, ударов по базам и коммуникациям, имея конечной целью полный разгром противника, взаимодействуя в каждом случае наличными средствами: надводными кораблями, подводными лодками, авиацией»⁴¹. Наиболее приоритетной задачей являлась подготовка штабов всех степеней к эффективному выполнению своих обязанностей как органов боевого управления⁴².

Однако после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года военно-политическая обстановка в Балтийском регионе резко изменилась, что побудило наркома ВМФ внести срочные коррективы в текущие планы. Согласно его телеграмме, направленной военному совету КБФ, отныне следовало «отказаться от учений, ограничить районы плавания, частично или вовсе отказаться от выхода в море»⁴³. Нарком порекомендовал перейти к новым, мобильным формам боевой подготовки «применительно к складам вающей обстановке». Боевую подготовку теперь надо было увязать и подчинить требованиям оперативной готовности флота⁴⁴.

Здесь уместно заметить, что большинство учебных задач, запланированных для общефлотских маневров (высадка десанта, поддержка фланга армии артиллерийским огнем, действия ВВС и подлодок на коммуникациях противника), в полной мере отражали номенклатуру боевых действий, которые пришлось вести Краснознаменному Балтийскому флоту в ходе войны с Финляндией зимой 1939/40 года. В связи с этим нельзя не признать, что отмена маневров КБФ отрицательно сказалась на общем уровне боевой подготовки флота, который потерял благоприятную возможность более качественно подготовиться к грядущим боевым действиям.

Как известно, лучшим способом проверки уровня боевой и оперативно-тактической подготовки личного и командно-начальствующего состава, органов управления являются военные действия. Именно в ходе войны отчетливо выясняется, что удалось сделать и чего так и не удалось достичь в

процессе обучения. В данном случае так называемая Зимняя война с Финляндией вскрыла целый ряд серьезных недостатков в проведении боевой подготовки на КБФ в условиях мирного времени.

Свой вердикт по этой крайне важной проблеме вынес непосредственно сам нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов в приказе № 16015сс/ов от 14 февраля 1940 года, где он в первую очередь отметил, что «опыт боевых действий КБФ выявил ряд крупных недочетов, являющихся результатом недостаточной подготовленности флота и отдельных его частей по целому ряду вопросов»⁴⁵. Далее нарком изложил наиболее важные, на его взгляд, недостатки, существенно повлиявшие на результативность боевой деятельности Балтийского флота.

Во-первых, отсутствовали глубина и перспективность оперативного планирования. В плане были проработаны только начальные действия, по завершении которых последовала настоящая импровизация. Многие артиллерийские и авиационные удары по базам, блокадные действия, минные постановки не были вовремя продуманы, что привело к «потере темпов и перспектив дальнейших действий по окончании выполнения задач, предусмотренных оперпланом». Кроме того, и на начальном этапе военных действий зачастую имели место распыление сил и нанесение ударов сразу по большому количеству объектов без какой-либо целеустремленности⁴⁶.

Во-вторых, нарком подверг критике саму систему предвоенной боевой подготовки, которая допускала значительное упрощенчество и большое количество условностей при проведении учений и маневров. В результате это приводило к тому, что «из года в год на флотах не подошли к сложным видам боевой подготовки (оперативно-тактической и огневой), выполняя преимущественно простейшие упражнения и учения, начиная каждый год боевую подготовку с обучения одиночного бойца и отработки организации»⁴⁷.

В-третьих, при планировании и ведении военных действий обнаружилось «слабое и недостаточное инициативное использование комбинаций тактических приемов при решении боевых задач всеми силами флота». Как правило, они недопустимо упрощались, а взаимодействие сил в большинстве случаев либо отсутствовало, либо осуществлялось неорганизованно и совершенно не отвечало ни обстановке, ни задачам⁴⁸.

И, наконец, самый главный из

названных наркомом ВМФ недостатков, который, на наш взгляд, обусловил появление большинства других, – это сильный отрыв боевой подготовки флота в мирное время от тех оперативных задач, что пришлось решать в условиях реальной войны. Иными словами, подготовка мирного периода совершенно не была ориентирована на войну и ни в коей мере не соответствовала современным требованиям.

Нарком ВМФ указал также на слабую подготовку штабов всех уровней как органов планирования и боевого управления. Из-за частой смены их сотрудников имели место низкая штабная культура, недостаточная инициатива в добывании материала, просчеты в организации и управлении военными действиями. Особенно плохо обстояло дело с постановкой в штабах разведывательной работы. Основными недостатками в данной области были «оторванность разведки от вопросов непосредственного обеспечения боевой деятельности кораблей, частей, соединений, ненацеленность разведывательной работы применительно к задачам, которые придется решать, и к районам театра, в которых придется действовать данному соединению»⁴⁹. Разведывательные сведения в мирное время в штабах не накапливались, не систематизировались и не анализировались. Театр военных действий или не изучался вовсе, или же изучался в целом, а не применительно к задачам того или иного соединения⁵⁰.

Опыт боевого применения сил флота в войне с Финляндией анализировался на совещании командно-начальствующего состава КБФ 13–14 марта 1940 года, в котором принимал участие 1-й заместитель наркома ВМФ флагман флота 2 ранга И.С. Исаков. Выступавшие на совещании командиры и политработники отмечали многочисленные недостатки в управлении боевыми действиями и боевой подготовке флота. По итогам совещания был собран обширный фактический материал и сделаны важные выводы, незамедлительно доложенные затем наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецову. Об уроках Советско-финляндской войны говорил также и сам нарком Н.Г. Кузнецов на заседании военного совета КБФ в апреле 1940 года, где он указал на важнейшие причины недостаточно эффективных действий флота. В дальнейшем опыт боевой деятельности флота в войне с Финляндией рассматривался на серии заседаний Главного военного совета ВМФ в апреле–июне 1940 года, на кото-

рых были приняты конкретные решения по улучшению деятельности Главного морского штаба, управлений боевой подготовки, артиллерийского, кораблестроительного, технического, авиации и связи⁵¹. 7 июня 1940 года Главный военный совет ВМФ принял специальное постановление «О коренном улучшении боевой подготовки Флота на основе опыта Советско-финляндской войны». «Боевые действия КБФ, – отмечалось в нем, – выявили целый ряд недочетов в проведении боевой подготовки в условиях мирного времени. К числу основных недочетов относятся:

1. Сезонность боевой подготовки, сводившая подготовку флотов в основном только к действиям в условиях летнего времени, вследствие чего КБФ был недостаточно подготовлен к боевым действиям в зимних ледовых условиях.

2. Недостаточная согласованность боевой подготовки с оперативными задачами флотов, вследствие чего соединения, корабли в мирное время не полностью готовились к выполнению тех задач, которые пришлось им решать в военное время.

3. Упрощенчество боевой подготовки, проведение ее в простых, приближенных к полигонным условиях...

4. Слабое изучение театра военных действий и вероятных противников...»⁵².

Полученный боевой опыт был использован при разработке двух важнейших руководящих документов – «Наставления по боевой деятельности штабов соединений Военно-Морского Флота» и «Временного наставления по ведению морских операций», изданных соответственно 18 июля и 26 ноября 1940 года, учтен в целом ряде новых наставлений и руководств по боевой подготовке и деятельности надводных кораблей, подводных лодок, морской авиации и инженерной службы флота. В результате проведенных командованием ВМФ мероприятий уровень боевой подготовки на флотах, в том числе и на КБФ, был повышен, хотя полностью устранить все недостатки в оставшееся до начала Великой Отечественной войны время так и не удалось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 431. Л. 316.

² Там же.

³ Там же. Л. 318, 344.

⁴ Там же. Л. 344, 347.

⁵ Там же. Л. 318.

⁶ Там же. Л. 282–283.

⁷ Там же. Л. 283.

⁸ Там же. Л. 284–285.

⁹ Там же. Л. 287–288.

¹⁰ Там же. Л. 286.

¹¹ Там же. Л. 288.

¹² Там же. Л. 302–303.

¹³ Там же. Л. 297.

¹⁴ Там же. Л. 297–302.

¹⁵ *Масягин В.П., Якимов С.А.* Офицеры Балтийского флота. СПб., 2003. С. 65.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 118. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 5–6, 8.

¹⁹ Там же. Л. 13–14.

²⁰ Там же. Л. 6–7.

²¹ Там же. Л. 8.

²² Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 56; Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 485. Л. 45.

²³ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 56; *Белокопытов К.Н.* Боевое управление при подготовке и проведении блокады побережья противника, десантных операций по занятию островов и действий ОССБ зимой на льду. Б/м, 1942. (Библиотека ВМА). С. 7.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 11; Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 485. Л. 41.

²⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 492. Л. 3, 36; Д. 488. Л. 29.

²⁶ Там же. Д. 492. Л. 233–234.

²⁷ Там же. Л. 237–238.

²⁸ Там же. Л. 244.

²⁹ Там же. Л. 249.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. Д. 491. Л. 17.

³³ Там же. Л. 27.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Д. 487. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 1–2.

³⁷ Там же. Л. 17.

³⁸ Финский флот в качестве серьезного противника не воспринимался, что приводило к незнанию его сил и возможностей.

³⁹ *Пантелеев Ю.А.* Полвека на флоте. М.: Воениздат, 1974. С. 130.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 486. Л. 1.

⁴¹ Там же. Л. 2.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Ф. Р-1960. Оп. 5. Д. 155. Л. 5.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 20.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 21.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 22, 24.

⁵⁰ Там же. Л. 23.

⁵¹ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 161. Л. 175–179, 188–191, 196–197, 214–227; Оп. 4. Д. 22. Л. 185–189, 196–201, 205–210, 215–219; Д. 23. Л. 156–158, 169, 180, 216, 237, 246.

⁵² Там же. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 171. Л. 27.

ТРАНСПОРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МАНЬЧЖУРСКИХ АРМИЙ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.

ОДНОЙ из главных причин, обусловивших поражение России в Русско-японской войне 1904—1905 гг., явились трудности в транспортном обеспечении мероприятий по созданию группировки войск на Дальневосточном театре военных действий и ее материальном снабжении. Русские армии, расположенные за тысячи километров от основных экономических центров страны, связывала с ними лишь одна, окончательно не достроенная, железнодорожная магистраль. Грунтовая сеть дорог на территории Маньчжурии была развита слабо. В этой связи чрезвычайно важное значение приобретало не только наличие транспортных средств, но и организация движения. Лишь за четыре дня до начала войны на заседании специального совещания при начальнике военных сообщений (ВОСО) Главного штаба выяснилось, что Сибирская железная дорога могла пропускать только шесть пар сквозных поездов, из них воинских — лишь четыре пары¹. Крупным недостатком являлся разрыв железной дороги у озера Байкал, вынудивший в качестве паромов использовать ледоколы «Байкал» и «Ангара», из-за слабой мощности которых с конца декабря до середины апреля грузы и люди могли перевозиться на другую сторону озера только гужевым транспортом по льду².

На протяжении 45-километрового ледового пути через каждые 6 км были построены теплые бараки, а на полпути оборудована станция «Середина» с продовольственным пунктом³.

С началом войны потребность в быстрой переправе людей и грузов через замерзший Байкал резко возросла. Выход был найден: за 15 дней, со 2 по 17 февраля 1904 года, железнодорожными войсками через озеро была построена железная дорога⁴.

Толщина льда составляла около 1,4 м, что давало возможность предполагать, что паровоз сможет по рельсам спуститься на лед и под парами пройти через озеро.

Однако лед на Байкале оказался недостаточно прочным, в связи с чем были произведены расчеты, которые показали, что тяжелые составы при перекате по льду необходимо разделять на две части. Выяснилось также, что по проложенному пути железнодорожные составы можно будет перекачивать лишь повагонно (на расстоянии 100 м от одного вагона до другого) конной тягой.

Целый месяц действовал этот путь по льду, а с наступлением весны был снят. Всего по рельсовой переправе перевезли на восточный берег 2285 товарных и 25 классных вагонов, 65 паровозов⁵. Несмотря на трудности, задача зимней переправы через озеро Байкал была решена. Увеличение количества подвижного состава восточной части Забайкальской железной дороги оказалось весьма своевременным. Была также повышена пропускная способность других железных дорог. Так, уже к 1 апреля 1904 года удалось ввести график движения девяти пар поездов, в том числе воинских — 7 пар, а с июня — 12 пар, в том числе воинских — 8 пар⁶.

Наряду с принятыми мерами по усилению провозной и пропускной способности Забайкальской железной дороги усиливались и средства Байкальской переправы. К весне 1904 года кроме ледоколов для работы на переправе были использованы 6 пароходов и 15 барж, что позволило к концу мая 1904 года значительно усилить провозную способность Байкальской переправы и перевозить через озеро до 10 железнодорожных составов ежедневно.

С увеличением воинских перевозок по всей Сибирской железнодорожной магистрали возникла необходимость ограничить отправку коммерческих грузов. Для этого 6 февраля 1904 года было разработано специальное «Временное положение о порядке производства перевозок невоинских грузов на всех железных дорогах восточнее Сызрани». Согласно этому документу при управлении

Самаро-Златоустовской железной дороги было образовано Самарское распределительное бюро, которое следило за точным исполнением плана перевозок Главного штаба и регулировало невоинские перевозки⁷.

10 февраля 1904 года в Петербурге начал работать особый орган — «Исполнительный комитет по управлению железнодорожными перевозками на Дальний Восток», который координировал деятельность по перевозкам Управления военных сообщений Главного штаба и Министерства путей сообщения. Обязанности председателя комитета были возложены на начальника управления ВОСО Главного штаба, который также принимал меры, направленные на поддержание бесперебойной работы железных дорог и повышение их провозной способности.

Первые затруднения в движении поездов на Сибирской магистрали, возникшие с замерзанием Байкала, привели к тому, что на западном берегу озера накопилось много вагонов с различными грузами, и Забайкальская железная дорога временно отказывалась принимать не только товарные поезда, но и воинские эшелоны.

Грузы невозможно было отправить еще и потому, что товарные эшелоны, шедшие по Сибирской железной дороге, состояли из 30—35 вагонов. Забайкальская же железная дорога из-за особенностей профиля и недостатка паровозов для двойной тяги принимала лишь эшелоны из 20—24 вагонов⁸. Кроме того, поезда железнодорожные составы с артиллерийскими грузами, отправляемые как скорые поезда, нередко превышали установленный для магистрали транзит, что приводило к несвоевременному продвижению остальных поездов.

В результате на 1 июня 1904 года на Сибирской железной дороге оказались задержанными 1800 вагонов, адресованных за Байкал, а к 1 июля их число возросло до 2400. Для ликвидации создавшегося положения 16 июля 1904 года

было приостановлено движение, но желаемых результатов это не принесло. Появились новые причины, по которым нарушались железнодорожные перевозки. Во-первых, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) не возвратила Забайкальской 1000 вагонов, из-за чего последняя не смогла принять весь транзит с Сибирской железной дороги. Во-вторых, японские диверсионные группы организовали ряд катастроф, в результате чего количество задержанных вагонов увеличилось и на 17 декабря 1904 года составило почти 5000 единиц⁹. В-третьих, процветали подкуп и взяточничество. Вместо военных «проталкивалось» множество вагонов, предназначенных для спекуляции. Спекулянтам удавалось провозить свои грузы даже в санитарных поездах, следующих к фронту. Например, генерал Хлыновский, ведавший санитарной частью тыла, занимался спекуляцией мясом, мукой и другими продуктами. В итоге крайне необходимые грузы прибывали на Дальний Восток с огромным опозданием или вообще не доходили до войск. К тому же большое количество груженых вагонов «терялось» в пути. Так, после войны разыскивались 6000 «пропавших» вагонов с грузами. Из них в 1906 году были найдены пустыми 5000¹⁰.

Для упорядочения отправки грузов по железной дороге в действующую армию с конца 1904 года было установлено строгое распределение поездов по видам грузов¹¹, а в целях более полного использования провозной способности всей железнодорожной магистрали стала проводиться отправка полновесных поездов (прицепка недостающих груженых вагонов, догрузка вагонов и платформ), был определен тип ящиков для груза с установкой на платформы. На верхнюю стенку ящиков надлежало грузить предметы, перевозимые на открытых платформах. Формировать эшелоны разрешалось 40-вагонного состава с двойной тягой.

ПРЕДЕЛОМ расчетной пропускной способности Забайкальской железной дороги считали 16 пар поездов. В марте 1905 года был введен график на 17 пар поездов, из них воинских — 9, санитарных — 1, почтово-пассажирских — 1, с углем и дровами — 3, продовольственных для служащих дороги — 1, рабочих для ремонта пути и прочих поездов — 2¹². С 15 сентября того же года график

был распространен на Сибирскую железную дорогу.

Одновременно на КВЖД срок выгрузки товарных поездов сокращался с 24 до 6 ч, затем до 3 ч (было сформировано несколько рот разгрузки, которые размещались на железнодорожных станциях, где производилась выгрузка поездов); под стоянку санитарных поездов назначались отдельные станции со специально уложенными для этого путями; к порожняку санитарных поездов разрешалось прицеплять груженые вагоны.

На театре военных действий (восточнее станции Харбин) за работу железной дороги отвечало управление военных сообщений маньчжурских армий. В его подчинении находились: полевое управление этапами, в функции которого входило учреждение этапов, заведывание полицией в районе железных дорог и гражданское управление (на правах военного губернатора) территорий, которую занимала армия противника (до организации местного управления); полевое дорожное управление, отвечавшее за устройство и содержание военных дорог, эксплуатацию водных путей и железных дорог; полевое управление почт и телеграфов, за исключением войскового и железнодорожного телеграфа; полевое управление транспортов, ведавшее транспортом армий и их формированием. В связи с участвовавшими диверсиями на железных дорогах пришлось привлечь для их охраны до 5000 солдат и офицеров полевых войск (на КВЖД в среднем 1 солдат приходился на 38 км охраняемой линии¹³).

Из таблицы видно, что почти 2/3 прибывших в Харбин поездов — воинские эшелоны, а остальные были с различными грузами. Из Харбина, наоборот, 1/3 всех поез-

дов отправлялась с людьми, а остальные 2/3 — с грузами. Среди последних 64,6 проц. занимали поезда с интендантским имуществом. Увеличение их числа, прежде всего из Харбина, объясняется тем, что полевое интендантское управление заготовило до 85 проц. продовольствия и фуража на театре военных действий, чем сняло огромное количество перевозимого груза из центра и Сибири до Харбина, значительно облегчив работу железных дорог.

Перевозимые войска в пути из Сызрани до Харбина обеспечивались продфуражом из 33 продовольственных пунктов (из них вновь открытых — 14). На КВЖД (южное отделение) было три пункта — в Гунчжулине, Телине и Ляояне с пропускной способностью до 8000 человек в сутки (в Харбине — до 14 тыс. человек)¹⁴.

В ходе войны служба военных сообщений получила значительный практический опыт организации перевозок войск на ТВД, подвоза материальных средств для армии и эвакуации раненых.

Следует отметить также приобретенный опыт по эксплуатации железных дорог узкой колеи на конной тяге. За период войны построили 580 км военно-полевых дорог. Из них эксплуатировалось 410 км, по которым было проведено 60 тыс. т различных грузов, 25 тыс. человек и эвакуировано 75 тыс. раненых и больных¹⁵.

Несмотря на трудные условия ведения боевых действий на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг. и наличие только одной однопутной железнодорожной коммуникации, протяженностью свыше 7000 км, военные сообщения все же справились с перевозкой большого числа войск и предметов военного снабжения из Европейской России.

Таблица

Общий объем перевозок по железным дорогам на Дальний Восток за весь период войны*

Наименование перевозимого груза	Поступило в Харбин		Убыло из Харбина по КВЖД		Примечания
	Количество поездов	В проц.	Количество поездов	В проц.	
Люди	2158 (1 294 566 человек)	41,8	2125	33,0	Остальные направлены на Владивосток
Лошади	1151 (230 269 голов)	22,3	1392	21,6	
Скот			817	12,7	Местные заготовки
Грузы	1856	34,9	2102	32,7	Увеличение за счет местных заготовок

*История Тыла Российских Вооруженных сил (XVIII — XX вв.). СПб.: Управление тыла ВС РФ. ВААТ, 2000. Кн. 1. С. 313.

ВХОДЕ Русско-японской войны неоднократно реорганизованная служба военных сообщений подготовила к эксплуатации и до 4000 км водных путей, проходивших по рекам Амуру, Шилке, Уссури, Сунгари и Ляохе. На водных путях имелось 161 паровое судно и 216 барж общей грузоподъемностью более 46 тыс. т. Из них государству и КВЖД принадлежало всего 20 пароходов и 57 барж¹⁶. Поэтому было разрешено использовать для перевозки войск и воинских грузов частные суда за особое вознаграждение при условии заключения соответствующих договоров. Несмотря на приготовления, фактическое использование водных путей оказалось незначительным. Начальник военных сообщений Приамурского военного округа готовился к перевозке 101 556 т грузов. Были перевезены только 24 570 т. Столь малые объемы речных перевозок, принесшие убыток государству в 400 тыс. рублей (за оплату договоров с частными пароходствами), объясняются, в частности, тем, что из США не было поставлено обещанное России продовольствие¹⁷.

С первых дней войны потребовалось большое количество транспортных средств для перевозки по грунту различных грузов и эвакуации раненых и больных. В связи с этим были созданы корпусные и дивизионные обозы. Однако переформирование восточносибирских бригад в дивизии показало, что недостающий обоз из других военных округов не смог прийти вовремя. Тогда решено было развернуть существовавшие обозные батальоны в армейские транспорты. И тем не менее их количество оставалось незначительным.

В результате военная администрация вынуждена была покупать или нанимать местные арбы с лошадьми, но, несмотря на оплату по повышенным ценам наличными деньгами, это удавалось сделать с большим трудом. Транспортные средства укомплектовывались медленно и в недостаточном количестве.

В использовании гужевого транспорта также имелись серьезные недостатки. Так, в связи с частыми отступлениями войск и быстрым отводом дивизионных и корпусных обозов как можно дальше в тыл поступали требования на экстренный подвоз материальных средств армейскими транспортами. В большинстве случаев такие требования выпол-

нялись, а в это время дивизионные и корпусные транспортные средства бездействовали. Еще более затруднялся подвоз из-за преждевременного отвода в тыл полковых обозов, которые возили запасы, являвшиеся в значительной мере собственностью полков, а также вещи офицеров. Командиры частей проявляли особую заботу о полковом обозе и делали все возможное, чтобы он не попал в руки неприятеля. Однако отвод в тыл полковых обозов приводил к тому, что армейский транспорт, доставив в полк необходимые ему средства, долго не мог найти приемщика.

Имели место и частые нарушения, связанные с тем, что дивизионный транспорт использовался лишь для содержания на колесах самовольно созданных «неприкосновенных» запасов. Таким образом он выпадал из нормальной системы подвоза войсковых грузов. Хотя по этому вопросу неоднократно давались разъяснения и указания, четкого порядка в использовании войскового транспорта добиться так и не удалось.

Для подвоза по грунту требовались значительные усилия дорожных войск. Дорожное управление армий испытывало большие затруднения в работе: не хватало рабочей силы и инструмента. В ходе войны количество саперных батальонов увеличилось в 10 раз, а понтонных — в 4 раза¹⁸. До конца войны были подготовлены 33 грунтовые дороги протяженностью 2987 км и построено 16 067 погонных метров различных мостов. Все дорожно-мостовые работы производились силами железнодорожных войск и саперных батальонов с привлечением местного населения и нарядов от войск¹⁹. Огромное значение для организации движения по грунтовым дорогам имела этапная служба. Однако ее деятельность сопровождалась большими трудностями, обусловленными нехваткой сил, средств и поспешными отходами войск.

В 1897 году в России во время Белостокских маневров впервые были опробованы бензиновые автомобили. Передовые русские военные быстро поняли и оценили значение нового транспортного средства для армии. Перед Русско-японской войной появился ряд книг и статей, в которых авторы считали, что новое средство передвижения вполне пригодно для работы в армии: для транспортных целей, штабной службы, разведки, связи и т.д. На заверша-

ющем этапе войны было опробовано первое автомобильное подразделение в составе 10 машин для перевозки грузов по грунтовым дорогам Маньчжурии²⁰.

Таким образом, в период Русско-японской войны 1904—1905 гг. определилось особое значение военных дорог для обеспечения движения войск, подвоза воинских грузов и эвакуации по грунту. Однако опыт этой войны был недостаточно учтен, и к 1914 году в русской армии так и не создали дорожных частей и дорожных управлений, а техника производства дорожно-мостовых работ в военных условиях не соответствовала новым требованиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Тыла Российских Вооруженных сил (XVIII—XX вв.). СПб.: Управление Тыла ВС РФ. ВАТТ, 2000. Кн. 1. С. 309.

² Зимний перерыв в работе перевозки учитывался японцами, начавшими войну именно в этот период.

³ История Тыла Российских Вооруженных сил (XVIII—XX вв.). С. 310.

⁴ Железнодорожные войска с 1851 по 1941 гг. М.: Главное управление ЖДВ, 1957. С. 53.

⁵ История Тыла Российских Вооруженных сил (XVIII—XX вв.). С. 310.

⁶ Там же.

⁷ 27 февраля 1904 г. распределительное бюро было переведено на станцию Сызрань.

⁸ История Тыла и снабжения русской армии. Калинин: ВАТС, 1955. С. 210.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ История Тыла Российских Вооруженных сил (XVIII—XX вв.). С. 310.

¹² Призванные строить и защищать. М.: ГУ ЖДВ, 1988. С. 18.

¹³ История службы военных сообщений и железнодорожных войск Советской Армии. Л.: ВАТТ, 1953. Кн. 1. С. 48.

¹⁴ История Тыла Российских Вооруженных сил (XVIII—XX вв.). С. 314.

¹⁵ *Опацкий Н.В.* Военно-полевые железные дороги. М.: Трансжелдориздат, 1943. С. 24.

¹⁶ История Тыла Российских Вооруженных сил (XVIII—XX вв.). С. 314.

¹⁷ Там же.

¹⁸ История дорожной службы Советской Армии. Л.: ВАТТ, 1980. С. 51.

¹⁹ *Монахов В., Тихонов В.* Дорожная служба Советской Армии. Л.: ВАТТ, 1981. С. 29.

²⁰ История Тыла Российских Вооруженных сил (XVIII—XX вв.). С. 322.

*Полковник в отставке
М.И. ФРОЛОВ;
полковник в отставке
В.Д. МЕЛЕНТЬЕВ*

Последняя медаль Российской Империи

УНИКАЛЬНОСТЬ этой медали заключается в том, что она первая в мире специально предназначалась для награждения людей, чей труд по планированию и осуществлению перевода вооруженных сил, государственных учреждений и экономики страны на военное положение был сродни подвигам на полях сражений.

17 июля 1914 года* в 18 ч в военные округа ушли телеграммы следующего содержания: «Высочайше повелено привести на военное положение армию и флот и для сего призвать чинов запаса и поставить лошадей согласно расписанию 1910 года. Первым днем мобилизации считать 18 сего июля»².

Российская военная машина начала делать свои первые обороты. 18 июля в 10 ч стены домов в Петербурге и других городах империи запестрели объявлениями о мобилизации. Из приграничных районов, куда ожидалось вторжение противника, а также из крепостей началась поспешная эвакуация государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семей. На сборные пункты при управлениях воинских начальников стали прибывать запасники, которые сводились в команды для пополнения кадровых и формирования запасных частей.

В стране царил небывалый патриотический подъем. Запасники прибыли на сборные пункты в количестве, превысившем на 15 проц. норму, определенную мобилизационным расписанием. Дело в том, что Главное управление Генерального штаба с учетом внутривойсковой обстановки в стране и осторожности ради считало, что на призыв явится только 80 проц. запасников³.

В течение первых двух суток приведенные в боевую готовность кавалерийские соединения и части были выдвинуты на западную границу для прикрытия мобилизационного развертывания, а 19 июля Германия объявила войну России. Вечером того же дня передовые германские соединения (5-й и 6-й германские корпуса⁴) вторглись на нашу территорию в районе Калиша и Ченстохова.

Не везде призыв проходил гладко. Уже на третий день после объявления общей мобилизации из военных округов стали приходиться донесения о беспорядках, возникавших среди запасников в Перми, Кургане, Донской области, Борисове, Орле, Кокчетаве. Запасники собирались толпами, громили винные склады, магазины. Бывали случаи нападения на полицию, не обошлось и без жертв. Излишки людских мобилизационных ресурсов,

**Медаль
«За труды
по отличному
выполнению
всеобщей
мобилизации
1914 года»**

особенно в Казанском и Омском военных округах, сильно затрудняли работу сборных пунктов⁵.

«Об этой первой неделе мобилизации у меня и моих сотрудников осталось впечатление какого-то сплошного кошмара»⁶, — писал в своих воспоминаниях генерал А.И. Деникин, исполнявший в это время обязанности дежурного генерала штаба Киевского военного округа⁷.

Однако в целом мобилизация проходила организованно и в установленные сроки. На восьмой день закончили от мобилизации кадровые пехотные дивизии. Сразу же начались оперативные перевозки войск и их стратегическое сосредоточение. На 15—18-й день мобилизации завершили развертывание еще 35 пехотных дивизий второй очереди.

Полностью же вооруженные силы России закончили мобилизацию на 45-й день. Под ружье было поставлено 3 388 тыс. военнослужащих и более 570 тыс. ратников ополчения. В от мобилизованной русской армии насчитывалось: 1830 батальонов, 1243 эскадрона (сотни) и 908 артиллерийских батарей при 6720 орудиях⁸.

Воистину титаническая мобилизационная работа была успешно завершена. Спустя почти семь месяцев после начала войны в петербургской газете «Новое время» от 16 февраля сообщалось: «12 февраля удостоилось высшего утверждения положение Совета министров об установлении особой наградной медали за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года».

Награждение «мобилизационной» медалью продолжалось в течение 1915 и 1916 гг. На Петроградском мраморном дворе было отчеканено не менее 50 тыс. медалей⁹. Значительное количество медалей было выпущено частными фирмами по заказам награжденных (медали «частного чекана»). Их встречается до дюжины разновидностей по надписям и деталям портрета, но всех их в основном отличает от государственной медали резко вытянутое ушко для подвески на ленту. Частными мастерскими выполнялись по заказам и фразные варианты подобных медалей диаметром 12—16 мм¹⁰.

«Мобилизационная» медаль также стала последней медалью Российской Империи. Продолжалась кровопролитная Великая война. Были громкие победы и позорные пораже-

ния, миллионы убитых и раненых. Впереди был 1917 год... Мужество и героизм русских солдат стали массовым явлением. Достаточно сказать, что Георгиевских крестов всех степеней было вручено около 1 700 тыс. и почти такое же количество Георгиевских медалей. Но эти награды были введены ранее, а новые во время Первой мировой войны в Российской Империи не учреждались.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известен учрежденный значительно позже нидерландский «Мобилизационный крест» (см.: *Лозовский Е.В., Майоров В.В.* Последняя медаль Российской Империи // Петербургский коллекционер. 2003. № 1 (22). С. 18).

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1154. Л. 51—52.

³ *Керсновский А.А.* История русской армии. 1881—1915 гг. М.: Голос, 1994. Т. 3. С. 176.

⁴ Там же. С. 178—179.

⁵ *Авдеев В.А.* Пролог исторической трагедии. Русская мобилизация в июле 1914 года // Воен.-истор. журнал. 1994. № 7. С. 46.

⁶ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. С. 242.

⁷ Дежурный генерал — постоянная штатная должность. До преобразования учреждений Военного министерства, последовавшего в начале 60-х годов XIX столетия, дежурным генералом именовался директор инспекторского департамента Военного министерства, а равно начальник дежурства в армии. Затем должность дежурного генерала была упразднена как в организации мирного, так и военного времени. Восстановлена она положением о полевом управлении войск 1890 г. Дежурный генерал входил в состав чинов полевого штаба действующей армии и заведовал инспекторской, санитарной и военно-судебной частями, а также делопроизводством по вопросам, касавшимся численности и личного состава. В 1891 г. должность дежурного генерала введена и в штаты мирного времени военно-окружных управлений. (см.: *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.* СПб., 1903).

⁸ *Керсновский А.А.* Указ. соч. С. 177, 178.

⁹ *Петерс Д.И.* Наградные медали Российской Империи XIX—XX веков. Каталог. М.: б/и, 1996. С. 275.

¹⁰ *Ченурнов Н.И.* Наградные медали Государства Российского. М.: Русский мир, 2000. С. 664.

Подполковник В.В. МАЙОРОВ

* Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

В «Военно-историческом журнале» уже сообщалось о том, что в соответствии с решением министра обороны Российской Федерации в первой половине 2005 года в г. Санкт-Петербурге будет проведена международная научно-практическая конференция (МНПК) «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем»*. В связи с ее подготовкой в Москве под руководством заместителя начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковника А.С. Скворцова состоялась совещания межведомственной рабочей группы и рабочей группы МО РФ.

В работе межведомственной рабочей группы приняли участие: А.Ф. Строцкий (Совет безопасности РФ); М.И. Ульянов (МИД РФ); генерал-полковник П.А. Лабутин (ЛенВО); полковник В.И. Лазарев (ФСБ РФ); полковник В.В. Ильченко; полковник В.С. Грачев, подполковник Г.Е. Забродченко (МВД РФ); В.И. Забаровский (Минкульт РФ); О.П. Рубль (правительство Санкт-Петербурга); полковник А.А. Кольдюков (МО РФ); М.Ю. Мягков, В.В. Лавров, Г.А. Куманев, А.Н. Кирпичников (РАН); а также полковник Н.М. Тищенко, С.П. Тиханюк (ГУМВС МО); подполковник С.Н. Смирнов (ГлавФЭУ МО); подполковник Э.В. Павлов (ГУВР МО); полковник Г.В. Бабкин (46 ЦНИИ МО); полковник С.Н. Ковалев (ИВИ); полковник С.Л. Коробицын, полковник В.М. Курочкин (ВНК Генерального штаба); полковник И.И. Басик, полковник М.Г. Лёшин, полковник В.В. Ионов, полковник В.М. Кашайкин, капитан 2 ранга А.Н. Спирин (ИВИ); капитан 1 ранга И.А. Анфертьев («Военно-исторический журнал»); полковник А.И. Абакумов, полковник А.П. Харламов (ГАБТУ МО), полковник В.Д. Шукин (ГРАУ МО); полковник медицинской службы А.В. Жарков (ГВМУ МО).

В совещании рабочей группы МО РФ по подготовке МНПК участвовали: подполковник Е.В. Епихин (Сухопутные войска); подполковник О.Л. Подлесный (ВВС); капитан 1 ранга Е.Г. Мачикин (ВМФ); полковник О.В. Безделин (Штаб Тыла ВС); подполковник С.Б. Маслий (РВСН); подполковник А.Л. Боровёнков (Космические войска); подполковник И.В. Плавуцкий (ВДВ); полковник С.Н. Ковалев (ИВИ); полковник С.Л. Коробицын, полковник В.М. Курочкин (ВНК Генерального штаба); подполковник Ю.Н. Федоров (ГРАУ МО); полковник А.П. Харламов (ГАБТУ МО); С.П. Тиханюк (ГУМВС МО); генерал-майор в отставке А.Д. Борщов (ВАГШ); полковник А.В.

Долгополов (ЦВСИ Генерального штаба); полковник Н.И. Никифоров, полковник В.Ю. Русанов, полковник В.А. Гаврилов, полковник В.В. Ионов, полковник В.М. Кашайкин, капитан 2 ранга А.Н. Спирин (ИВИ); подполковник Г.И. Шаповаленко (Воениздат); полковник С.В. Кравченко (РИЦ МО); капитан 1 ранга И.А. Анфертьев («Военно-исторический журнал»).

В ходе совещаний были определены время и место проведения конференции — 29—31 марта 2005 года, г. Санкт-Петербург, Дом офицеров Ленинградского военного округа; клуб Военно-медицинской академии; утвержден порядок проведения мероприятий конференции и заседаний рабочих секций: «Военное дело России и ее соседей в эпоху средневековья (IX—XVII вв.)»; «Военное дело России и ее соседей в новое и новейшее время (XVIII—XX вв.)»; «Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Новые материалы»; «Памятники военного наследия в России и за рубежом»; «Военно-патриотическое воспитание молодежи — опыт и современность»; «Современное военное дело в России. Реформы и национальная безопасность»; «Военная сила в борьбе с терроризмом»; «Военная промышленность и роль науки в системе военной организации государства».

* * *

**ИДЕИ А.Е. СНЕСАРЕВА
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В Военной академии Генерального штаба ВС РФ прошли традиционные снесаревские чтения, посвященные памяти и творчеству выпускника и начальника ВАГШ, видного военного историка и мыслителя генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева.

Открыл научно-практическую конференцию заместитель начальника академии по научной работе генерал-лейтенант А.Я. Черныш. С докладом «Первая мировая война и современность» (через призму впечатлений, идей и выводов А.Е. Снесарева) выступил начальник научного-методического центра отечественной военной стратегии ВАГШ доктор философских наук, профессор генерал-майор в отставке И.С. Даниленко.

Содержательными дополнениями к докладу явились научные сообщения об особенностях снесаревского подхода к исследованию войны, о геополитическом, социологическом, военно-экономическом, военно-демографическом и других краугольных аспектах творчества А.Е. Снесарева при анализе военных событий, о том, как он оценивал отдельных лиц и органы высшего руководства России в Первую мировую войну, о его взглядах на последнюю через призму современности. Как эти, так и иные темы осветили давний популяризатор снесарев-

ского наследия генерал-лейтенант в отставке В.М. Дудник, кандидат политических наук полковник О.Н. Слоботчиков, представитель Географического общества капитан 1 ранга в отставке Г.Н. Руденко, заведующая отделом публикаций архивных документов Российского государственного военного архива Н.С. Тархова и старший научный сотрудник этого архива В.А. Арцибашев, главный редактор «Русского геополитического сборника» Е.Ф. Морозов, публицист Б.Г. Белоголовый и другие участники снесаревских чтений.

* * *

**СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ
В БОЯХ ЗА РОДИНУ**

В центральном музее Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на Поклонной горе открылась фотовыставка «Северный флот в боях за Родину. 60-летию освобождения Заполярья посвящается». Авторы фотоснимков, представленных на выставке, — известные фотокорреспонденты, служившие на Северном флоте, С.Г. Шиманский и И.-Р.-Л. Диамент. На выставке демонстрируются более 120 их работ. Фотоархив С.Г. Шиманского передан в дар музею его семье; фотоработы И.-Р.-Л. Диамента предоставлены на выставку его сыном Л.Р. Диаментом.

Работы специального фотокорреспондента ВМФ С.Г. Шиманского отражают события 1942—1943 гг. на Северном флоте. Сотни снимков были сделаны им для газет «Краснофлотец» и «Красный Флот». На выставке представлены и ранее не публиковавшиеся фотоработы. Основные сюжеты снимков С.Г. Шиманского — тяжелый ратный труд моряков, походы кораблей и подводных лодок, боевые операции морской пехоты, редкие минуты отдыха бойцов. Столь же интересны и уникальны фотоработы И.-Р.-Л. Диамента, в те годы начальника фотобюро политуправления Северного флота. Хронологически после снимков С.Г. Шиманского его работы продолжают летопись истории Северного флота в годы войны и отражают боевые действия в Петсамо-Киркенесской операции, участником которой был сам И.-Р.-Л. Диамент и к 60-летию которой приурочена настоящая выставка.

В результате Петсамо-Киркенесской операции, проведенной войсками Карельского фронта и Северного флота 7—29 октября 1944 года, советские войска продвинулись на запад до 150 км, освободили район Петсамо и северные районы Норвегии; Северный флот потопил 156 вражеских кораблей и судов, авиация уничтожила 125 самолетов противника.

Представленные фотоработы носят не только репортажный, но и высокохудожественный характер. Фотографии сохранили для нас мужественные лица адмиралов, офицеров, матросов, солдат — участников боевых походов, беззаветно добывавших победу над злейшим врагом человечества — гитлеровским фашизмом.

* См.: Воен.-истор. журнал. 2004. № 11.

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ МОРДОВИИ

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. была всенародной войной, при этом одним из проявлений патриотического порыва советского народа, одной из форм его непосредственного участия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками стало ополченческое движение. Инициатива создания массовых ополченческих формирований принадлежала ленинградцам, где уже 30 июня началось формирование Ленинградской армии народного ополчения. 2 июля к созданию народного ополчения приступили в Москве, а 3 июля в своей речи по радио председатель Государственного Комитета Обороны (ГКО) И.В. Сталин призвал к созданию народного ополчения в каждом городе, которому угрожало нашествие врага. 4 июля ГКО принял постановление «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения». Наиболее крупные ополченческие контингенты послали на фронт трудящиеся столичного региона, где в июле—ноябре 1941 года были сформированы 16 дивизий численностью свыше 160 тыс. человек. Ополченческое движение разивалось и в других регионах страны. Так, только в РСФСР ополчение составило около 1 млн. человек. В предлагаемой вниманию читателей статье рассказывается о создании в 1941 году формирований народного ополчения в Мордовии — тогда Мордовской АССР.

НАРОДНОЕ ополчение Мордовии стало создаваться в июле 1941 года на основе решений ЦК ВКП(б), ГКО и СНК СССР. Мордовский областной комитет партии поручил эту работу военным отделам городских и районных комитетов ВКП(б), военкоматам, комсомольским организациям. Секретари первичных партийных организаций получили указание «поставить вопрос на партийных собраниях об организации народного ополчения». С этого момента во всех партийных организациях проходили собрания с одной повесткой дня, причем речь нередко шла вообще о переводе партийной работы на «военный лад». «По вопросам вербовки населения в народное ополчение с коммунистами и комсомольцами были проведены совеща-

ния, — говорится в докладной записке заведующего военным отделом Старо-Синдровского райкома ВКП(б), — а также собрания во всех организациях района, с колхозниками проводились бригадные и общеколхозные собрания. Кроме того, среди колхозников при помощи сил местного актива работниками райкома партии широко развернута массово-разъяснительная работа, что дает немалые результаты по вербовке в народное ополчение»¹.

19 июля 1941 года Мордовский областной комитет ВЛКСМ разослал в свои организации директиву, в которой ставилась задача «немедленно развернуть на всех предприятиях, [в] учреждениях, колхозах, совхозах и МТС вербовку (запись) комсомольцев и несоюзной молодежи в народное ополчение»². Ответственные комсомольские работники, активисты вели разъяснительную работу по вопросам вступления в народное ополчение. Запись проводилась на добровольной основе. Принимались физически здоровые мужчины и женщины, хотя предпочтение отдавалось допризывникам и военным, находившимся в запасе. Оружие получали в Горьком (Нижегород). В задачи народного ополчения входили организация борьбы с десантными и диверсионными группами противника, охрана стратегических объектов, несение патрульно-постовой службы. Боевая подготовка ополченцев велась по программе Всеобуча.

Как в целом проходила работа по формированию народного ополчения, рассмотрим на примере Ковылкинского района, население которого на 1 января 1939 года составляло 59 417 человек. В совхозе «Красная Пресня» в народное ополчение записались 72 человека, в Самаевском совхозе — 22 человека, в птицевхозе — 15 человек, на Лашминском сахарном заводе — 33 человека, на Токмовском — 10 человек. Самое большое количество ополченцев дала железнодорожная станция Ковылкино — 119 человек, самое маленькое — редакция районной газеты «Знамя Ленина». Всего же по району в народное ополчение записались 632 человека³. Это при том, что в районе в эти же дни шла массовая мобилизация граждан призывных возрастов и военнообязанных, находившихся в запасе.

Первым районным ополченческим формированием в Мордовии можно считать ополчение Чамзинского района (14 июля 1941 г.)⁴. Затем было сформировано народное ополчение в селе Лямбиль⁵. 23 июля был создан штаб отряда Рузаевского народного ополчения, состоявший из пяти человек; его возглавил Лукин. Рузаевский отряд состоял из 3 рот, командиром 1-й роты являлся Пономарев, 2-й роты — Ласточкин, 3-й женской роты — Бровкина. Все роты были разбиты на взводы⁶.

В августе в Мордовии началось повсеместное создание отрядов народного ополчения. Это подтверждают и докладные записки, поступавшие в военный от-

К 60-летию Победы

**Г.М. Дирунов – командир
Саранского отряда
народного ополчения
1941 г.**

дел Мордовского обкома ВКП(б) от военных отделов райкомов партии и комсомола. Так, 1 августа 1941 года отмечена массовая подача заявлений в народное ополчение от комсомольцев и молодежи Старо-Синдровского района. 13 августа было создано ополчение в Старо-Шайговском районе, 14 августа — в Красном Узле Ромодановского района и т.д. На 1 сентября 1941 года во всех городах и районах Мордовии были созданы отряды. Например, в городе Саранске в народное ополчение записались 1734 че-

ловека, в Рузаевке — 1500, в Ардатовском районе — 78, в Атяшевском — 191, Атюрьевском — 321, Кадошкинском — 125, Кочкуровском — 215, Больше-Игнатовском — 226, Ичалковском — 146, Больше-Березниковском — 450, Дубенском — 1040, Ельниковском — 226, Zubovo-Полянском — 513, Инсарском — 328, Ковылкинском — 723, Козловском — 169, Краснослободском — 132, Ладлском — 116, Лямбирском — 356, Мельцанском — 363, Пурдошанском — 44, Ромодановском — 212, Рузаевском — 207, Рыбкинском — 151, Саранском — 384, Старо-Синдровском — 50, Темниковском — 458, Торбеевском — 593, Чамзинском — 275, в Ширингушском районе — 340 человек⁷.

Социальной базой народного ополчения Мордовии были рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция, студенты, домохозяйки. В отрядах велика была партийно-комсомольская прослойка. Так, среди 1734 саранских ополченцев насчитывались 549 коммунистов и 294 комсомольца, в рузаевском отряде — 485 коммунистов и 426 комсомольцев. Примерно таким же было это соотношение в Дубенском районном отряде, в Мельцанском, Лямбирском. Всего же в республиканском отряде народного ополчения состояли 12 710 человек, среди них 3711 коммунистов и 3814 комсомольцев⁸.

Одним из наиболее крупных отрядов был Саранский, который начал формироваться сразу же после выступления по радио И.В. Сталина 3 июля 1941 года. К 14 августа уже все организации Саранска имели группы народного ополчения, их личный состав достигал 2138 человек⁹. Надо отметить, что количество членов отрядов постоянно менялось, так как шла массовая мобилизация на фронт. В Саранское народное ополчение вступали рабочие и служащие практически всех предприятий, организаций и учебных заведений города. Даже Верховный Совет Мордовской АССР дал 6 человек. Однако и в столице республики, как и в других ее регионах, на первом месте по количеству ополченцев были промышленные предприятия, государственные и советские организации. В сельской местности процент вступивших в отряды оказался значительно ниже. Так, Саранский пенькокомбинат дал в ряды народного

ополчения 104 человека, Саранская теплоэлектростанция — 28 человек, махорочная фабрика — 40 человек, хлебокомбинат — 49 человек, консервный комбинат — 73 человека, маслозавод — 52 человека и т.д.¹⁰ Можно сказать, что жители города Саранска в массовом порядке вступали в народное ополчение. Об этом убедительно свидетельствуют архивные документы. Из информационной записки отдела партийной пропаганды и агитации Саранского ГК ВКП(б) от 15 июля 1941 года: «Рабочие и служащие горят желанием всеми путями помочь Красной армии и разгромить врага»¹¹.

Обратимся к заявлениям горожан о вступлении в народное ополчение. Например, Муратов Михаил Иванович, 1907 года рождения, пишет: «Настоящим прошу зачислить меня в ряды бойцов народного ополчения. Я являюсь командиром запаса РККА. До того, как я буду направлен в действующую Красную армию, героически отражающую орды оголтелых фашистских людоедов, вероломно напавших на нашу великую Родину, я хочу с сегодняшнего дня быть в строю бойцов всенародной священной Отечественной войны, войны за правое дело трудящихся, за государственную независимость народов великого Советского Союза, войны, в которой кровавый Гитлер найдет себе могилу. А равным образом будет похоронен и фашизм, несущий рабство, нищету, строй варварства и людоедства. 27 июля 1941 г.»¹². В заявлении 55-летнего жителя города Саранска П.М. Велина, работника Наркомторга, указывалось: «Считаю своим долгом вступить в ряды народного ополчения, чтобы не отстать от молодежи, для того чтобы хоть чем-нибудь помочь нашей Родине»¹³. Вот заявление преподавателя педагогического института Ф.В. Тарасова: «Прошу принять меня в народное ополчение, умею метко стрелять, хорошо знаю пулемет и винтовку. Не пожалею сил и жизни за свою Родину. 28 июля 1941 г.»¹⁴. 30 человек из коллектива педагогического института также записались в народное ополчение. Среди них был и заведующий кафедрой истории СССР доцент Магомет Гарифович Сафаргалиев. Можно сказать, что все заявления ополченцев проникнуты патриотизмом, верой в победу над фашизмом, стремлением оказать помощь Красной армии. Нельзя не отметить и того факта, что в народное ополчение записывались и домохозяйки. Из них впоследствии были сформированы уличные группы ополчения. На базе созданных в Саранске групп, взводов, отрядов был сформирован городской сводный отряд народного ополчения, который возглавил Г.М. Дирунов — заведующий военным отделом Саранского ГК ВКП(б)¹⁵.

Помимо сводного отряда в Саранске были сформированы специальные команды ополченцев: команда саперов (П.Ф. Четвергов), команда связи (Н.С. Жигунов), химическая команда (Г.Р. Мальбин), команда сандружины (Е.И. Сертакова).

С 1 августа 1941 года саранские ополченцы начали готовиться в отражении возможного авиадесанта, к борьбе с танками, изучали топографию. 3 августа 1941 года они совершили 16-километровый поход с решением тактической задачи — действия при отражении воздушного десанта противника.

В сентябре 1941 года сложилось тяжелое положение с охраной промышленных предприятий республики. Обком ВКП(б) принял решение привлечь к этому делу отряды народного ополчения. Ополченцы несли охрану железных дорог, наиболее важных объектов в городах и селах, а также патрульно-постовую службу. Например, комсомольцы Zubovo-

Полянкой средней школы охраняли железнодорожные пути, комсомольцы станции Потьма ежедневно осматривали путь на расстоянии 8 километров в обе стороны от станции, ополченцы завода «Дубитель» охраняли железнодорожный мост через реку Вад и рабочий поселок. Нормой жизни для ополченцев станции Рузаевка становились воскресники. Так, День железнодорожника в 1941 году они отметили тем, что заработанные на воскреснике 20 тыс. рублей перечислили в Фонд обороны страны. 10 августа 1941 года проходил воскресник по выгрузке вагонов. К этому времени на станции Рузаевка сложилось тяжелое положение, скопилось множество составов. Рабочих рук не хватало. Ополченцы пришли на помощь. Заработанные в этот день деньги пошли на приобретения подарков раненым бойцам Красной армии.

Наряду с ополчением в Мордовии создавались также истребительные отряды по борьбе с воздушным десантом, шпионами и диверсантами. Например, в Теньгушевском районе по решению исполкома и райкома ВКП(б) еще 10 июля 1941 года были созданы боевые дружины для выявления шпионов, диверсантов и вредителей. В декабре того же года был сформирован истребительный батальон в Темниковском лесхозе. В него вошли 134 человека, командиром был назначен В.С. Суран. Это был самый крупный истребительный отряд на территории республики, который удалось обнаружить по архивным документам. Он мог в нужный момент стать и партизанским отрядом.

Ополчение Мордовии носило многонациональный характер. В него входили как русские, так и лица мордовской, татарской и других национальностей, проживавшие в республике.

Народное ополчение в Мордовии существовало до конца 1942 года. В архивных документах 1943 года каких-либо сообщений о нем не отложилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центр документации новейшей истории Республики Мордовия (ЦДНИ РМ). Ф. 269. Оп. 3. Д. 461. Л. 24.

² Там же. Ф. 956. Оп. 1. Д. 431. Л. 38—39.

³ Там же. Л. 29.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Ф. 269. Оп. 3. Д. 656. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 461. Л. 28.

⁸ Там же. Л. 28.

⁹ Там же. Ф. 333. Оп. 1. Д. 461. Л. 17—18.

¹⁰ Там же.

¹¹ Несмотря на массовое вступление горожан в ряды народного ополчения, по ряду организаций и предприятий число вступивших было не более 5—10 проц. от общего числа рабочих и служащих. Такое положение было, например, на птицекомбинате, мясокомбинате, СарТЭЦ; См.: ЦДНИ РМ. Ф. 333. Оп. 1. Д. 448. Л. 15—17.

¹² Там же. Ф. 237. Оп. 1. Д. 48. Л. 45.

¹³ Там же. Ф. 333. Оп. 1. Д. 258. Л. 60—61.

¹⁴ Там же. Л. 58.

¹⁵ Из биографии Г.М. Дирунова: родился в 1889 г., в 1901 г. окончил сельскую школу, с 1905 по 1910 г. работал на шахте в Екатеринославской губернии. В 1910 г. был призван на военную службу, в марте 1914 г. уволен в запас. Работал вместе с отцом в г. Смоленске каменщиком. В 1914 г. мобилизован и отправлен на фронт, получил чин унтер-офицера. В том же году ранен. В июне 1916 г. попал в плен, находился на территории Австро-Венгрии в лагере «Эстергом», работал на шахте. В плену пробыл до 1918 г. В Красной армии с 1919 г. С 1926 по 1941 г. служил в органах НКВД.

В.М. КОВШОВА

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

ВОЮЮЩАЯ КНИГА

В НАЧАЛЕ Великой Отечественной войны, несмотря на тяжелое положение на фронтах, политработники Красной армии воодушевляли бойцов на ратный подвиг не только личным примером. Они писали историю боевых частей и соединений, которые отражали натиск врага, бережно сохраняя имена героев и описывая их подвиги. В архивах сохранились рукописные книги и альбомы, блокноты с записями, дневники. Так, на Волховском фронте в декабре 1942 года была издана небольшая, но хорошо иллюстрированная фотографиями командиров и бойцов книга о боевом пути 124-й танковой бригады, составленная старшим батальонным комиссаром В.В. Якушиным и старшиной В.Н. Забелиным. В ней подробно рассказывалось обо всех боях, в которых участвовали танкисты с момента формирования бригады в осажденном Ленинграде 22 сентября 1941 года до осени 1942-го, когда приказом командующего Ленинградским фронтом часть была передана в состав 54-й армии и воевала на внешнем кольце блокады. Воюющая книга — летопись тяжелейших сражений в лесисто-болотистой местности прибрежной нежской полосы и Южного Приладожья, героизме и мужестве советских танкистов, которые сражались во имя Победы.

В бригаде было 46 тяжелых танков КВ, 16 бронемашин и другое вооружение. В боях под Урицком и Усть-Тосно ее бойцы, проявив настоящую отвагу, остановили врага на близких подступах к Ленинграду. Многие из них были награждены орденами и медалями, а младший лейтенант Ф. Фомин удостоен звания Героя Советского Союза. Во время боя танк Фомина был подбит. 6 дней экипаж грозной машины во главе с младшим лейтенантом в полном окружении успешно отражал попытки гитлеровцев уничтожить КВ. За это время танкисты под огнем врага сумели отремонтировать машину и не только прорвались через вражескую оборону, но и эвакуировали с поля боя еще один подбитый советский танк.

После проведения боевых операций непосредственно под Ленинградом военный совет Ленинградского фронта поставил перед бригадой задачу переправиться своим ходом по ледовой трассе и поступить в распоряжение командования 54-й армии. В директиве от 30 января 1942 года было сказано: «124-й танковой бригаде выступить в полном составе из района расположения по маршруту: Рыбацкое, Володарский мост, пос. Романовка, Ириновка, Ваганово, Коккорево, переправиться по льду Ладожского озера и поступить в распоряжение командующего 54-й армией, сосредоточиться в районе по его указанию. Переправу через лед боевых машин начать с 31 января 1942 года».

Предстоящий переход был связан с большим риском не только утопить технику, но и погубить людей. Прочность льда для переправы танков КВ была недостаточной. Гидрологической разведкой удалось установить, что толщина льда на Ладожском озере не везде одинакова. На протяжении всего маршрута она колебалась от 55 до 80 см. Между тем давление танка КВ мог выдержать лед толщиной 120—140 см.

Рискованный переход все-таки состоялся. С машин сняли боевые башни, броневые листы, боезапас, погрузили их на специально изготовленные сани, которые цепляли за танки, и своим ходом преодолели Ладожское озеро по ледовой трассе, которую ленинградцы называли Дорогой жизни. Первым совершил переход через скованное льдом озеро танк № 4900 под командованием лейтенанта Семенова и механика-водителя старшины Ларичева.

4 февраля 1942 года все танки закончили переправу и сосредоточились в районе деревни Кобона на южном берегу Ладожского озера. Здесь бригада получила приказ следовать в район станции Погостье и, действуя совместно с частями 198-й стрелковой дивизии, прорвать оборону противника. В книге подробно описываются бои бригады на внешнем кольце блокады Ленинграда в составе 54-й армии Ленинградского, а затем Волховского фронтов.

К декабрю 1942 года, когда книга, изданная скромным тиражом, увидела свет, в 124-й танковой бригаде за героизм и мужество было награждено орденами и медалями 257 бойцов и командиров. В бригаде воевали 455 коммунистов и 214 комсомольцев. Об их подвиге и написали старший батальонный комиссар В.В. Якушин и старшина В.Н. Забелин.

Ю.А. СЯКОВ, кандидат исторических наук
(г. Волхов)

Вклад Н.Л. Кладо в военную науку еще предстоит оценить

НИКОЛАЙ Лаврентьевич Кладо (1862—1919) начал осваивать военное дело в Морском училище, которое окончил в 1881 году. Сложные военные проблемы он постигал затем всю последующую жизнь. В 1886 году Н.Л. Кладо завершил обучение в Николаевской морской академии. Его флотская служба на кораблях была по времени не продолжительной, но ее география обширной: Дальний Восток, Балтика, Черное и Средиземное моря. Основная деятельность — научно-педагогическая.

Уже в молодые годы Н.Л. Кладо высоко оценил результаты и метод исследовательской деятельности генерала от инфантерии Г.А. Леера, творчески применил его в своих изысканиях по военной науке, ее военно-морской проблематике (описание Японо-китайской войны 1894—1895 гг. (1896), записки по морской тактике (1897)).

Первая крупная работа Н.Л. Кладо — «Основы организации морской силы» — вышла в 1899—1900 гг. и представляла собой лекции, прочитанные в Кронштадтском морском собрании, Санкт-Петербургской кают-компании сводных экипажей, Обществе ревнителей военных знаний. Целью ее было желание молодого ученого «представить себе тот идеал, к которому следует стремиться и... выяснить те требования, которые должны быть предъявлены ко всякой правильно организованной морской силе»¹. Фактически Н.Л. Кладо анализирует основы организации флота в военное и мирное время, базирующиеся на основных принципах: «органической связи тактического тела» (эскадры, отряда, корабля), самостоятельности, удобоуправляемости, единстве воли и частной инициативы².

Опыт преподавателя морской тактики в кадетском корпусе, где Н.Л. Кладо излагал основы современного морского дела, позволил ему перейти к серьезным обобщениям на тактическом и стратегическом уровнях. В вышедшей в 1901 году книге «Современная морская война» он описал корабельные средства и типы кораблей, остановился на тактике морского боя, рассмотрел одиночный, эскадренный бой, минные атаки, бой с береговыми укреплениями и бой на реке. В третьей части этой книги — «Значение морской силы» — попытался оперативно обобщить проблемы флота и его задачи. «Стремление к овладению морем, — пишет Н.Л. Кладо, — как главная цель войны на море и сильный, наступательный флот, составленный из эскадренных броненосцев с придачей к нему крейсеров, главным образом броненосных и эскадренных миноносцев, как лучшее средство для достижения этой цели — вот чему учит нас вся история морских войн, вот каких взглядов практически держатся все морские державы»³.

Непосредственно касаясь военных действий, автор утверждает: «Все приведенные выше примеры, которых можно набрать великое множество, должны привести нас к тому, чтобы обоснованно и с гордостью сознавать великое значение морской силы и для такого государства, как Россия»⁴. Этим рассуждения автора не заканчиваются. Он пытается выяснить, каковы же элементы морского могущества государства, его глубинные корни. На примере Англии выделяет три эле-

мента — политику, военный флот и морскую торговлю. Он считает, что для Англии в отличие от других государств развитие морского могущества связано не с отдельными личностями, а с общей логикой государственного строительства, и, исходя из этого, подчеркивает важнейшую закономерность: «Морская сила только тогда может быть прочной, когда сознание о ее важности и необходимости вошло в сознание всего народа»⁵.

Второе издание книги вышло в 1905 году и было дополнено тремя приложениями: о десанте и перевозках войск морем; морскими заметками, помещенными в газете «Новое время» с 29 января по 14 апреля, и статьей «После ухода Второй Эскадры Тихого океана». В этих приложениях Н.Л. Кладо излагает свой взгляд на происходящие события Русско-японской войны, дает прогноз их развития и ряд рекомендаций по улучшению ситуации. За последнюю статью он был уволен со службы на 5 лет, но все эти годы военно-научную работу не прекращал.

С августа 1902 года в «Морском сборнике» начинают печататься «Военно-морские очерки и заметки» Н.Л. Кладо, посвященные трем главным отраслям военной науки — военной истории, стратегии и тактике⁶.

После пятилетнего перерыва, в 1909 году, Н.Л. Кладо возвращается в Николаевскую морскую академию. И сразу же выходят две большие его работы: «Введение в курс военно-морского искусства» и «О приморских крепостях с точки зрения флота».

Первые четыре главы «Введения...» были посвящены теоретическим разработкам вопросов военной науки, получения и внедрения военных знаний.

Свои рассуждения Н.Л. Кладо начинает с понятий военной науки и военного искусства, их разделения и взаимной связи, причем за основу берет философские положения, стадии развития человеческих знаний в военной области. На позитивной стадии развития, считал он, «военная наука представляет из себя объективно достоверное и систематическое знание о военных явлениях со стороны их закономерности или неизменного порядка»⁷. При этом к военным наукам как социальным в узком смысле этого слова следует отнести только знания духовной стороны человека на войне, остальные знания — к военно-техническим областям, входящим в соответствующие технические науки (отрасли военного дела). Группу социальных военных наук, по мнению Н.Л. Кладо, составляют история военного искусства, стратегия, тактика и военная организация. «Военные науки, — пишет Н.Л. Кладо, — едины по существу и цели, по главенствующему в них элементу — человеку, а различаются только по средствам и по обстановке приложения этих средств»⁸. Отсюда можно говорить о «сухопутной» и «морской» науках.

Вторая глава работы посвящена теории и практике в военном деле и соотношению их между собой. Именно теория, по Кладо, делает образцы искусства «бессмертными, давая возможность неизменной сущности этих образцов возрождаться во всех последующих поколениях»⁹. Теоретические положения проверяются практикой и являются отправной точкой для опыта. Совместная работа теории и опыта дает науку.

Затем автор приступает к рассмотрению понятийного аппарата исследования. Он критически оценивает законы, принципы, правила, нормы и т.д. Понятие «закон», по его мнению, требует очень осторожного применения, так как под законами часто понимаются и аксиомы, и гипотезы.

Поскольку «главный элемент, который составляет сущность военных явлений, — это человек и главным образом его моральные качества», то за основу военных наук, считает Н.Л. Кладо, необходимо принимать

свойства человека, которые проявляются в виде принципов¹⁰. Однако принцип — «это лишь основание для рассуждения. Он не дает готовых решений, а лишь помогает рассуждать»¹¹.

Очень интересны и актуальны мысли Н.А. Кладо о «нравственной силе», равнодействующей трех сил: «разума, который решает, воли, которая исполняет, и мужества, которое презирает смерть»¹². Это и обеспечивает в большинстве случаев победу в бою.

Н.А. Кладо завершает главу анализом понятий «правило» и «норма», которые должны обеспечить разумные способы мышления о военных явлениях, применяемых в любых условиях. Принцип усвоения правил и норм автор рассматривает во второй части своего произведения, в главе «Метод разработки и приобретения военных знаний». Научные приемы логического мышления, пишет Н.А. Кладо, следующие: классификация исследуемого материала или явления, т.е. дробление его на части; исследование, уединение его от окружающей среды, в видах облегчения объяснения его сущности и применения правильных путей научного исследования: анализа (индукции), синтеза (дедукции) и аналогии, каждого порознь или, что еще лучше, всех трех последовательно¹³. Путь исследования военного явления лежит через «критико-исторический метод», раскрывающий сущность явления и составляющий основу теории.

Пятая глава «Введения...» касается задач изучения и преподавания истории военного искусства. Поставив перед собой вопрос о необходимости изучения военной истории, Н.А. Кладо отталкивается от понятия «здоровый смысл», которое раскрывает как «умение (способность) правильно оценить обстановку, в которой приходится действовать, и умение (способность) из этого вывести правильный образ действий»¹⁴. По мнению Н.А. Кладо, злейшим врагом здравого смысла является рутина, пособниками которой выступают невежество и лень. Он дает следующие рекомендации борьбы с ней: «а) критическое (научное), а не только практическое познание предмета; в) развития привычки к инициативе — к свободе духа; крайняя осторожность в установлении авторитетов; с) тщательный пересмотр так называемых традиций и критическое к ним отношение»¹⁵.

Успешно бороться с неприятием нового можно, на взгляд Н.А. Кладо, лишь на основе знаний, полученных при изучении истории военно-морского искусства. Автор подчеркивает, что «наш флот благодаря постоянным колебаниям в представлении о его необходимости для страны имел особую судьбу, не совсем похожую на судьбу других флотов — он очень быстро создавался энергией тех редких правителей страны, которые ясно понимали его значение, но еще быстрее он приходил в полный упадок, когда эти лица сходили со сцены»¹⁶.

Большое место в главе уделено критическому анализу деятельности русских флотоводцев и отдельным сражениям. При этом, сравнивая деятельность В.А. Корнилова и П.С. Нахимова, Ф.Ф. Ушакова и Д.Н. Сенявина, Н.А. Кладо описывает, какое влияние оказывает рутина на деятельность первых и как, руководствуясь «свободным здравым смыслом», действовали последние¹⁷.

Рассуждая о русской военной истории, Н.А. Кладо приходит к выводу о необходимости выработки в войсках и во всем народе такого качества, как способность побеждать, которое складывается из ненависти и горячего желания победить своего врага. Для русского народа это качество, по представлению Н.А. Кладо, должно вырабатываться искусственно, так как, по Достоевскому, в отличие от других народов ему присуща «идея всечеловеческого единения, братской

любви». В связи с этим Н.А. Кладо обращает особое внимание на подбор и подготовку личного состава армии и флота. Весьма актуально звучат его слова: «У нас надо на вес золота ценить людей, имеющих особую охоту, склонность к военному делу или хотя бы находящих в нем выгоду... У нас больше, чем у других, гибелен недостаток офицеров, мы не можем допустить, чтобы они бежали со службы — они и так служат неохотно»¹⁸.

Публикуя свой труд, Н.А. Кладо надеялся на отклики с флотов на свои мысли, ожидал замечаний и пожеланий. Но этого не произошло, так как его глубокие теоретические рассуждения слабо проникали в среду практической деятельности флотских офицеров, которая еще не имела достаточного количества представителей с высшим образованием.

В «Морском сборнике» ученый опубликовал статью «О теории военной науки», в которой настаивал, что «теория в военном деле — это исследованный, обобщенный и сведенный в систему опыт всех предыдущих войн...»¹⁹.

Н.А. Кладо отстаивает свои взгляды на наличие и неизбежность «элементов успеха на войне, выведенных, каким бы путем ни делался этот вывод, из совокупности моральных элементов неизменной по своей сущности природы человека, поставленного в условия подготовки и ведения вооруженной борьбы»²⁰.

Работа историка «Этюды по стратегии», вышедшая в 1914 году, посвящена основам стратегии, методу ее изучения и преподавания. Представляет интерес и содержащийся в ней обзор литературы.

В первом этюде автор излагает основные положения о войне, военной науке, военном искусстве и дает план будущего курса стратегии. Он отмечает, что «состояние войны характеризуется тем, что государства решают спор о согласовании своих противоположных интересов, о своих правах или владениях не путем переговоров, обоснованных различными доказательствами юридического свойства, а путем насилия, посредством своих вооруженных сил»²¹. Военное искусство — это умение при подготовке и ведении войны руководствоваться положениями, выработанными военной наукой, которая, по мнению Н.А. Кладо, изучает: свойства отдельных людей и людских масс в условиях войны; опыт предыдущих войн; состояние той техники, что может быть использована на войне. В конечном счете военная наука дает рекомендации о создании и готовности военной силы, способной обеспечить проведение политики силой оружия и предложить пути и способы использования этой силы для достижения победы.

В предложенном плане курса стратегии Н.А. Кладо рассматривает два ее направления: природу войны (теория стратегии) и подготовку и ведение ее (прикладная стратегия).

Второй этюд посвящен теории, которая определяется автором как «исследованный, обобщенный и сведенный в систему (кристаллизованный) опыт всех предыдущих войн и эволюции военного дела в мирное время»²². При этом велика роль познания и высшего образования²³.

В третьем этюде Н.А. Кладо раскрывает метод изучения и преподавания стратегии, называя науку о войне сложнейшей из социальных наук. «Цель стратегии при изучении войны — это найти истинные причины, управляющие военными явлениями, или, по крайней мере, подойти к истине как можно ближе»²⁴. Путь к этому лежит через мысленный анализ событий и нахождение их причин через рассуждения. Методы исследования военных вопросов изложены Н.А. Кладо во «Введении в курс военно-морского искусства». Он выступает противником разделения

стратегии на сухопутную и морскую: «Именно в сознательной совместности действий находится залог их действительного успеха. И если армия и флот разделены стихийно (суша и море) и по применяемым ими средствам, приспособленным к этим стихиям, то для сознательной совместности действий их надо соединить всеми мерами...»²⁵.

В очередном этюде — «Историческом очерке развития стратегии как науки» — Н.А. Кладо обращается к биографическим справкам таких создателей теории стратегии, как Г. Ллойд, А.-А. Жомини и К. Клаузевиц, подчеркивая, что они были выдающимися практиками военного дела и первыми работали над созданием теории стратегии²⁶.

На примере сравнения курсов стратегии Г.А. Леера и З.-В. фон Шлихтинга (пятый этюд) автор показывает, насколько опасно превращать курс в сборник шаблонов и рецептов. Цель курса, по Лееру, «заключается в том, чтобы развить правильное, упорядоченное мышление в области стратегических соображений и явлений и этим путем превратить в каждом запас природного стратегического чутья в сознательное стратегическое чувство, так как это необходимо прежде всего для того, чтобы правильно понимать военные явления, а затем искусно управлять ими, ибо без первого второе невысказано»²⁷. В отличие от Леера Шлихтинг проводит мысль, что «теория — это известная "система", применяемая полководцами на практике.

Н.А. Кладо подверг профессора Императорской Николаевской военной академии А.Незнамова резкой критике за пропаганду «учебника» Шлихтинга в ущерб фундаментальному труду Леера. Он был категорически против мысли, что «высокий» трактат по стратегии (курс стратегии Леера) нужен лишь лицам, поставленным во главе дела подготовки государства к войне, а для остальных офицеров нужен суррогат в виде стратегии Шлихтинга.

Заканчиваются «Этюды по стратегии» анализом морской стратегической литературы. Н.А. Кладо отмечает, что если описательная литература еще имеет место, то анализа морских событий, широких обобщений и выводов еще не было сделано²⁸. Первую попытку предпринял А. Штенцель в 1875—1881 гг. в работе «Ведение войны на море», в которой предполагал разработать общую военно-морскую историю, историю германского флота, завершив теорией ведения войны на море. Автору удалось начать работу только над первой частью, а закончил ее вице-адмирал Кирхгоф накануне Первой мировой войны.

Особое внимание Н.А. Кладо уделяет книге Ф.-Х. Коломба «Морская война. Ее основные принципы и опыт», вышедшей в 1890 году, указывая, что это не курс стратегии, а «ряд исторических изысканий с определенной целью выяснить, что флот на войне должен себе всегда ставить главной целью так называемое обладание морем»²⁹. Он подвергает критике стремление Коломба придать принципам форму правил, нормам — форму шаблона.

Н.А. Кладо подробно исследует и работы А.-Т. Мэхэна «Влияние морской силы на историю», «Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю», «Морская стратегия». По его мнению, эти исторические исследования не имеют ничего общего с курсом стратегии. А.-Т. Мэхэн, как и Ф.-Х. Коломба, не понял сущности войны и не смог определить соответствующие последствия.

Опровергая тезис А.-Т. Мэхэна о соотношении торгового и военного флотов, Н.А. Кладо формулирует задачи флота, которые звучат вполне современно: «Флот ведь предназначен не только для защиты своих торговых кораблей, он обеспечивает свободу сношений морем вообще и защищает морскую торговлю,

хотя бы она велась и на нейтральных судах, и в особенности это важно, если эти нейтральные суда везут груз, необходимый для жизни воюющей страны, или без которого затрудняется ведение войны. Затем флот обеспечивает свои берега от вторжения, дает возможность вторжения со стороны моря на территорию противника и, наконец, главное — он существенно необходим как сила, подготовляющая и охраняющая свободу действий своей армии...»³⁰.

Из русских авторов Н.А. Кладо выделяет В.Ф. Головачева, отмечая глубину его исторических исследований и широту мышления по стратегическим вопросам. Однако этот военно-морской историк тоже не успел дойти до разработки учения о войне на море.

Далее более или менее подробно рассматриваются работы Р. Лабреса, Р. Давелюи, С. Бриджа, Г. Дарриуса и Д. Корбетта. В заключение Н.А. Кладо делает выводы: в морской литературе нет трактатов по стратегии; все морские писатели не прониклись идеей, что существует неизменная природа войны, которая пропитывает все военные явления; увлечение исследованием форм ведения военных действий в конечном счете приводило к рецептам и шаблону; курс стратегии должен основываться на военной истории, включая и историю войны на море.

Первая мировая война помешала Н.А. Кладо продолжить изложение этюдов по стратегии, как это было запланировано. Он переключился на обзор событий на море.

После революции, приступив к разработке курсов «Истории военно-морского искусства» и «Стратегии», он успел создать только первые главы одного и фундаментальное введение другого.

В 1919 году Н.А. Кладо, являясь начальником Военно-морской академии, умер. После себя он оставил обширные труды, имеющие актуальное значение и для современного флота. Его вклад в военную науку еще предстоит по достоинству оценить.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Морской сборник. 1899. № 10. С. 52.
- 2 Там же. С. 54.
- 3 Кладо Н.А. Современная морская война. СПб., 1905. С. 203.
- 4 Там же. С. 226.
- 5 Там же. С. 233.
- 6 Морской сборник. 1902. № 8. С. 19.
- 7 Кладо Н.А. Введение в курс военно-морского искусства. СПб., 1909. С. 33.
- 8 Там же. С. 40.
- 9 Там же. С. 67.
- 10 Там же. С. 86.
- 11 Там же. С. 94.
- 12 Там же. С. 179.
- 13 Там же. С. 202.
- 14 Там же. С. 292.
- 15 Там же. С. 345.
- 16 Там же. С. 349.
- 17 Там же. С. 423.
- 18 Там же. С. 440.
- 19 Кладо Н.А. О теории военной науки // Морской сборник. 1914. № 6. С. 107.
- 20 Морской сборник. 1914. № 8. С. 74.
- 21 Кладо Н.А. Этюды по стратегии. Пг., 1914. С. 8.
- 22 Там же. С. 27.
- 23 Там же. С. 30.
- 24 Там же. С. 56.
- 25 Там же. С. 59.
- 26 Там же. С. 120.
- 27 Там же. С. 131.
- 28 Там же. С. 179.
- 29 Там же. С. 192.
- 30 Там же. С. 213.

Капитан 1 ранга в отставке В.И. КОРЯВКО

«ДОЛГ ЧЕСТИ, БЛАГОРОДСТВО, ХРАБРОСТЬ И НЕУСТРАШИМОСТЬ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СВЯТЫ И НЕРУШИМЫ»

Зарождение и утверждение воинских традиций в Российском флоте

ИЗУЧАЯ историю своего Отечества, без знания которой немислимо понять его настоящее, как и предвидеть его будущее, мы все больше убеждаемся в том, насколько важную роль в ходе общественно- и культурного развития государства Российского играла и играет незыблемость прошедших проверку временем национальных традиций. Наиболее ярко проявляется она в ратной службе во славу Отечества. Древние традиции и обычаи русского воинства еще со времен Святослава Ярославича, Александра Невского, Дмитрия Донского приняли устойчивый характер, преимущество же до сей поры имеют те из них, которые укрепляют дух славных защитников земли Русской.

Суть же их, по словам генерал-фельдмаршала М.С. Воронцова, активного участника войн с Францией и Турцией в начале XIX века, в том, что «долг чести, благородство, храбрость и неустрашимость должны быть святы и нерушимы».

Истинным кладом воинских традиций, их сосредоточением является Военно-морской флот. Будучи составной частью, одним из видов Вооруженных сил, он имеет свои особенности. Сложные условия морской службы, связанной с дальними плаваниями при любой погоде и в любое время года, породили правило «один за всех и все за одного», возникшее еще во времена парусного флота и ставшее одной из замечательных флотских традиций.

На флоте, как ни в каком другом виде Вооруженных сил, большое внимание уделяется проведению торжественных церемоний. Одним из наиболее ярких, унаследованных современным ВМФ России от императорского и советского флотов, остается впечатляющий ритуал подъема флага в праздничные дни. Кроме Андреевского, а на кораблях 1-го и 2-го ранга и крепостного флага-гюйса, кроме так называемых стеньговых Андреевских по торжественному случаю поднимаются еще и флаги расцветивания из комплектов сигнальных.

Жизнь каждого корабля начинается на судостроительном заводе, когда на отвесном ему стапеле с каждым днем вырастает стальная конструкция. Покрываясь обшивкой и обрастая изнутри и снаружи различными деталями, она постепенно превращается в массивный корпус с выступающими в кормовой части гребными валами и надетыми на них гребными винтами, а также подвешенным на кронштейне рулем. Следующий этап — спуск корабля на воду с соблюдением обязательной церемонии — о форштевень уже начинающего движение по наклонному стапелю корпуса разбивается назначенным для выполнения этой ритуальной обязанности почетным лицом бутылка шампанского. Торжественности событию придает стечение большой массы людей — строителей и приглашенных гостей.

Не менее впечатляюще происходит вступление полностью достроенной на заводе боевой единицы в состав ВМФ, когда заводской флаг сменяется военноморским. Этот день становится днем рождения корабля и ежегодно отмечается как корабельный праздник.

Большое значение придается названию, которое присваивается будущему «мореходу» еще во время закладки его корпуса на стапеле судостроительного завода. Как правило, называли корабли именами царствующих особ («Петр Великий», «Екатерина II», «Александр I», «Николай I»), полководцев и флотоводцев («Суворов», «Потемкин», «Кутузов», «Ушаков», «Нахимов»), великих князей («Владимир Мономах», «Дмитрий Донской»), летописных героев («Пересвет», «Ослябя»); многие назывались в честь городов. Подобный принцип, хотя и с соответствующей времени спецификой, соблюдался в советском ВМФ, его преемниками и в нынешнее время. Так, самый мощный тяжелый ракетный крейсер Северного флота известен под именем «Петр Великий», а авианесущий крейсер носит имя выдающегося флотоводца Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова. Большое число кораблей и вспомогательных судов называлось и называется в честь нашей столицы. Например, по просьбе московского правительства был переименован флагман Черноморского флота гвардейский ракетный крейсер «Слава». Теперь он известен как «Москва». Имена городов России носят многие подводные лодки.

Уже более 200 лет соблюдается церемония по случаю перехода через линию экватора. Начало этой традиции положили экипажи шлюпов «Надежда» и «Нева» под командованием капитан-лейтенантов И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, совершавшие первое для русского флота кругосветное плавание (1803—1806).

Особую значимость в морской службе приобрел якорь. Он изображен на лентах матросских бескозырок, кокардах офицерских фуражек, морских орденах, знаках, жетонах. Этот символ являет собой надежду на то, что предстоящее испытание дальними океанскими широтами обязательно завершится успехом, корабль вернется в родную гавань и бросит там якорь.

Любой корабль ВМФ, как бы он ни был насыщен техникой и вооружением и как бы ни был велик, представляет собой весьма ограниченную территорию в сравнении с местом дислокации, например мотострелкового полка или даже батальона. Здесь, если не соблюдать порядок, установленный корабельными правилами, в случае тревоги произойдет невероятная суматоха. На корабле же узаконен следующий порядок: на верхней палубе с кормы на нос можно передвигаться только по правому борту, с носа в корму — по левому; подъем и спуск по трапам верхней палубы и надстроек осуществляется бегом при превосходстве правой стороны над левой. Эта традиция сложилась еще во времена парусного флота.

Всегда привлекает внимание, ласкает взгляд внешний вид военного корабля. Действительно, начиная с верхней палубы, надстроек и до топов (верхней точки) мачт, как правило, все блестяет, сияет чистотой, а каждый предмет выглядит настолько заманчиво, что хочется дотронуться до него, нажать какую-то кнопку, рычаг, педаль. Однако на корабле это недопустимо, ибо может привести к нежелательным последствиям (произвольному запуску механизма, его поломке или к возникновению опасности для себя и окружающих). Бывалым морякам претит всякая вольность на корабле, в том числе и на верхней палубе, выражаемая, к примеру, в том, чтобы садиться на различные верхнепалубные устройства: шпиль, брашпили, лебедки, облокачиваться на планшири, протянутые вдоль борта леера, выбрасывать за борт мусор или плвать в забортную воду, на палубу и т.п. Словом, делать все то, что объясняется отсутствием морской культуры.

На флоте всемерно поддерживается авторитет старшинства. Каждый приходящий на корабль молодой матрос прежде всего учится у своих старших товарищей по возрасту и сроку службы, прислушивается к

их словам и приглядывается к поступкам, следуя принципу: учись у старшего, перенимай его опыт, слушай совета. И немудрено, ведь специфика морской службы, ее сложный и ответственный характер требуют от матроса в самый кратчайший срок постичь ее тонкости, овладеть специальностью, чтобы не быть балластом на корабле. Авторитет старшинства является одной из цементирующих основ сплочения экипажа, его отличной натренированности и отработанности, укрепления дисциплины и поддержания порядка. Разумеется, эта традиция не имеет ничего общего с такой отвратительной крайностью, как дедовщина.

Высок авторитет корабельного офицера. И не только по причине его всесторонней образованности, наличия на его плечах звездных погон. Командирский авторитет создается постоянным колоссальным трудом, кропотливой работой по изучению морских наук, оттачиванию специальных знаний, овладению искусством побеждать на море, а так как каждый офицер имеет подчиненных, то и умением обучать и воспитывать старшин и матросов, постоянной заботой о них.

На корабле командир отвечает не только за боевую подготовку своих подчиненных, но и за их поведение от побудки до отбоя, а после отбоя — за безопасный отдых.

В корабельной обстановке в условиях зависимости безопасности всего экипажа от действий каждого, будь то офицер, старшина или матрос, при исключительной скученности личного состава на весьма ограниченной площади, представляющей собой часть территории России, наиболее обостренными становятся чувство локтя, взаимопомощи, поддержки, готовность пойти в огонь и в воду для спасения попавшего в беду сослуживца. Более чем 300-летняя история ВМФ богата подобными рода примерами.

В апреле 1970 года в Бискайском заливе образец самопожертвования проявил корабельный врач терпящей бедствие атомной подводной лодки К-8 капитан медицинской службы А.М. Соловей. В задымленном от пожара отсеке он передал свой индивидуальный дыхательный аппарат (ИДА-59) матросу, которому незадолго до этого сделал операцию. Матрос выжил, а затем был снят с аварийной лодки судном-спасателем, врач же погиб, отравившись окисью углерода. «Сам погибай, но товарища выручай» — прописная азбука на флоте.

В отечественном флоте получили постоянную прописку примечательные ритуалы. Значительная их часть имела изначально иностранное происхождение, однако со временем приобрела не только национальные черты, но стала удивительно устойчивой, образной и эффективной. Этому во многом способствовала позиция их главного учредителя — Петра Великого. Не отличавшийся особой щепетильностью во взаимоотношениях с иными высокомерными иностранными вельможами, игнорировавшими правила дипломатического этикета, он был весьма принципиален в соблюдении морских международных церемониалов, особенно если речь шла о чести русского флага и России. К примеру, традиционным является взаимное приветствие кораблей приспускаям флага при встрече в море. При этом соблюдается старшинство — первый салютует корабль низшего ранга. Но вопреки существовавшему с давних времен правилу заносчивые представители «владычицы морей» — Великобритания требовали к кораблям королевского флота исключительного почтения, невзирая на ранги. Петр I пренебрег этим капризом: специальным указом запретил российским кораблям унижаться перед британским флагом и предписал строго следовать установленным нормам. Заносчивым англичанам пришлось отказаться от своих амбиций и наравне со всеми обмениваться приветствиями в море.

Петру I принадлежит приоритет традиции производства артиллерийских салютов в дни особых праздников, при посещении иностранных портов, в честь высоких должностных лиц. Для этой цели на современных кораблях устанавливаются специальные салютные орудия. Еще в Морском уставе Русского императорского флота содержался вполне определенный порядок производства салютов с учетом поддержания авторитета и чести Андреевского флага — символа морской мощи России.

Весьма показателен эпизод, происшедший с русской эскадрой под командованием контр-адмирала Маньковского в Адриатическом море в 1910 году и свидетельствующий о бескомпромиссном и трепетном отношении русских военных моряков к чести корабельного флага и достоинству своего Отечества. Когда командующий соединенной австро-венгерской эскадрой вице-адмирал Монтекули не пожелал отдавать положенный салют русским кораблям у крепости Фиуме, то по приказанию своего командующего переместились ближе к выходу с рейда и, хотя силы были явно неравны, под угрозой открытия огня вынудили спешивого Монтекули оказать надлежащее уважение военноморскому флагу России. Ему салютовали и крепостные орудия, и корабельная артиллерия австро-венгерской эскадры. Лишь после этого последней было разрешено сняться с якоря и выйти в море. Выполняя положенный ритуал, на русских кораблях команды стояли в торжественных шеренгах, а оркестр исполнял австро-венгерский национальный гимн; с флагманского корабля Монтекули доносились в ответ звуки национального гимна России.

Главной же в Военноморском флоте всегда считалась традиция победы, корни которой уходят тоже в далекие петровские времена.

Известно, какое значение придавал Петр I флоту при освобождении исконно русских земель на северо-западе государства от шведских захватчиков и какую энергию он вкладывал в строительство кораблей. Но не дожидаясь постройки крупных судов, он громил противника малыми силами, отвоевав у него территорию вплоть до устья Невы.

За первой победой последовали другие: Гангутская (1714), Эзельская (1719), Гренгамская (1720). Благодаря им русский флот добился господства на Балтийском море.

Вторая половина XVIII века принесла крупные успехи на юге. В 1770 году русская эскадра под командованием адмирала Г.А. Спиридова полностью уничтожила турецкий флот в Чесменской бухте, захватив в плен 1 линкор и 5 галер. Затем последовали триумфальные морские сражения, где проявилось яркое дарование выдающегося флотоводца адмирала Ф.Ф. Ушакова, которого уважительно величали морским Суворовым, ведь оба придерживались единых принципов, единой традиции победы: «побеждать врага не числом, а умением» и «врагов не считают — их бьют».

В морских баталиях XIX века родилась морская гвардия. За боевые подвиги в Наваринском сражении (1827) линейному кораблю «Азов» (командир капитан 1 ранга М.П. Лазарев), вступившему в бой одновременно с пятью кораблями турецко-египетского флота и потопившему их, был присвоен кормовой Георгиевский флаг — высшая награда для кораблей «в честь достохвальных деяний начальников, мужества и неустранимости офицеров и храбрости нижних чинов».

Принцип успешно воевать на море и добиваться победы не числом, а умением, ставший нашей незыблемой морской традицией, был продемонстрирован в ноябре 1853 года под Синопом, когда эскадра из 8 кораблей под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова разгромила стоявший в бухте под прикрытием 6 береговых батарей турецкий флот Осман-паши, состоявший из 16 вымпелов.

● ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ●

Чудеса доблести и отваги, безудержное стремление к победе показали защитники легендарного Севастополя во время Крымской (Восточной; 1853—1856) войны, в течение 349 дней сдерживавшие натиск объединенных англо-франко-турецких войск. Беспрецедентное событие в мировой истории. Этот великий подвиг получил свое продолжение во время героической обороны Севастополя в 1941—1942 гг., продолжавшейся 250 дней. Город и его защитники обесценивались подкреплениями, вооружением, боеприпасами, продовольствием и другими видами снабжения, доставляемыми кораблями Черноморского флота. Превозмогая неимоверные трудности, в Севастополь ходили крейсер «Красный Крым», эскадренные миноносцы «Бдительный», «Безупречный», тральщики, катера.

С невероятными трудностями в подобном походе пришлось столкнуться лидеру «Ташкент». 26 июня 1942 года, когда положение осажденного города-героя крайне осложнилось, он вышел из Новороссийска со стрелковой бригадой на борту, в составе которой было 1264 человека — последняя помощь с Большой земли. На переходе в Севастополь корабль неоднократно подвергался налетам фашистской авиации, но умело уклонялся от сбрасываемых бомб, уничтожив 2 самолета; ночью он был атакован торпедными катерами и все же без серьезных повреждений дошел до Камышевой бухты.

Разгрузившись под мощным артобстрелом и взяв на борт 2300 женщин и детей, а также бесценное полотно панорамы «Оборона Севастополя», корабль двинулся в обратный путь. Поскольку предстояли еще более серьезные испытания, экипаж лидера по существующей на флоте традиции надел форму первого срока, а командир, капитан 3 ранга В.Н. Ерошенко, облачился в парадный китель. С самого рассвета начались массивные атаки немецких самолетов, осуществлявшиеся группами (всего их было 86!). Они зависали над «Ташкентом», поливая его огнем из пулеметов и пушек, сбросив 300 бомб. Перегруженный сверх всякой меры, с многочисленными пробоями, через которые поступала вода, «Ташкент» не только двигался вперед, но еще и сражался. Его зенитчики, изнемогая от невероятной усталости и пышущего от орудий жара, били и били по воздушным целям. Подоспевшие на помощь наши истребители отогнали от израненного лидера фашистских стервятников, а корабли, взяв на свой борт пассажиров, отбуксировали его в бухту.

Следуя традиции побеждать, чудеса героизма и мастерства демонстрировали подводники. Так, в составе подводных сил Северного флота воевала ПЛ «С-56». Чтобы попасть в Баренцево море, она прошла от Владивостока 17 000 миль через Тихий и Атлантический океаны, преодолев 8 морей: Японское, Охотское, Берингово, Карибское, Саргассово, Северное, Гренландское и Норвежское. В феврале 1943 года лодка 8 суток находилась в дозоре в условиях сильного шторма. Затем ее обнаружили вражеские противолодочные корабли, подвергнув преследованию и атакам глубинными бомбами. Для повышения скрытности были остановлены все механизмы вплоть до машинок регенерации воздуха. Экипаж начал испытывать кислородное голодание. Но теряя сознание, подводники не покидали боевых постов. И выстояли, хотя два эсминца и пять сторожевиков охотились за ПЛ почти 27 часов кряду, сбросив на нее больше 300 бомб. Во время боевых выходов в море «С-56» под командованием капитана 3 ранга Г.И. Шедрина, впоследствии вице-адмирала, Героя Советского Союза, уничтожила 14 транспортов и кораблей врага, стала гвардейской.

С не меньшим успехом военные моряки сражались на сухопутных фронтах — там, где обстановка требовала особой отваги и геройства. Недаром испытывавшие атаки наших моряков фашисты называли их «черной смертью» и «полосатыми дьяволами». Конечно, не все-

гда, особенно в зимних условиях, краснофлотцы имели на себе морскую форму, но, как правило, перед атакой меняли солдатскую каску на флотскую бескозырку.

В период Великой Отечественной войны по старой боевой традиции возродилась морская гвардия, ставшая преемницей славных подвигов героических кораблей русского флота, в свое время награжденных Георгиевскими флагами. Гвардейскими стали подводные лодки Д-3, К-22, М-171, крейсеры «Красный Крым», «Красный Кавказ» и многие другие корабли (всего 87). В настоящее время гвардейским является флагманский корабль Черноморского флота ракетный крейсер «Москва».

Отгремели бои и сражения Великой Отечественной и Второй мировой войн. Но не столь длительной оказалась послевоенная передышка для Вооруженных сил победившего фашистские орды государства, втянутого в «холодную войну» и гонку вооружений. Это вынуждало политическое и военное руководство страны осуществлять коренные преобразования, в том числе и в ВМФ, прежде всего с учетом боевого опыта на базе новых достижений отечественной науки и техники. На вооружение поступали ракетные атомные и дизельные подводные лодки различного назначения, ракетные корабли и катера, противолодочные корабли, ракетно-авиационная и противолодочная авиация, береговые ракетно-артиллерийские комплексы. Флот стал океанским.

В этих условиях обязательным, переходящим из поколения в поколение стало правило: в совершенстве знать и уметь использовать вверенное оружие, в образцовом состоянии и постоянной боевой готовности содержать каждое заведение, каждый пост, корабль в целом.

Примером самоотверженности при выполнении воинского долга в мирное время служит многочасовая борьба с пожаром экипажа уже упоминавшейся атомной подводной лодки К-8 в Атлантическом океане. К сожалению, не все ее участники были спасены. 52 члена экипажа вместе с командиром капитаном 2 ранга В.Б. Бессоновым остались в отсеках затонувшей лодки.

Столкнувшись с огненной стихией на океанской глубине моряки ПЛ К-219. В результате возникшего в реакторном отсеке пожара на лодке погибли 4 человека. Один из них, матрос С. Преминин, добровольно вызвавшийся отключить атомный реактор в аварийном отсеке, принял героическую смерть, ценой своей жизни предотвратив возможность экологической катастрофы.

Традиционными на флоте стали мужество и отвага, непоколебимая стойкость в решении труднейших вопросов, возникавших в суровых морских походах, при несении боевой службы вдали от берегов родной земли.

За последнее десятилетие Военно-морской флот, к сожалению, лишился многих из былых завоеваний и достижений: почти половину своего корабельного и кадрового состава, первоклассных мест базирования с хорошо оснащенной береговой инфраструктурой, целенаправленного финансирования на удовлетворение потребностей по дальнейшему росту и укреплению боевой мощи. Но все ли так безнадежно и непоправимо в его дальнейшей судьбе? Заметны ли ныне предпосылки к его возрождению и превращению в достойную силу?.. Заметны, и одной из таких предпосылок является неизбежность флотских традиций, а также традиционное, добросердечное отношение к флоту народа.

Несмотря на сложность обстановки, ВМФ живет и продолжает действовать. На флоте происходит смена поколений, но традиции, заложенные нашими предками, не умирают. Твердо следовать им, значит держать слово перед Родиной, быть ответственным за надежную защиту морских рубежей, за решительное отстаивание в любом районе Мирового океана государственных интересов Отчизны.

*Капитан 1 ранга в отставке
В.С. КОРОЛЕВ*

«СКОЛЬ МОЖНО ЧАЩЕ ОСМАТРИВАТЬ... ГОСПИТАЛИ, ЛАЗАРЕТЫ И ЖИЛИЩА НИЖНИХ ЧИНОВ»

Великий князь
Константин
Николаевич

Великий князь генерал-адмирал Константин Николаевич и развитие системы здравоохранения в русском флоте

ПО СУЩЕСТВОВАВШЕЙ традиции второй сын императора Николая I Константин (9(21).09.1827 — 13(25).01.1892) был предназначен к морской службе. Его воспитателем с 1832 по 1853 год был выдающийся военно-морской деятель, мореплаватель, один из организаторов российской науки, ученый-географ, исследователь Арктики адмирал Ф.П. Литке. В августе 1831 года Константину Николаевичу был присвоен чин генерал-адмирала.

В Положении о медицинском департаменте, утвержденном генерал-адмиралом, от его директора требовалось: «Сколь можно чаще осматривать самому лично или лицу, которому доверено будет, госпитали, лазареты и жилища нижних чинов, обращая внимание не только на больных и способы лечения, но и на расположение команд в портах, образ их жизни, занятие, продовольствие пищею, питьем и одеждою, качество продовольственных запасов в магазинах и т.п.». Там же обращалось внимание на необходимость составления медико-топографических обзоров районов плавания, отражающих природные и социально-экономические условия в целях выявления их влияния на здоровье личного состава. В качестве разъяснения последнего указания в Положении говорилось: «Издавать по временам, с утверждением высшего начальства, подробные наставления для руководства частных начальников флота о мерах к охранению здоровья морских чинов и наблюдать, в какой мере выполняются сии наставления как со стороны местных начальников, так и медицинских чинов»¹.

Значительным событием в жизнедеятельности вновь создаваемого парового броненосного флота был выход в свет Морского устава, высочайше утвержденного 11 марта 1853 года. Новый устав был создан при непосредственном участии генерал-адмирала Константина Николаевича. Впервые в Уставе — основополагающем для флота документе — для медиков с высшим образованием был использован термин «врач» вместо «лекарь» в прежних уставах. При этом важным новшеством стала глава «О сбережении здоровья экипажа»². Впервые подробно изложены обязанности корабельного врача в повседневных и боевых условиях, в том числе по ведению специального «Корабельного медицинского журнала», где надлежало фиксировать данные об условиях плавания и обитаемости корабля, сведения о состоянии здоровья команды, предложения по лечебно-профилактическим вопросам, сделанные в адрес командира и медицинского начальства, реакции этих должностных лиц, включая отказы в выполнении профилактических мер с указанием причин, а также «все вообще обстоятельства и наблюдения, могущие послужить к пользе морского врачебного искусства». С содержанием журнала разрешалось знакомиться только командиру и инспектирующим лицам³.

В 1865 году после широкого обсуждения проекта с привлечением независимых экспертов, трехлетней апробации был также утвержден новый Устав для морских военных госпиталей⁴. Составлению его предшествовало «ознакомление с недостатками и потребностями существовавших морских госпиталей посредством исследований и ревизий. Главное в этом уставе: единое управление опытным медиком (главным доктором) врачебной и хозяйственной частью; хозяйственная часть должна быть подчи-

нена «единственно санитарным целям»; расширение самостоятельности врачей в лечебном деле; коллегиальное обсуждение всех сторон хозяйственной деятельности»⁵.

Проведение реформ в области военной службы коснулось и военной медицины. В 1858 году морским врачам было разрешено учреждать ученые медицинские общества, прежде всего в главных военных портах империи: С.-Петербургском, Кронштадтском, Астраханском и в городе Николаевске-на-Амуре. Основной целью их создания было стремление путем обмена опытом повысить уровень научно-практической подготовки морских врачей. Госпитальные врачи на заседаниях общества должны были сообщать результаты своей лечебно-диагностической работы, делиться опытом проведения хирургических операций. От экипажных врачей требовались сведения об условиях плавания, заболеваниях матросов и офицеров в походах, а также о всем достопримечательном, что ими было обнаружено по медицинской линии в других портах империи и за границей с целью «возбудить соревнование между морскими врачами и способствовать распространению среди них научных познаний»⁶.

Первое заседание Санкт-Петербургского общества морских врачей состоялось в декабре 1858 года, председателем был избран замечательный врач и организатор К.О. Розенбергер, которого в 1856 году великий князь утвердил на должность директора Медицинского департамента.

Общества морских врачей сыграли заметную роль в обеспечении профильной подготовки медиков, в совершенствовании форм и методов медицинского обеспечения сил флота⁷.

Генерал-адмирал считал необходимым привлечение медиков флота к участию в издающемся с 1848 года «Морском сборнике». В своем указании председателю Ученого комитета Морского министерства вице-адмиралу Ф.П. Врангелю (1855) он писал: «Рассматривая числа смертности между морскими чинами, желательно бы сравнить оные со смертностью других сословий... Можно бы поискать между флотскими врачами людей наблюдательных и просить сообщить «Сборнику» свои замечания о болезнях между матросами на берегу и в море». В другом письме (1857) в тот же адрес он вновь приглашает врачей к сотрудничеству с «Морским сборником»: «Например... врачи могли бы сообщить наблюдения над болезнями в разных климатах и устройством госпиталей в разных иностранных портах и т.п.»⁸.

И флотские медики откликнулись на призыв генерал-адмирала. В 1849 году в «Морском сборнике» была помещена первая краткая заметка морского врача о дистилровании морской воды, в 1851—1852 гг. появилась большая статья «О морских болезнях», а в ходе Крымской войны — несколько статей, имеющих непосредственное отношение к организации медицинского обеспечения сил флота при ведении боевых действий. Редакция журнала справедливо полагала, что «предупреждение

● ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ ●

болезней на судах... зависит не столько от врача, сколько от судостроителей, капитанов и прочих офицеров флота»⁹. Подобная постановка вопроса о сохранении здоровья моряков актуальна и для настоящего времени.

Кадровая политика в морском ведомстве официально проводилась с учетом преимущественно ученых достоинств, а не старшинства по службе; это касалось и врачей. Для повышения квалификации их прикомандировывали к Медико-хирургической академии (МХА) и медицинским факультетам университетов. Особо успевающих посылали за границу на казенный счет. Сверх жалованья прикомандированные получали из сумм морского ведомства по одному рублю в сутки. При всех формах усовершенствования главное внимание обращалось на специальную военно-морскую медицинскую подготовку. С 1853 года существовал институт флотских стипендиатов в МХА и медицинских факультетах университетов. Существовало положение, согласно которому ежегодно в академию могли определяться по 25 человек с обязательством по окончании учебы отслужить на флоте год за каждый год пользования стипендией. На медицинских факультетах университетов было 50 стипендиатов этого ведомства. Размер стипендии — 71 рубль 40 коп. серебром — составлял ровно половину содержания казенного студента военного ведомства. В 1854 году размер стипендии для морских стипендиатов был увеличен вдвое, но теперь уже требовалось отслужить по два года за каждый год обучения¹⁰.

Круг обязанностей морского врача во время кампании в гигиеническом, судебно-медицинском и чисто санитарном отношении был определен «Санитарной инструкцией для корабельных врачей» (1873), имевший, кстати, раздел «Заметки и ученые работы корабельного врача».

В период руководства Константином Николаевича морским ведомством происходило дальнейшее развитие госпитальной сети, оборудование лазаретов на судах, появление на них бань, бучильников (устройство для кипячения белья с целью очистки его от загрязнений). В отчетах о состоянии здоровья на флоте постоянно отмечалось снижение показателей заболеваемости моряков и, особенно, показателя смертности. Так, если последний показатель в 1855 году достигал 88,73 на тысячу человек, то к 1878 году он снизился до 11,64. В значительной степени уменьшилась и заболеваемость цингой. В числе причин улучшения состояния здоровья необходимо отметить сокращение сроков службы с 25 до 10 лет, отмену телесных наказаний, повышение качества рекрутов благодаря участию в приемных комиссиях морских врачей¹¹. Улучшилось и питание. Оно стало на кораблях трехразовым, в рацион включили чай, а затем и кофе. Количество мяса в суточной норме матросов выросло с 200 до 300 граммов. Была уничтожена «заслуга», т. е. выдача матросам денег за несъеденные во время кампании припасы с целью улучшения питания их на берегу; деньги же тратились фактически на вино. В наиболее крупных портах учреждены комиссии «с целью осмотра и дезинфекции всех помещений морского ведомства», а также для наблюдения за доброкачественностью продуктов питания. В портовых городах создавались комиссии по борьбе с венерическими заболеваниями; первая из них начала действовать в Кронштадте в 1858 году. Налагаемые мировыми судьями по результатам работы комиссии денежные штрафы и аресты на публичных и бродячих женщин за уклонение от обязательных медицинских освидетельствований и за сокрытие венерической болезни привели к значительному снижению среди матросов венерической заболеваемости¹².

Морское министерство регулярно публиковало фундаментальные отчеты о состоянии здоровья на флотах и в длительных походах кораблей. Периодически пересматривались каталоги медикаментов и аптечных припасов для судов¹³. В госпиталях были созданы рекреационные палаты, а при некоторых из них так называемые госпитальные дачи — санаторные отделения. Так, в мае—июле 1878 года по приказу генерал-адмирала были направлены в загородную зону для того, чтобы «иметь возмож-

ность пользоваться чистым воздухом и физическим отдыхом» 449 матросов — участников Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.¹⁴ Не остались без внимания и моряки, уволенные с военной службы в связи с расстройством здоровья: для них открылся Инвалидный дом¹⁵.

В бытность Константина Николаевича во главе морского ведомства медицинской частью флота руководили К.И. Менде (1844—1856), К.О. Розенбергер (1856—1866), Б.И. Буш (1866—1881). Если репутация двух первых, по мнению современников, была безупречна, то результаты проверок служебной деятельности последнего привели к тому, что Буша в конце концов не просто уволили со службы, но за вопиющие факты издоимства лишили дворянства, чинов, орденов и сослали в Томскую губернию¹⁶.

И все же, несмотря на подобные «проколы», медицинское обеспечение флота в годы руководства великого князя Константина Николаевича было на достаточно высоком уровне. Как признание его заслуг в области здравоохранения — избрание великого князя почетным членом Императорской медико-хирургической академии (1850)¹⁷. Таким образом, под непосредственным руководством генерал-адмирала Константина Николаевича были созданы условия для дальнейшего развития теоретических и организационных основ военно-морской медицины, что стало прямым продолжением деятельности основателя российского флота Петра Великого в области сохранения здоровья моряков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 224. Оп. 1. Д. 183. Л. 7—10, 12—14.

² Морской устав. Высочайше утвержден 11 марта 1853 года. Опубликован отдельной книгой — том X Свода морских постановлений. СПб., 1853. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собр. второе. Т. XXVIII. Отделение первое. 1853. СПб., 1854. № 27269. 20 мая.

³ С 50-х годов XX века этот, по нашему мнению, безусловно полезный для дела документ (особенно для моряков ракетно-ядерного флота и всех кораблей в дальних походах) не ведется.

⁴ ПСЗРИ. Т. 40. № 41719, 25 января 1865 г. СПб., 1867. С. 75—106.

⁵ Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. Часть II. СПб., 1880. С. 864.

⁶ Пятидесятилетие Общества морских врачей в СПб. 1858—1908. СПб., 1909. С. 53.

⁷ Общества закрыты в 1919 г. В 1950-х годах в Ленинграде общество военно-морских врачей было возрождено, но на короткое время. Ныне делаются робкие попытки наладить регулярную работу общества, но поддержки со стороны врачей ВМФ это не получило.

⁸ Медицинские прибавления к «Морскому сборнику». 1911. № 5. С. XY.

⁹ Морской сборник. 1860. № 3.

¹⁰ Всего за 25-летний период (1856—1880) на флот поступило 347 врачей; среди них выпускников МХА — 102; медицинских факультетов: Московского — 99, Киевского — 55, Дерптского — 38, Казанского — 29, Харьковского — 22, Варшавского — 1 и Виленской академии — 1. Известно, что выпускники факультетов, начиная с 1870 года, до прибытия к месту своей службы проходили обязательную подготовку в Кронштадтском морском госпитале. ПСЗРИ. Т. 23 марта 1854. № 28281. СПб. Т. XXIX. 1855. С. 520.

¹¹ В настоящее время военно-врачебная комиссия в составе медицинской службы Ленинградской военно-морской базы ликвидирована; ее функции переданы в ведение ВВК округа с включением в ее состав 1—2 морских врачей.

¹² В Кронштадте в 1870 г. было 816 таких больных, в 1874-м — 398.

¹³ ПСЗРИ. Т. 40. № 52713. 26 октября 1873 г. СПб., 1876.

¹⁴ *Рамбах В.К.* Сухопутный поход гвардейского экипажа в Сан-Стефано и обратно в Санкт-Петербург // Медицинские прибавления. СПб., 1879. Вып. № 19. С. 129.

¹⁵ ПСЗРИ. 16 марта 1854. № 28036. СПб., 1855. Т. XXIX. С. 261.

¹⁶ Неделя. 1882. 16 мая. «Генерал-штаб-доктор флота Буш».

¹⁷ История Императорской военно-медицинской академии. 1798—1898. СПб., 1898. Приложения. С. 204.

*Полковник медицинской службы в отставке
В.В. СОСИН*

КОНКУРС

Криптограмма «Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников»

▶	◆	13	22	31	6	11	26	21		17	2	25	5	10	19		22	5	11	22	6	13		3			
27	12	10	21		7	14		7	6	19	2	·	7	6		7	8	31	7	2		24	14	2			
14	31	6	25	7	6	5	7	2	6		3	2	16	3	13	5	6	7	7	2	6		16	16			
17	6		11	10	13	6	18	14	13	8	18	26	...	16	2	11	23	15	14	22		3	26	2			
8		6	2	19	2		15	13	14	16	14	·	14		17	2	30	13	2	1	8	2	5	27			
13	22	10	7	11	2	3	23		7	6	2	16	29	2	25	10	1	26	1	8	1	5	14				
3	3	7	23	14	◆																3	6	13	17			
5	13	6	11	13																	4	17	13	18	23	8	
	6	12	14	10	·																14	2	5	15	·	13	
21	22	2	18	9	5																31	7	6	6	9	23	
26	7	11	6	2	2																25	22	7	7	13		
25	10	19	7	17	4																26	13	7	3	2	15	
31	25	2	6		10																1	7	14	13	13		
14	6	17	19	2	7																	26	22	5	4	14	
4	2			13	15																10			2	16		
	3	6	5	9	2																	24	3	25	5	9	7
13	10	2	2	·	17																	13	6	14	10	2	
6	18	7	4	14	14																	7	18	22	7	3	19
9	17	7	10	11	15																	14	6	13	10	13	2
13		6	7	6	·																	9	1	6	6	2	
2	2	11	25	13	1																	14	11	11		18	
	7	6	8		·																	11	6	23	5	3	14
6	23	25	18	29	16	·	5	2	16	14	13	15		5	2	4	10	7	23	7	7		11	16			
16	11	6	13	10		27	10	7	6	11	17	6	18	4	8		4				22	10	2	5	8	2	
6	6	18	2	3		13	2		22	3	13	6	8	16	6	18	13				23	13	3	2	31	13	
3	13	17	2		23	13	3	6		2	13	·	6	11	6	25		1	2	7	7	6	6	7			
	14	24	22	16	2		10	13	3	2	7	23	11	6	13	22	6	25				21	2	7	16	10	
23	13	14	25	13	2		7	6	31	11	2	25		1	2	13	30				5	10	·	14	4		

Б.М. ШАПОШНИКОВ
(1882 - 1945)

Ключевые слова.

- Военно-учебное заведение, в котором в 1901—1903 гг. прошел курс обучения Б.М. Шапошников, а имя его было занесено на мраморную доску — 1, 2, 3, 4, 2, 5, 3, 4, 2, 6/5, 2, 6, 7, 7, 2, 6/8, 9, 10, 11, 10, 12, 6.
- Город, где дислоцировался стрелковый батальон, в который для прохождения службы был направлен подпоручик Б.М. Шапошников — 13, 14, 15, 4, 6, 7, 13.
- Воинское звание, присвоенное Б.М. Шапошникову за отличные успехи в науках по окончании в 1910 году основного и дополнительного курсов Императорской Николаевской военной академии — 15, 13, 14, 16, 3 — 4, 14, 17, 10, 13, 14, 7.
- Подразделение 1-го стрелкового Туркестанского полка, в цензовое командование которым (подразделением) вступил Б.М. Шапошников по окончании Императорской Николаевской военной академии — 18, 2, 13, 14.
- Название битвы Юго-Западного фронта, в которой в должности старшего адъютанта 14-й кавалерийской дивизии участвовал Б.М. Шапошников — 19, 14, 11, 10, 20, 10, 21, 3, 4, 14, 22/16, 10, 13, 5, 14.
- Должность, на которую во 2-й казачьей Туркестанской дивизии в мае 1916 года был назначен Б.М. Шапошников — 7, 14, 9, 14, 11, 23, 7, 10, 4/15, 13, 14, 16, 14.
- Воинское звание, присвоенное Б.М.

- Шапошникову в августе 1917 года — 17, 2, 11, 4, 2, 5, 7, 10, 4.
- Соединение, начальником которого в декабре 1917 года съезд делегатов военно-революционных солдатских комитетов избрал Б.М. Шапошников — 4, 14, 5, 4, 14, 24, 3, 4, 14, 22/19, 18, 6, 7, 14, 25, 6, 18, 3, 4, 14, 22/25, 10, 5, 10, 24, 10, 22.
- Должность Б.М. Шапошников в Штабе РККА в феврале 1921 года — 17, 6, 18, 5, 26, 21/17, 2, 1, 2, 12, 7, 10, 4/7, 14, 9, 14, 11, 23, 7, 10, 4, 14.
- Орден, которым в октябре 1921 года был награжден Б.М. Шапошников — 4, 18, 14, 3, 7, 2, 19, 2/24, 7, 14, 1, 6, 7, 10.
- Должности Б.М. Шапошников:
  - с мая 1927 года — 4, 2, 1, 14, 7, 25, 8, 27, 12, 10, 21/5, 2, 21, 3, 4, 14, 1, 10/1, 2, 3, 4, 2, 5, 3, 4, 2, 19, 2/5, 2, 6, 7, 7, 2, 19, 2/2, 4, 18, 8, 19, 14;
  - с мая 1928 года — 7, 14, 9, 14, 11, 23, 7, 10, 4/15, 13, 14, 16, 14/18, 4, 4, 14;
  - с апреля 1932 года — 7, 14, 9, 14, 11, 23, 7, 10, 4/10/4, 2, 1, 10, 3, 3, 14, 18/5, 2, 6, 7, 7, 2, 21/14, 4, 14, 25, 6, 1, 10, 10/10, 1, 6, 7, 10/1/5/28, 18, 8, 7, 24, 6.
- Воинские звания, присвоенные Б.М. Шапошникову:
  - в ноябре 1935 года — 4, 2, 1, 14, 7, 25, 14, 18, 1/17, 6, 18, 5, 2, 19, 2/18, 14, 7, 19, 14;
  - в мае 1940 года — 1, 14, 18, 15, 14, 11/3, 2, 5, 6, 13, 3, 4, 2, 19, 2/3, 2, 27, 24, 14.

13. Высший орган стратегического руководства ВС СССР в войне, в состав которого 10 июля 1941 года вошел вновь назначенный начальником Генерального штаба Красной армии Б.М. Шапошников — 3, 13, 14, 5, 4, 14/5, 6, 18, 29, 2, 5, 7, 2, 19, 2/4, 2, 1, 14, 7, 25, 2, 5, 14, 7, 10, 22.

14. Военно-учебное заведение, которому в октябре 1942 года было присвоено имя Маршала Советского Союза Б.М. Шапошников — 17, 6, 18, 5, 2, 6/17, 6, 29, 2, 13, 7, 2, 6/13, 14, 1, 16, 2, 5, 3, 4, 2, 6/4, 18, 14, 3, 7, 2, 24, 7, 14, 1, 6, 7, 7, 2, 6/8, 9, 10, 11, 10, 12, 6.

15. Должность, на которую в июне 1943 года был назначен Б.М. Шапошников — 7, 14, 9, 14, 11, 23, 7, 10, 4/5, 26, 3, 15, 6, 21/5, 2, 6, 7, 7, 2, 21/14, 4, 14, 25, 6, 1, 10, 10/10, 1, 6, 7, 10/4/6/5, 2, 18, 2, 15, 10, 11, 2, 5, 14.

16. Работы Б.М. Шапошников, посвященные обобщению опыта Первой мировой и Гражданской войн, вышедшие в свет:

в 1923 году — «4, 2, 7, 7, 10, 20, 14»;
в 1924 году — «7, 14/5, 10, 3, 11, 6».

17. Одна из глав труда Б.М. Шапошников «Мозг армии» — «30, 4, 2, 7, 2, 1, 10, 4, 14/10/5, 2, 21, 7, 14».

18. Известный историк, член-корреспондент АН СССР, автор труда «О войне и военной истории», где есть раздел «Б.М. Шапошников как военный историк» — 17/14/31, 10, 11, 10, 7.

Расшифровав криптограмму, вы прочтете извлечение из труда Б.М. Шапошников «Мозг армии», посвященного обобщению исторического опыта генеральных штабов Германии, Австро-Венгрии, Франции и России.

**Автор криптограммы
полковник в отставке
А.С. ЖДАНОВСКИЙ**

* * *

Уважаемые читатели!

Приславший наибольшее количество правильных ответов на криптограмму получит приз — книги: Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало (22 июня — 31 августа 1941 г.). М.: Русь, 2000. 717 с.; Т. 2. Кн. 2. Начало (1 сентября — 31 декабря 1941 г.). 699 с. (см. 3-ю страницу обложки журнала).

Пожалуйста, указывайте фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, адрес (для школьников, студентов и курсантов дополнительно — адрес учебного заведения и фамилию, имя, отчество его руководителя).

Сведения о победителях и ответы будут опубликованы: на криптограмму «Швейцарский поход А.В. Суворова — 205 лет» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 10) — в № 3 (март) 2005 года; на викторину «Военная история Санкт-Петербурга» (№ 11) — в № 4 (апрель) 2005 года; на криптограммы «1914 год на Восточно-Европейском (Русском) театре военных действий» (№ 12) — в № 5 (май) 2005 года; «Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция (13 января — 25 апреля 1945 г.)» (2005. № 1) — в № 6 (июнь); «Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников (1882—1945)» (№ 2) — в № 7 (июль).

Ответы на кроссворд «Отечественная война 1812 года» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 9). По горизонтали: 5. Олсуфьев; 6. Раевский; 9. Каска; 10. Гренадерка; 11. Война; 14. Беляев; 15. Комета; 16. Волков; 19. Горжа; 20. Фриан; 25. Бурмин; 26. Банник; 27. Фигнер; 30. Ожеро; 31. Лажечников; 32. Ившин; 33. Батюшков; 34. Коленкур. По вертикали: 1. Рославлев; 2. Ледрю; 3. Ташка; 4. Жуковский; 7. Антонов; 8. Вентерь; 12. Неверовский; 13. Бортнянский; 17. Княжнин; 18. Андреев; 21. Лихачев; 22. Никитин; 23. Лермонтов; 24. Ментишкет; 28. Багор; 29. Носов.

Победителем этого конкурса стал Павел Федорович Семенов, инженер (п. Сякстрыой Ленинградской обл.). Он получает книгу: Давыдов Ю. В. Три адмирала. М.: Известия, 1996. 447 с., ил.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемая редакция
«Военно-исторического журнала»!
Пишу вам от имени и по поручению читателей библиотеки войсковой части 55796. С удовольствием читаем ваш журнал. Считаю его одним из лучших изданий, освещающих историю. Публикуемые в нем статьи отличаются глубиной излагаемого материала. Особой популярностью у служащих по призыву пользуются выпуски «Молодежного военно-исторического журнала». Проводя обзор журнала в конце 2003 года, я обратила внимание своих читателей на публикации В. В. Шгины «Тайна Георгиевского монастыря» (№ 8—11), Е. Р. Ольховского «Войной в Скандинавии оборванный роман» и др. Они многих заинтересовали. Некоторые статьи настолько интересны, что включаю их в список для информирования личного состава.

Е. И. ГАМАГИНА
(г. Морозовск Ростовской обл.)

Уважаемая редакция!
От всей души благодарю за оценку моего участия в конкурсе. Не скрою, было приятно получить приз победителя! Подписку на журнал на первое полугодие нового, 2005 года, я оформил, так как приближается 60-летие нашей Великой Победы. Будем вместе! Желаю редакции творческих успехов в освещении нашего доблестного военного прошлого, вызывающего гордость от принадлежности к великому государству и столь же великому народу!
С уважением,

В. В. АЛЕКСЕЕВ,
ученик 10 класса, 16 лет
(г. Элиста, Калмыкия)

Уважаемая редакция!
Ваш журнал приходит к нам с опозданием (№ 10 получили 2 ноября 2004 г.). Я участвую в ваших конкурсах 2-й раз, поэтому прошу учитывать при подведении итогов особые условия для иногородних.

Л. Б. ХАМИКОВ
(г. Узловая Тульской обл.)

НОВАЯ КНИГА О ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА

Появление каждой новой работы, посвященной роли офицерского состава в военном строительстве и общественной жизни страны, представляет большой интерес. Заслуживает самого пристального внимания читателей и не так давно увидевшая свет книга об офицерах-балтийцах*. Примечательна она в первую очередь исследованием вопросов, не получивших достаточно глубокой разработки в исторической литературе, а также попыткой ее авторов комплексно подойти к освещению избранной темы. Офицерский состав как социальная общественная группа рассматривается в ней в развитии, при этом каждый раз глубоко оценивается конкретная историческая обстановка. Трехвековой период истории Балтийского флота позволяет сделать вывод о том, что эффективность его применения в различные эпохи определялась в основном наличием прозрачной государственной политики как в области строительства и использования флота, так и в сфере подготовки офицерского корпуса. Здесь, на Балтике, одновременно с началом строительства регулярного флота в XVIII веке создавалась и национальная школа офицерского состава с твердой правовой основой, формировалась система социальных прав и гарантий, зарождались важнейшие традиции.

Центральное место в книге и по объему, и по значимости занимают главы и параграфы, посвященные эволюции системы военно-профессиональной подготовки офицерского состава флота со времен Петра Великого. По выводам авторов, организационные формы подготовки офицеров определялись необходимостью защиты национальных интересов и обеспечения безопасности страны.

К началу XX века подготовка офицерского корпуса продолжала отвечать духу преемственности и носила традиционный характер. Последовавшие затем социально-политические и идеологические потрясения подвергли флотский офицерский корпус серьезным испытаниям. Тем не менее авторы сделали вывод, что, несмотря на целый ряд политических и организационных ошибок, допущенных руководством СССР непосредственно накануне Великой Отечественной войны, сложившаяся к концу 30-х годов прошлого века система подготовки офицеров обеспечивала потребности в них Балтийского флота.

Естественно, что процесс обучения и воспитания офицерских кадров в условиях военного времени заметно отличался от аналогичного процесса, осуществлявшегося в мирной обстановке. В этой связи период 1941—1945 гг. занимает особое место в военной истории страны. В эти годы на Балтийском флоте был накоплен значительный опыт подготовки ко-

* Масягин В. П., Якимов С. А. Офицеры Балтийского флота: Науч. изд. СПб.: Издат. дом «Измайловский», 2003. 176 с., ил.

Обложка книги

мандиров в экстремальных условиях.

Глубоко актуален и воспитательный аспект книги. Авторы справедливо акцентируют свое внимание на роли воинских традиций и ритуалов в формировании морально-психологических качеств офицеров флота. Так, показан процесс усиления действия морских собраний и кают-компаний, обстоятельно анализируется сущность нравственного просвещения морских офицеров, направленного на решение главной задачи — верности своему гражданскому и воинскому долгу.

Заключительная глава посвящена военно-профессиональной подготовке морских офицеров в условиях военной реформы, в ходе решения боевых задач на Северном Кавказе, в период вывода сил и средств флота из стран Балтии, актуальной проблеме сохранения традиций и обеспечения преемственности офицерского корпуса. При этом авторы, ориентируясь как на научную, так и практическую направленность своего труда, не ограничились изучением и анализом архивных источников, но и произвели ряд социологических исследований, дали несколько деловых рекомендаций. Заслуживают особого внимания, например, «Проект кодекса чести офицера флота» (приложение 4. С. 163—165) и «Положение о кают-компании офицерского состава» (приложение 5. С. 165—169).

Книга, к сожалению, не лишена отдельных недочетов. Некоторые главы описательны, излишне перегружены второстепенными подробностями и деталями. Наблюдается также неравномерность в изложении материала (по объему и содержанию). Представляется, что авторы могли бы шире раскрыть роль социального аспекта как в служебной деятельности офицеров флота, так и вне ее. И все же выход в свет нового научного труда будет способствовать дальнейшей разработке вопросов подготовки офицерского корпуса флота. Богатый фактический материал, умелый его анализ позволяют считать данную книгу хорошим пособием в системе профессионального образования, а также в работе по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации. Некоторые наблюдения, оценки и рекомендации авторов могут быть полезны в процессе выработки современной модели подготовки офицерских кадров флота, а также при оценке перспектив реформирования Российского ВМФ. Книга окажет несомненную помощь офицерам флота, преподавательскому составу вузов в решении стоящих перед ними задач.

Контр-адмирал в отставке
Б. П. НЕЧИТАЙЛО

О цене победы в Курской битве

Обложка книги

ВЫХОД в свет новой книги* о Великой Отечественной войне является весьма отрядным свидетельством того, что наша историография возвращается к традициям углубленного изучения военной истории Отечества.

Книга основана на малоизвестных, часто впервые вводимых в научный оборот документах советского командования и вермахта. Оригинальная в своем построении, она содержит воспоминания участников событий, повествует о трудностях и испытаниях, через которые прошли советские воины, приближаясь к победе. Авторы-составители книги постарались представить в ней различные взгляды отечественных и зарубежных государственных деятелей, военачальников и военных историков на исследуемую проблему.

Труд авторского коллектива Института военной истории Министерства обороны РФ заслуживает особого внимания, позволяя вести предметный разговор о попытке руководства «третьего рейха» изменить обстановку на Восточном фронте в свою пользу, взять реванш за поражение под Сталинградом, о деятельности Ставки Верховного Главнокомандования, которая в противовес гитлеровскому плану разработала мероприятия по созданию глубокоэшелонированной обороны на Курском выступе с последующим переходом в контрнаступление.

Авторы-составители сборника предприняли попытку показать, какой ценой была достигнута победа в Курской битве. В пяти частях книги отражены не только основные этапы сражения, но и ратные подвиги бойцов и командиров на полях ожесточенных боев. Даны запоминающиеся портреты рядовых и сержантов, офицеров и генералов.

Большой интерес представляет многочисленный иллюстративный ряд и приложения к сборнику, в которых в виде таблиц собраны систематизирован-

ные сведения, касающиеся тех или иных аспектов рассматриваемой проблемы. Представлен перечень воинских частей, соединений и объединений, освобожденных городов региона от немецко-фашистских захватчиков, список Героев Советского Союза, получивших высшую степень отличия за подвиги, совершенные в период Курской битвы.

Безусловно, книга является весомым вкладом в реализацию государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 гг.» и Федерального закона «О днях воинской славы (победных днях) России».

Выход в свет сборника «Огненная дуга. Курская битва 5 июля — 23 августа 1943 г.» стал хорошим подарком ветеранам Великой Отечественной войны, специалистам и читателям, увлекающимся военной историей, так как позволяет глубже разобраться в подлинной истории битвы на Курской дуге, означавшей коренной перелом в Великой Отечественной войне.

*Полковник
С.В. ФЕДОРИН*

* * *

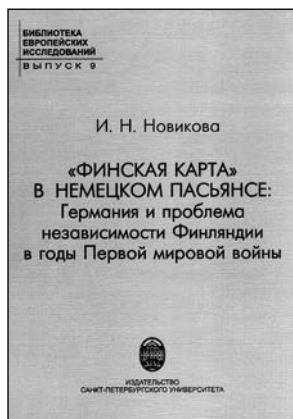
Германский вклад в финляндскую независимость

К 90-летию начала Первой мировой войны

ИЗУЧЕНИЕ Первой мировой войны в нашей стране сегодня переживает подъем. Полки книжных магазинов ломятся от книг по этой тематике в красивых обложках, с привлекательными названиями, правда, нередко весьма поверхностных по содержанию. Труд же кандидата исторических наук И.Н. Новикова, вышедший в издательстве Санкт-Петербургского университета**, отличается хорошим стилем, превосходной источниковой базой (использованы материалы шести российских архивов и двух немецких — Политического архива МИД и Бундесархива ФРГ) и, как ни странно, актуальностью, так как речь идет о параде суверенитетов, хотя и почти вековой давности.

Великие державы не раз использовали сепаратизм малых народов в своей большой политической игре. На примере Финляндии автор книги скрупулезно рассматривает взаимоотношения между российской центральной властью и национальным регионом империи в переломный момент истории, указывает на воздействие, которое оказывали на эти отношения великие державы, в данном случае Германия. Надо отметить, что тема эта, так назы-

**Новикова И.Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 300 с.

Обложка книги

ваемый немецкий вклад в финляндскую независимость, изучена еще далеко не достаточно, и в заслугу И.Н. Новиковой надо поставить, что она успешно справилась с непростой задачей: сумела на основе документального материала раскрыть роль Германии в процессе выхода Финляндии из состава Российской Империи.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения. Первая глава посвящена анализу германо-финского сотрудничества до падения монархии в России. Автор показывает, что «финляндский вопрос» занимал в германо-российских отношениях накануне Первой мировой войны очень скромное место, так как интересы Германии в Финляндии тогда ограничивались в основном экономикой — завоеванием дополнительного рынка сбыта своей продукции.

Мировая война заставила изменить отношение немецкой элиты к Финляндии. В Берлине пришли к выводу, что сепаратизм финнов можно использовать для внутреннего ослабления Российской Империи, политического подавления восточного противника. С большим интересом читается раздел, посвященный немецкой «политике революционизирования» России, которая «имела две оси в системе координат — вертикальную (разжигание социальной напряженности во враждебных странах, противопоставление «низов» «верхам», для чего необходимо была помощь революционеров) и горизонтальную (стимулирование межнациональных конфликтов, что требовало взаимодействия с радикалами-националистами)» (с. 65). В этом разделе также прослеживается история появления термина «революционизирование» в правящих верхах Германии, даются портреты творцов «политики революционизирования» и рассматриваются контакты немецких дипломатов с финскими эмигрантами в Швеции и Германии.

Особого внимания заслуживает раздел, посвященный егерскому движению в Финляндии и его поддержке со стороны Германии. О сражавшихся на стороне центральных держав польских легионах Ю. Пилсудского слышаны многие. Однако история создания «финского легиона» является

малоизвестной для российских читателей. Автор прослеживает становление и развитие «финского легиона»: от курс для военной подготовки финских добровольцев в местечке Локштедт недалеко от Гамбурга и формирования 27-го Королевского Прусского егерского батальона, отправки его на Рижский фронт (чтобы закалить на полях сражений против своих соотечественников — россияне) до возвращения егерского батальона на родину и участия егерей в формировании финской национальной армии. Примечательно, что история егерского движения воссоздается на основе немецких архивных материалов и воспоминаний самих финских егерей. Пожалуй, впервые объективно и без акцента на сенсационность раскрывается вопрос об источниках финансирования егерского движения и заграничных центров финского сепаратизма. Правда, на наш взгляд, автору следовало бы более подробно раскрыть роль финских егерей в деятельности немецкой разведки на территории Швеции, Финляндии и русского Севера.

Во второй главе книги на основе богатого фактического материала показана роль Германии в провозглашении и признании независимости Финляндии. Показывая, как и почему произошла постепенная радикализация национальных требований финнов, когда ведущие политические партии княжества перешли от лозунгов автономии в составе империи к требованию полного государственного суверенитета, автор отмечает, что Временное правительство, придя к власти в России, разрушило остои, скрепляющий регионы, взамен же предложило лишь лозунг демократизации. Казалось, как недавно это снова имело место у нас, с укреплением демократии национальные проблемы решаются сами собой. Но удивительно бездарной оказалась национальная политика Временного правительства, печальными последствиями обернулась политика «демократизации армии» для российских войск в Финляндии (с. 158—159).

Экономическая и политическая анархия в центре провоцировала региональную элиту к решительному образу действий — отделению от России. Кроме того, не последнюю роль сыграл и фактор усиления немецкого военного присутствия в Балтийском регионе. В начале сентября 1917 года немецкие войска захватили Ригу, в октябре были оккупированы без особых усилий расположенные в восточной части Балтийского моря стратегически важные острова Эзель, Даго и Моон. Среди финской правящей элиты укрепилось суждение, что следующей жертвой будет Финляндия. Причем немцы сами с удовольствием распространяли подобные слухи. В способность российских вооруженных сил оказать достойный отпор противнику в Финляндии уже всеерьез не верили. Пришлось искать иные варианты спасения страны.

После Октябрьской револю-

ции 1917 года не только финские эмигранты, мечтавшие о создании под «немецким зонтиком» независимой Финляндии, но и финская правящая элита обратила свой взор на Германию. Автор убедительно показывает решающую роль Германии в том, что финское правительство П.Э. Свинхувуда набралось наконец смелости и провозгласило независимость страны. За своей спиной оно чувствовало поддержку немецкого государства и армии, прежде всего вездесущего генерала Э. Людендорфа, который, хотя и настаивал на провозглашении Финляндией государственного суверенитета, идеалистом, искренне сочувствующим национальному освобождению финнов, не был. В своем давлении на финских представителей он руководствовался геостратегическим соображением: Финляндия рассматривалась немцами верхними командованием как потенциальный союзник Германии. Контролируя ее территорию, можно было осуществлять «благотворное» для немцев давление как на правительство большевиков, так и на шведов.

Автор аргументированно, на основе изучения секретной переписки между немецкими военными и дипломатами, отвергает распространяемую в западной историографии точку зрения, согласно которой правительство В.И. Ленина признало независимость Финляндии лишь под немецким нажимом. Давление немцев действительно имело место, только не на большевиков, а на финское правительство, чтобы оно как можно быстрее обратилось в Петроград с просьбой о признании независимости. Спешка объяснялась тем, что немцы не верили в возможность большевиков длительное время удерживать власть. Следовало торопиться, ведь другого правительства, которое так легко расставалось бы с отдельными регионами единой империи, в перспективе могло и не быть. Не идеализирует автор и ленинскую национальную политику, заключая, что в конце 1917 — начале 1918 года «Финляндия оказалась в центре борьбы за сферы влияния между революционной Россией и кайзеровской Германией. Большевики воспринимали ее территорию, по образному выражению Г. Зиновьева, как "окно русской революции в Европу". Германия же отвела Финляндии роль "северного форпоста Средней Европы", с помощью которого можно было держать под угрозой Петроград. Поэтому она также не бездействовала, оказывая помощь в организации и вооружении финской армии» (с. 196).

В заключительной главе книги освещается становление финляндской независимости в условиях германской вооруженной интервенции. О финляндской экспедиции Германии писали многие исследователи. Однако автор останавливается на слабо исследованной ее стороне, а именно на процессе принятия решения по вопросу о

немецкой интервенции в Финляндию. На страницах книги разворачивается напряженная борьба между различными группировками в немецких верхах при решении вопроса о целесообразности отправки войск в Финляндию. Так, Пауль фон Гинденбург рассматривал немецкую интервенцию в Финляндию как своего рода «гарантию соблюдения Россией условий Брестского мира». Он также считал Финляндию наряду с Украиной естественным союзником Германии в военное время и своего рода противовесом Великобритании в мирный период, а с помощью поставок финского сырья ожидал улучшения экономического положения Германии (с. 220). Многие же немецкие дипломаты, прежде всего статс-секретарь по иностранным делам Рихард фон Кюльман, считались противниками отправки немецких войск в Финляндию, ибо «вооруженное вмешательство против финляндской революции не входит в сферу внешней политики Германии» (с. 222—223). Не разделял глава немецкого МИДа и оптимизма военных по поводу экономических выгод интервенции.

Как положительный момент можно отметить стремление автора в потоке сложных и быстро меняющихся событий не потерять человека. Перед читателем предстают запоминающиеся образы немецких дипломатов и военачальников, финских сепаратистов и лидеров основных политических партий Финляндии.

Труд И.Н. Новиковой является актуальным, профессиональным выполнением и завершением исследования. К сожалению, для удобства читателей в этой книге явно не хватает качественных карт, именного указателя, а также приложения, куда можно было бы поместить наиболее интересные архивные документы. Хочется надеяться, что книга будет востребована военными историками, а также специалистами по истории международных отношений, политологами и геополитиками.

*Капитан 1 ранга запаса
Б.А. ИСАЕВ*

* * *

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФЛОТ

АВТОРЫ недавно изданной книги* — военные моряки, известные статьями и книгами о судьбах отечественного ВМФ. Они взяли на себя труд проследить и проанализировать основные события, произошедшие во флоте за период от второй половины 40-х годов прошлого века до начала нынешнего столетия. Опираясь на документальный и архивный материал, умело используя богатый личный опыт флотской службы, авторы дали читателю

* Костев Г.Г., Костев И.Г. Неизвестный флот. Люди, факты, проблемы. М., 2004. 496 с., ил.

Обложка книги

историко-аналитический срез отечественного ВМФ, по которому, как по годовым кольцам на стволе дерева, можно судить о взлетах и падениях, пережитых нашим флотом за последние полвека.

В первой части книги показывается послевоенная обстановка в мире, на фоне которой раскрываются проблемы нашего флота, реализация крупных кораблестроительных программ. Показано, что И.В. Сталин и руководители страны вникли во все детали, начиная от качества строившихся кораблей до уровня подготовки офицерского и рядового состава. В этом отношении впечатления приведенные в книге протоколы двух заседаний Главного военно-морского совета, ранее публиковавшееся в «Военно-историческом журнале», на которых присутствовали высшие должностные лица, в том числе и И.В. Сталин. Документ свидетельствует о том, что для политического руководства страны в вопросах строительства Вооруженных Сил не было мелочей. Приводятся конкретные сведения о высоких темпах строительства флота в послевоенный период. Читатели познакомятся со многими событиями, связанными с началом массового строительства дизельных подводных лодок, с интересными деталями создания атомного и ракетного подводного флота. Впечатляют цифры, характеризующие темпы роста численного состава подводных лодок.

На фоне этих важных событий в книге раскрывается деятельность конкретных людей — главного командования ВМФ, командиров кораблей и соединений, экипажей подводных лодок. Этот интересный и поучительный материал является центральным содержанием всей книги и поэтому вполне соответствует ее подзаголовку. Авторы приводят фамилии людей, так или иначе связанных с определенными положительными или негативными фактами из жизни флота, которые для большинства читателей окажутся новыми и поучительными. Очень тепло говорится о матросах и старшинах

подводных лодок, чья служебная деятельность во многом могла бы стать примером для современной молодежи.

Подробно рассматривается существовавшая в СССР система подготовки офицерских кадров, которая обеспечивала решение одного из главных вопросов строительства ВМФ — подготовку квалифицированных корабельных специалистов командного и инженерного профилей. Обоснованно критикуются публикации, в которых рекомендуются неприемлемые для подготовки офицеров флота меры.

Заслуживают внимания оценки, данные авторами ряду высоких должностных лиц ВМФ. Так, интересно показан образ выдающегося военачальника Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, его роль в создании советского ВМФ, высокие личные качества, снискавшие ему авторитет и уважение всего личного состава. Много в книге написано о длительной и продуктивной деятельности на посту главнокомандующего ВМФ Адмирала Флота Советского Союза С.Г. Горшкова. Но при этом с максимальной объективностью отмечаются и отдельные просчеты этого видного советского адмирала. Нельзя не согласиться с мнением авторов о недостатках в строительстве флота, и главным образом о недостаточном уровне сбалансированности всех его структур.

Во второй части книги раскрываются вопросы, связанные с оперативными планами ВМФ: военная доктрина, состав и возможности ВМФ, виды морского оружия, организационная работа штабов и управлений по руководству деятельностью ВМФ. Эта часть книги будет особенно интересна и полезна военным историкам и офицерам руководящего звена, изучающим особенности развития взглядов на характер оперативной деятельности флотов в различных исторических условиях и на роль и функции системы управления флотом.

В третьей части приведены конкретные материалы об обстоятельствах гибели линкора «Новороссийск», излагается хронология гибели атомной подводной лодки «Курск».

Таким образом, в рецензируемой книге расставлены основные ретроспективные вехи на пути сложного развития нашего флота в течение последних десятилетий. Важно то, что это не просто хронология этапов развития, это развернутая картина событий и фактов, связанных с судьбами, мыслями и действиями конкретных людей, служивших на флоте. В целом же книга читается с большим интересом, подкупает искренностью авторов, их знанием дела, тревогой за судьбу российского Военно-морского флота.

*Капитан 1 ранга
в отставке
Н.М. ГРУЗДЕВ*

Сведения об авторах номера

АЛЕКСЕЕВ Тимофей Владимирович — заместитель начальника отдела воспитательной работы Военно-космической академии имени А.Ф.Можайского, подполковник (Санкт-Петербург)

АРТАМОНОВ Владимир Алексеевич — старший научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва)

БАЛАШОВА Лидия Николаевна — старший научный сотрудник Центрального музея Вооруженных сил, начальник группы фонда изобразительных искусств, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

БЕРЕЗИН Юрий Дмитриевич — старший научный сотрудник Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник в отставке, кандидат технических наук, доцент (Москва)

БЕРЕЗИН Александр Юрьевич — научный сотрудник Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва)

ГАСИЕВ Валерий Иванович — научный сотрудник Государственного музея Юга Осетии (г. Цхинвали, Южная Осетия, Грузия)

ГРУЗДЕВ Николай Михайлович — профессор Санкт-Петербургского военно-морского института, капитан 1 ранга в отставке, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург)

ЖДАНОВСКИЙ Александр Сергеевич — историк, полковник в отставке (Москва)

ИЛЬЮШИН Владимир Васильевич — полковник запаса, кандидат военных наук, доцент (Москва)

ИСАЕВ Борис Акимович — заведующий кафедрой Балтийского государственного технического университета «Военмех», капитан 1 ранга запаса, кандидат исторических наук, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург)

КАНАЕВ Вячеслав Михайлович — профессор кафедры оперативного искусства ВВС Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор запаса, кандидат военных наук, профессор (Москва)

КОВШОВА Валентина Михайловна — кандидат исторических наук (г. Саранск, Республика Мордовия)

КОРОЛЕВ Валентин Степанович — историк, капитан 1 ранга в отставке (Москва)

КОРЯВКО Владимир Иванович — профессор кафедры оперативного искусства ВМФ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга в отставке, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

КРЫЛОВ Валерий Михайлович — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

КУРМЫШОВ Василий Михайлович — доцент кафедры тактики Военного инженерно-технического университета, полковник, кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург)

МАЙОРОВ Вячеслав Викторович — офицер штаба Сибирского военного округа, подполковник (г. Чита)

МАЛАШЕНКО Евгений Иванович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

МЕЛЕНТЬЕВ Владимир Дмитриевич — доцент кафедры истории Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, полковник в отставке, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

НЕЧИТАЙЛО Борис Петрович — председатель союза участников Великой Отечественной войны и ветеранов ВМФ Калининградской области, контр-адмирал в отставке (г. Калининград)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

ПАВЛОВ Александр Петрович — полковник запаса (п.Фошня Орловской обл.)

ПЕТРОВ Павел Владимирович — начальник отдела научно-справочного аппарата и государственного учета документов Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

РОМАНЧЕНКО Юрий Григорьевич — полковник запаса, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

СОСИН Виктор Васильевич — старший научный сотрудник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке (Санкт-Петербург)

УСПЕНСКАЯ Светлана Васильевна — заместитель начальника Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ФЕДОРИН Сергей Владимирович — начальник кафедры Военного университета ПВО, полковник, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

ФРОЛОВ Михаил Иванович — профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ХВОРОСТЬЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ХЮПЕНЕН Анатолий Иванович — председатель объединенного совета ветеранов Войск ПВО, генерал-полковник в отставке, доктор военных наук, профессор (Москва)

Материалы номера рецензировали: генерал-полковник Ю.Н. Балуевский (Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации); генерал-майор в отставке В.В. Градосельский; доктор философских наук, профессор генерал-майор в отставке И.С. Даниленко (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник А.А. Кольцов (Институт военной истории); адмирал В.А. Кравченко (Главный штаб ВМФ); кандидат военных наук генерал-полковник в отставке Г.Ф. Кривошеев (Военно-мемориальный центр ВС РФ); В.А. Мартынов (Историко-документальный департамент МИД РФ); капитан 1 ранга Е.Г. Мачикин (Главный штаб ВМФ); кандидат военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); доктор военных наук, профессор генерал-лейтенант В.И.Останков (Центр военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ); кандидат военных наук генерал-полковник А.С. Рукшин (Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов "Военно-исторический журнал" может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется обратный почтовый адрес автора, номера телефонов, полностью указаны его фамилия, имя и отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих – номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несет авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ "О средствах массовой информации" редакция имеет право не вступать в переписку с корреспондентами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ.

При перепечатке материалов ссылка на "Военно-исторический журнал" обязательна.

Компьютерная верстка — А.Д. МАРКОВА, фотокорреспондент П.Ю. СКУРАТОВ

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19.

Сдано в набор 14.12.2004
Подписано к печати 07.02.2005.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд. л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Общий тираж 12000 экз. Зак. 198.

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ООО «Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2005.

ТРАНСПОРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МАНЬЖУРСКИХ АРМИЙ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.

Из собраний Российского государственного военно-исторического архива (Москва)

Читайте в номере

К 100-летию Русско-японской войны 1904—1905 гг.

100 ЛЕТ назад, 6 (19) февраля 1905 года, началось Мукденское сражение — крупнейшее в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Русские войска в Маньчжурии под командованием генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина насчитывали 300 тыс. штыков и сабель, 1386 орудий и 56 пулеметов. Противник имел 270 тыс. штыков и сабель, 1062 орудия и 200 пулеметов. Общее командование японскими войсками осуществлял маршал И. Ояма. Сражение развернулось на широком фронте, имело затяжной характер, что требовало новых приемов и средств управления. Поражение русских войск было обусловлено пассивностью военного командования, его неспособностью организовать четкое управление войсками, быстро и решительно противодействовать противнику. События под Мукденом и вслед за ними разгром русского флота в Цусимском сражении вынудили российское правительство отказаться от продолжения войны и искать пути к заключению мира. Одной из главных причин, обусловивших поражение российской армии в Русско-японской войне 1904—1905 гг., явились трудности в транспортном обеспечении мероприятий по созданию необходимой группировки войск на Дальневосточном театре военных действий и ее материальном снабжении. Этому посвящен материал доктора исторических наук, профессора полковника в отставке М.И. Фролова и кандидата исторических наук, доцента полковника в отставке В.Д. Мелентьева.

Плакаты времен Русско-японской войны 1904—1905 гг.

АКАДЕМИЯ С ГОРДОСТЬЮ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

К 180-летию контр-адмирала А.Ф. Можайского и 50-летию присвоения его имени Военно-космической академии

▲ А.Ф. Можайский (1825—1890)

Начальник Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского доктор технических наук, профессор генерал-лейтенант Александр Павлович Ковалев

Начальник академии генерал-лейтенант А.П. Ковалев вручает медаль и диплом Женевского международного салона кандидату технических наук доценту В.И. Дикареву

Символика Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского

- 1 — герб Космических войск;
- 2 — памятный нагрудный знак академии;
- 3 — вымпел Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского.

▲ Выпуск офицеров академии

Торжественное собрание, посвященное Дню защитника Отечества. Февраль 2004 г.

Публикацию подготовил подполковник Т.В. АЛЕКСЕЕВ

ОТ ЦЕНТРА ОПЕРАТИВНО-ДО ЦЕНТРА ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ

26 ЯНВАРЯ 2005 года Центр военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ отметил свое 20-летие.

Созданию такой научно-исследовательской организации способствовал ряд настоятельных требований времени и наличие различных военно-политических факторов и проблем, требующих скорейшего решения. Это был период, когда требовалось переосмысление подходов к решению проблем строительства Вооруженных сил и организации обороны страны. Возникла острая потребность в проведении фундаментальных комплексных исследований стратегического и оперативно-стратегического уровней, организации тесного научно-взаимодействия между Министерством обороны и научно-исследовательскими учреждениями оборонных отраслей промышленности.

В связи с этим в январе 1985 года было принято решение о создании в составе Генерального штаба Центра оперативно-стратегических исследований (ЦОСИ), который в 1992 году переименован в Центр военно-стратегических исследований Генерального штаба. Важную роль в создании и становлении центра сыграл начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев.

Основные задачи, в то время возложенные на центр, — это проведение исследований по наиболее важным проблемам стратегии, оперативного искусства и строительства Вооруженных сил, научная проработка назревших вопросов, которые необходимо было решать в Вооруженных силах. Особо важная задача, возложенная на центр начальником Генерального штаба, состояла в тщательной, объективной и оперативной аналитической проработке различных, в том числе и альтернативных, предложений нашей промышленности по созданию новых образцов вооружения и военной техники, в частности и по противодействию СОО, разрабатываемой в то время США.

В связи с этим частыми гостями центра были выдающиеся ученые с мировым именем — академики Ю.Б. Харитон, Е.П. Велихов, В.С. Семенихин, А.Ф. Уткин, В.Ф. Уткин, А.Г. Басистов, И.Д. Спасский, Б.В. Бункин, Б.В. Замышляев, Ю.А. Мозжорин, представители ВПК, Министерства общего машиностроения, Министерства радиопромышленности, руководители научно-производственных объединений и многие другие.

Впоследствии задачи центру корректировались в соответствии с военно-политической обстановкой, изменялась и совершенствовалась его организационно-штатная структура. На протяжении всего периода существования Центр военно-стратегических исследований строил свою научную деятельность во взаимодействии с главными и центральными управлениями Министерства обороны, главными командованиями видов Вооруженных сил, командованиями родов войск, Военной академией Генерального штаба, видовыми академиями и научно-исследовательскими организациями Министерства обороны.

В настоящее время сотрудники центра также координируют вопросы международного военно-научного сотрудничества с научными организациями стран СНГ и дальнего зарубежья, в том числе государств, входящих в НАТО. Главное внимание уделяется исследованию проблем военной безопасности, стратегической стабильности и миротворческой деятельности.

Сегодня Центр военно-стратегических исследований Генерального штаба является ведущей научно-исследовательской организацией в области строительства и применения Вооруженных сил Российской Федерации.

К 20-летию Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба

▲ Результаты работы центра востребованы в деятельности министра обороны РФ С.Б. Иванова и начальника Генерального штаба ВС РФ — первого заместителя министра обороны РФ генерал-полковника Ю.Н. Балуевского 2004 г.

▲ Начальники Центра военно-стратегических исследований (слева направо): генерал-лейтенант в отставке С.А. Богданов, генерал-полковник в отставке В.В. Коробушин, генерал-лейтенант В.И. Останков, генерал-лейтенант запаса В.К. Потемкин, генерал-лейтенант запаса А.Ф. Клименко

Сотрудники Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба

Символика Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба

- 1 — большая эмблема (герб);
- 2 — средняя эмблема;
- 3 — малая эмблема;
- 4 — знак различия;
- 5 — вымпел

СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

К читателям «Военно-исторического журнала»

20 лет по историческим меркам срок небольшой, но для Центра военно-стратегических исследований он вместил в себя дела нескольких поколений военных ученых.

Созданный в сложное для страны время в качестве головного военно-теоретического, научно-исследовательского и научно-организационного учреждения Вооруженных сил, центр всегда старался быть на острие решения актуальнейших проблем, стоящих перед военной наукой. Роль и значение его в перспективе будут только возрастать. Это объясняется объективными условиями, в которых осуществляется строительство Вооруженных сил Российской Федерации.

Опыт последнего десятилетия наглядно показал, что все наиболее важные проблемы стратегии, оперативного искусства и строительства Вооруженных сил РФ, которые предусматривалось практически решать в Вооруженных силах, требовали глубокой научной проработки. И уже сегодня перед нами стоят задачи исследования проблем совершенствования системы стратегического и оперативно-стратегического руководства и управления ВС РФ; комплексного анализа и обоснования новых, в том числе и нетрадиционных, форм и способов вооруженной борьбы; развития теории специальных действий войск (сил); разработки основ подготовки и применения региональной группировки войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках союзного государства.

Решение таких сложных задач невозможно без профессионально подготовленных офицеров. Интеллектуальный потенциал центра — гарантия того, что стоящие перед нами задачи будут выполнены. Нет сомнений, что Центр военно-стратегических исследований и впредь будет востребован для решения актуальнейших задач в деле укрепления обороноспособности государства.

Сердечно поздравляю вас, дорогие читатели, с 20-летием образования центра, сотрудники которого все эти годы активно помогают редакции «Военно-исторического журнала». От всей души желаю вам счастья и успеха в нелегком труде на благо нашей Родины и ее Вооруженных сил.

Начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации генерал-лейтенант В.И. ОСТАНКОВ

Центр начал свою практическую деятельность 12 апреля 1985 года по адресу улица Кропоткинская (ныне Пречистенка), д. 19

▲ Северный Кавказ, штаб Восточной группировки ОГВ(С). Полковники К.С. Качер, С.В. Стрюк, генерал-майор запаса Н.И. Куценко, полковник запаса В.В. Квачков Ноябрь 1999 г.

▲ Ханкала, штаб ОГВ(С) 2003 г.

▲ Российско-казахстанская конференция по сотрудничеству в области обороны и безопасности. Второй справа — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник А.С. Скворцов Казахстан, март 2004 г.

▲ Рабочая встреча с белорусской делегацией по разработке основ функционирования военной организации союзного государства. Второй слева — заместитель начальника ЦВСИ полковник В.А. Афанасьев

▲ Посещение Центра слушателями Национального института оборонных исследований управления национальной обороны Японии. В центре — заместитель начальника ЦВСИ генерал-майор В.Л. Манько

Москва, октябрь 2003 г.

